АГАТА
КРИСТИ

Свидание со смертью

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190

А. КРИСТИ

СВИДАНИЕ СО СМЕРТЬЮ

РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛО

РИГА, «АВОТС», 1991

84.4
К.825

Agatha Cristie

APPOINTMENT WITH DEATH

Copyright c 1937, 1938 by
Agatha Cristie Mallowan

Agatha Christie

THE DEAD MAN'S MIRROR

Copyright ©,

Издание подготовлено
при участии СП «Либра»

Редактор — СТЕЛЛА МАКАРОВА

Художник — УЛДИС СОСНОВСКИЙ

К $\frac{4703010100-5}{M803(11)-91}$
ISNB 5—401—00678— X

© Винтер Г. Авторизованный
перевод на русский язык, 1992

— Неужел
вопрос разор
у окна, но р
осторожно пр
особенно вре
шторы, он ус
понимаешь, ч
Это были
— Куда б
чем-нибудь и
тал Пуаро. С
Энтони Трелл
на океанском
двое пассажи
— Все пре
ко он должен
хой.
Тогда пис
— Джентл
Сейчас же по
Но что по
подслушал? В
будь пьесу ил
«Боюсь, чт
ненные зловещ
напряжение, с
этот голос». —
Облокотив
тоны тихо раз
Раймонд повто
— Неужели
Кэрол вздр
— Это ужа

ГЛАВА 1

— Неужели ты не понимаешь, что ее нужно убить? — вопрос разорвал ночную тишину. Эркюль Пуаро подождал у окна, но разговор не возобновился. Нахмурившись, он осторожно прикрыл окно. Он был убежден: ночной воздух особенно вреден для его здоровья. Тщательно задернув шторы, он усмехнулся, повторяя фразу: «Неужели ты не понимаешь, что ее нужно убить?»

Это были первые услышанные им в Иерусалиме слова.

— Куда бы я ни приехал, я везде сталкиваюсь с чем-нибудь напоминающим о преступлении,— пробормотал Пуаро. Он вспомнил случай с известным писателем Энтони Треллопом. Однажды во время своего путешествия на океанском лайнере писатель случайно услышал, как двое пассажиров обсуждали его последний роман.

— Все прекрасно,— сказал один из пассажиров,— только он должен был разделаться с этой надоедливой старухой.

Тогда писатель улыбнулся и сказал:

— Джентльмены, я вам очень благодарен за совет. Сейчас же пойду и убью ее.

Но что породило те слова, которые Пуаро нечаянно подслушал? Возможно, и эти люди обсуждали какую-нибудь пьесу или роман?

«Боюсь, что эти слова выплывут когда-нибудь, наполненные зловещим смыслом»,— подумал он и вспомнил то напряжение, с каким они были произнесены.—«Я узнаю этот голос».— Пуаро включил свет.

Облокотившись на подоконник, Раймонд и Кэрол Бойнтоны тихо разговаривали. Наконец, с трудом сдержавшись, Раймонд повторил:

— Неужели ты не понимаешь, что ее нужно убить?

Кэрол вздрогнула.

— Это ужасно!

— А разве то, что происходит, не ужасно?— в голосе Раймонда звучало долго сдерживаемое волнение.

— Пойми же ты, наконец: дальше так продолжаться не может. Мы должны что-то предпринять. У нас просто нет другого выхода.

Кэрол и не пыталась переубедить Раймонда:

— Если бы мы могли куда-нибудь уехать от всего этого ужаса.

— Но мы ведь не можем, и ты это знаешь, Кэрол,— с отчаянием сказал Раймонд.

Вздрогнув, как от удара, девушка еле слышно прошептала:

— Я знаю, Рэй, я знаю.

В ответ Раймонд горько рассмеялся.

— Скажи мы кому-нибудь, что нам не разрешается даже выйти из дома, и нас сочтут просто сумасшедшими.

— А может, мы действительно сумасшедшие?

— Пока еще нет, но скоро станем. Ведь мы так хладнокровно обсуждали, как убить свою собственную мать!

— Но она нам не родная мать!— резко возразила Кэрол.

— Конечно, ты права.

Наступила долгая пауза. Наконец, Раймонд спросил деловито:

— Так ты согласна с моим предложением, Кэрол?

— Да, ты прав, она должна умереть. У нас нет другого выхода,— твердо сказала Кэрол.

Но внезапно от ее видимого спокойствия не осталось и следа.

— Послушай,— воскликнула Кэрол,— она же сумасшедшая! Я убеждена — она сумасшедшая! Будь она нормальной, она бы нас так не мучила. Все эти годы мы говорили друг другу: «Так продолжаться больше не может». А оно все продолжалось и продолжалось! Мы говорили: «Должна же она когда-нибудь умереть!» А она все не умирала. И теперь мне уже кажется, что такие, как она, вообще не умирают, если только...

Кэрол замолчала. Раймонд продолжил за нее:

— Если только мы не убьем ее. Но ты сама понимаешь, что покончить с ней должен кто-нибудь один из нас. У Леннокса есть Надин, а Джинни мы не имеем права втягивать в это дело.

Кэрол вздрогнула.

— Бедная Джинни. Я так боюсь, что...

— Я понимаю тебя, Кэрол. С ней что-то происходит. Вот поэтому мы и должны поспешить, а то с Джинни может случиться непоправимое. Она уже на грани...

Резким движением откинув со лба волосы, Кэрол спросила:

— Послушай, Рэй, а имеем ли мы на это моральное право?

— Да. Это все равно, что убить бешеную собаку. Зло должно быть уничтожено. Это единственный способ с ним покончить.

Кэрол пробормотала:

— Но ведь в любом случае нам грозит электрический стул. Мы не сможем им ничего объяснить и доказать.

— Об этом никто не узнает. Послушай, у меня уже есть план. Я все уже обдумал. Это будет абсолютно безопасно,— попробовал успокоить ее Раймонд. Кэрол резко повернулась к нему.

— Рэй, ты очень изменился. Что-то с тобой произошло. Что подтолкнуло тебя к этому решению?

— Почему ты считаешь, что со мной что-то произошло? — он отвел взгляд.

— Но это же так, Рэй. Может быть, из-за той девушки в поезде?..

— Ерунда! Давай лучше обсудим мой план.

— А ты уверен, что твой план хорош?

— Абсолютно уверен. Надо только дождаться удобного момента. И тогда, если все пойдет так, как я думаю, мы наконец освободимся от нашего кошмара.

— Освободимся? — Кэрол коротко вздохнула и неожиданно разрыдалась.

— Кэрол, что с тобой?

Пытаясь справиться со слезами, она сказала:

— Ты только посмотри, какая вокруг красота! Ночь, звезды. А мы всего этого лишены, нам не дано этим наслаждаться. Как бы мне хотелось быть такой же, как все!

— Поверь мне, мы будем! Обязательно будем! Но только после ее смерти.

— Ты уверен? А может, уже слишком поздно для нас?

— Нет! Нет! Нет! Кэрол, но если ты не...

— Я уже решила. Я согласна. В первую очередь мы должны подумать не о себе, а о Джинни. Мы обязаны ее спасти.

— Прекрасно. А теперь выслушай мой план.

ГЛАВА II

Мисс Сара Кинг стояла у стола в холле отеля «Соломон», просматривая газеты и журналы.

В холл вошел высокий француз средних лет. Какое-то время он смотрел на Сару, потом подошел к столу. Их глаза встретились, и Сара улыбнулась: она узнала в нем человека, который помог ей в Каире донести один из чемоданов.

— Не согласитесь ли выпить со мной кофе, мисс . . .

— Кинг. Сара Кинг.

— Очень приятно,— он протянул ей свою визитную карточку.

Взглянув на нее, Сара воскликнула:

— Вы Теодор Жерар? Я просто счастлива, что мне представилась возможность познакомиться с вами. Я знаю все ваши работы, и меня особенно поразила и заинтересовала ваша точка зрения на шизофрению.

— Неужели?

Сара попыталась объяснить:

— Видите ли, я сама врач.

— Теперь мне понятно.

Доктор Жерар заказал кофе, и они сели за столик в холле. Казалось, он не столько интересовался ее познаниями в медицине, сколько ее роскошными черными волосами и яркими, красиво очерченным ртом. Жерара забавляла ее почтительность и благоговение по отношению к нему.

— Сколько вы здесь собираетесь пробыть?—спросил он.

— Всего несколько дней. Потом я хочу поехать в Петру.

— Мне тоже хочется там побывать, если это не займет слишком много времени. Я должен быть в Париже 14-го.

— Я думаю, эта поездка может занять около недели. Два дня туда, два обратно и два там.

— Тогда мне нужно сходить в бюро путешествий и попытаться все организовать.

В холл вошла группа людей и расположилась невдалеке. Сара наблюдала за ними с некоторым интересом.

Понизив голос, она сказала:

— Обратите внимание на этих людей. Вы их не заметили, когда мы уезжали из Каира?

Поправив монокль, доктор Жерар посмотрел на вошедших.

— Американцы?

Сара кивнула.

— Да. Это американская семья, но какие-то они все странные, необычные.

— Почему вы так думаете?

— А вы посмотрите внимательно. Особенно на эту пожилую даму.

Доктор Жерар согласился с Сарой. Но его больше заинтересовал высокий приятный сухощавый мужчина лет тридцати, всем своим видом выражавший апатию и безволие. Рядом с ним стояли юноша и девушка. Юноша был прекрасен, как греческий бог.

«Но в нем тоже что-то странное,— подумал доктор Жерар.— Сильное нервное напряжение. Девушка — очевидно, его сестра. Необыкновенное сходство. Тоже очень возбуждена».

Младшим членом этой странной семьи была юная — совсем еще ребенок — девушка с золотисто-рыжими пушистыми волосами. Рядом с ней сидела спокойная черноволосая женщина с лицом мадонны. А в центре группы... О Боже! У доктора Жерара от ужаса перехватило дыхание... это кошмар, а не женщина! Старая, обрюзгшая, напоминая злую пародию на Будду, она сидела, окаменев, как огромный паук в центре своей паутины.

— Посмотрите, в ней чувствуется что-то зловещее,— прошептала Сара.

Доктор Жерар внимательно посмотрел на чудовище, но на этот раз уже глазами врача.

— Плохо работает сердце. Водянка.

— Вы правы,— согласилась Сара,— но не кажется ли вам, что в их отношении к ней есть что-то патологическое?

— А кто они?

— Это Бойнтоны. Мать, женатый сын, его жена, младший сын и две дочери.

— Ах так! Семейство Бойнтонов совершает кругосветное путешествие.

— Да, только в том, как они его совершают, есть тоже что-то ненормальное. Они никогда ни с кем не разговаривают, и, кроме того, они без разрешения этого чудовища ни шагу не могут ступить самостоятельно.

— Это же матриархат!— воскликнул Жерар.

— Она просто тиран,— добавила Сара.

Доктор Жерар пожал плечами и заметил, что американки славятся чрезмерным властолюбием.

— Здесь мы имеем дело с патологическим случаем властолюбия,— сказала Сара.

— Женщине нельзя давать слишком много власти.— Жерар украдкой посмотрел на Сару. Она внимательно наблюдала за семейством Бойнтонов, вернее, за одним из ее членов. Жерар улыбнулся и спросил:

— Вы с ними разговаривали?

— Да. Точнее сказать — с одним из них . . .

— С юношей?

— Да. Мы ехали в одном вагоне из Кантары. Он стоял в коридоре, и я заговорила с ним.

— А что вас заставило подойти к нему?

Сара пожала плечами.

— Я всегда разговариваю с людьми, когда путешествую. Меня интересуют люди, их поступки, чувства и мысли.

— Иными словами, вы их рассматриваете под микроскопом.

— Называйте как хотите,— улыбнулась Сара.

— А какое у вас было впечатление от разговора с этим юношей?

— Довольно странное. Он все время краснел до корней волос.

— Почему вам это кажется странным?— сухо спросил Жерар.

Сара засмеялась.

— Вы думаете, он принял меня за потаскушку? О, нет. Мужчины ведь всегда чувствуют, с кем они имеют дело. Разве я не права?

Доктор Жерар кивнул. Сара продолжала:

— У меня создалось впечатление, что он очень взволнован и напуган. Крайне взволнован. Это выглядело очень странным, поскольку американцы уже в двадцать лет значительно больше знают жизнь, чем англичане в этом же возрасте. А ведь ему уже за двадцать.

— Да, года двадцать три — двадцать четыре, я думаю.

— Возможно. Он просто выглядит очень юным. Совсем мальчиком.

—«Вечный ребенок». Вам, я думаю, такой феномен хорошо известен?

— Тогда я, значит, права. В нем действительно есть что-то не совсем нормальное.

Улыбнувшись, Жерар сказал:

— Моя дорогая леди, а разве мы с вами абсолютно нормальны? Могу вас уверить в том, что юноша страдает неврозом.

— Убеждена: во всем виновата эта ужасная женщина!

— Мне ка

— Да. У н

Усмехнувш

— В этом

они становятс

повышенный

кам.

«Французы

сом»,— подума

была признать,

Ее размыш

отделился от

с журналами. И

Сары, она, неож

к нему:

— Вы сегодн

Она спросила

интересуясь отве

Раймонд при

краснел и броси

— Да, да . . .

тал он и поспеш

Чудовищная

Раймонда журнал

жиром глазки в

слегка повернула

в лицо Сары.

Посмотрев на

— О боже, ка

Жерар. К сожален

несколько писем.

— Надеюсь, мы

— Конечно. Вы

— Попытаюсь

Улыбнувшись,

проходила мимо сем

тил, как внимательн

сына, и, как будто

Раймонд отвернулся

Это больно задел

они болтали в кача

обмениваясь впечатл

забавным языком ул

— Мне кажется, вы ее невзлюбили.

— Да. У нее такие злые глаза.

Усмехнувшись, Жерар сказал:

— В этом нет ничего удивительного. У многих матерей они становятся такими, когда их сыновья проявляют повышенный интерес к очаровательным молодым девушкам.

«Французы все одинаковы — все связывают с сексом»,— подумала Сара. Но как психолог она вынуждена была признать, что в основе многих поступков лежит секс.

Ее размышления были прерваны: Раймонд Бойнтон отделился от семейной группы и направился к столу с журналами. И когда, выбрав журнал, он проходил мимо Сары, она, неожиданно даже для самой себя, обратилась к нему:

— Вы сегодня побывали где-нибудь?

Она спросила первое, что пришло в голову, совсем не интересуясь ответом: ей важно было увидеть его реакцию.

Раймонд приостановился, вздрогнул, как от удара, покраснел и бросил испуганный взгляд на свою мать.

Да, да . . . Конечно . . . Я . . .— растерянно пробормотал он и поспешил отойти от Сары.

Чудовищная старуха протянула руку и выхватила у Раймонда журнал. Доктор Жерар видел, как ее заплывшие жиром глазки внимательно оглядели сына. Потом она слегка повернула голову и уперлась тяжелым взглядом в лицо Сары.

Посмотрев на часы, Сара воскликнула:

— О боже, как поздно! Благодарю за кофе, доктор Жерар. К сожалению, я должна идти. Мне нужно написать несколько писем.

— Надеюсь, мы еще увидимся?

— Конечно. Вы ведь тоже поедете в Петру?

— Попытаюсь сделать для этого все возможное.

Улыбнувшись, Сара направилась к дверям. Когда она проходила мимо семейства Бойнтонов, доктор Жерар заметил, как внимательно миссис Бойнтон смотрела на своего сына, и, как будто подчиняясь ее безмолвному приказу, Раймонд отвернулся от приближающейся Сары.

Это больно задело Сару Кинг. Она вспомнила, как мило они болтали в качающемся коридоре спального вагона, обмениваясь впечатлениями о Египте, как смеялись над забавным языком уличных мальчишек. Молодой америка-

нец казался таким милым и непосредственным. А сейчас его поведение граничило с грубостью.

«Какое мне до него дело, в конце концов»,— с возмущением пробормотала Сара. Хотя она и не страдала чрезмерным самомнением, однако хорошо знала себе цену и не могла спокойно сносить подобное пренебрежение. В поезде юноша вызывал какую-то непонятную симпатию и жалость, а сейчас ей стало очевидно, что он просто невоспитанный высокомерный мальчишка.

Оказавшись в своей комнате, она отложила в сторону письма и села у зеркала. Расчесывая темную массу роскошных волос, Сара вспомнила свою жизнь. Месяц назад она рассталась с очень дорогим для нее человеком, младше ее на четыре года. К сожалению, их внутреннее сходство оказалось причиной постоянных ссор и недоразумений. У нее был слишком независимый характер. И хотя она постоянно уверяла себя в том, что мечтает встретить человека, который бы ею управлял, встретив такого, она поняла, что ошиблась. Порвать с любимым человеком было не просто, но Сара — трезво мыслящая женщина — знала, что для совместной жизни одного влечения недостаточно. Чтобы избавиться от терзающих душу воспоминаний, она отправилась в путешествие.

Постепенно ее мысли вернулись в настоящему. «Интересно,— подумала она,— позволит ли мне доктор Жерар высказать свое мнение о его работах? Если бы только он воспринимал меня всерьез! Может быть, он тоже поедет в Петру . . .»

Потом она снова вспомнила юного американца. Сара не сомневалась в том, что на его поведение повлияло присутствие семьи. Тем не менее, проявление такой слабохарактерности вызвало у нее чувство презрения.

И все же, во всем этом было что-то настораживающее.

Неожиданно Сара громко произнесла:

— Этот человек нуждается в помощи, и я ему помогу

ГЛАВА III

Когда Сара ушла, доктор Жерар взял газету и сел в кресло неподалеку от американцев. Его любопытство было возбуждено. Сначала его позабавило отношение молодой англичанки к этой семье, которое он продиагностировал как интерес к юному Бойнтону. Но сейчас нечто

выходящее за
на все глазами

Очень остор
наблюдать за ю

«Да, именно
вывод доктор Ж

Сара Кинг б
ной натурой, в т
раним, очень в
поддается внуше
тон находится н
озадачило.

Почему этот
человек, путешес
находится в таке

Затем доктор
с каштановыми в
да. Они были очен
чертами лица и
и поведении тоже
ность.

«А ведь она че
Да-да, именно бо

До него долета
го не значащего,—
ни царя Соломона
к Стене Плача м
названа именем О

Обычный разго
показалось, что з
такое, что нельзя

Он снова украд
Старший брат. В н
в то же время он с
в нем не чувствова

Но и в этом
сидел в кресле, ра
Перебрав в памяти
нил аналогичные с
клинике. «Он обесси
страдания. Его взгл
или загнанной лош
у него все в порядке
что он перенес силь

выходящее за рамки обычного, заставило его посмотреть на все глазами специалиста.

Очень осторожно, под прикрытием газеты, он стал наблюдать за юношей.

«Да, именно такой тип мог привлечь ее»,— сделал вывод доктор Жерар.

Сара Кинг была сильной, уравновешенной и решительной натурой, в то время как молодой американец, видимо, раним, очень впечатлителен, неуверен в себе и легко поддается внушению. Как врач, Жерар отметил, что Бойнтон находится на грани нервного срыва, и это очень его озадачило.

Почему этот совсем еще молодой, физически здоровый человек, путешествуя ради [illegible] удовольствия, находится в таком состоянии?

Затем доктор перевел [illegible] на девушку с каштановыми волосами [illegible] Раймонда. Они были очень похожи [illegible] овалом головы, чертами лица и даже формой [illegible] в ее облике и поведении тоже сквозила [illegible] детская первозность.

«А ведь она чего-то боится»,— решил доктор Жерар.— Да-да, именно боится».

До него долетали обрывки разговора, обычного и ничего не значащего.—«Мы могли бы пойти посмотреть копи царя Соломона».—«А маме это не будет трудно?»—«А к Стене Плача мы пойдем утром?»—«А почему мечеть названа именем Омара?»

Обычный разговор туристов. И все же доктору Жерару показалось, что за этим разговором скрывается нечто такое, что нельзя выразить словами.

Он снова украдкой посмотрел в их сторону. Леннокс? Старший брат. В нем тоже было фамильное сходство, но в то же время он сильно отличался от них. Прежде всего, в нем не чувствовалось большого напряжения.

Но и в этом наблюдалась какая-то странность. Он сидел в кресле, расслабившись, безвольно опустив руки. Перебрав в памяти своих пациентов, доктор Жерар вспомнил аналогичные случаи, которые он наблюдал в своей клинике. «Он обессилен,— подумал Жерар,— обессилен от страдания. Его взгляд напоминает взгляд больной собаки или загнанной лошади. Странно, что... Со здоровьем у него все в порядке. В то же время совершенно очевидно, что он перенес сильную душевную травму; но сейчас уже

не страдает: он тупо ждет — ждет следующего удара судьбы. Но какого? А может, я просто фантазирую? Нет, этот человек ждет, когда наступит конец».

Леннокс Бойнтон встал и поднял с пола клубок шерсти, который скатился с колен его матери.

— Спасибо.

«Интересно, что может вязать это чудовище? Наверное, рукавицы для обитателей исправительной тюрьмы»,— подумал, улыбнувшись, Жерар.

Самой молодой в семье была семнадцатилетняя рыжеволосая девушка с нежным очаровательным личиком необыкновенной белизны. Она глядела куда-то в пространство, загадочно улыбаясь, словно находилась не здесь, в отеле «Соломон», в Иерусалиме... Эта улыбка что-то напомнила доктору Жерару. И вдруг его осенило: такая улыбка — у древних статуй в Акрополе — прелестная и неземная.

Взгляд доктора Жерара упал на ее руки... Они лежали на коленях и нервно теребили, рвали на мелкие кусочки носовой платок. Неземная улыбка, видимое спокойствие и мечущиеся руки! Жерара охватил ужас.

ГЛАВА IV

Раздался свистящий астматический кашель, затем эта ужасная женщина сказала:

— Жиневра, ты устала, иди спать.

Девушка вздрогнула.

— Я ни капельки не устала, мама.

Жерар был поражен музыкальным тембром ее голоса.

— Ты устала, не спорь. И вообще, я считаю, ты не сможешь завтра ехать на экскурсию по городу.

— О, я смогу. Я хорошо себя чувствую.

Грубым, почти мужским голосом ее мать произнесла:

— Ты себя плохо чувствуешь и завтра можешь заболеть.

— Нет, нет!

Жерар увидел, как девушка задрожала.

Послышался мягкий нежный голос:

— Я пойду с тобой, Джинни.

Спокойная темноволосая молодая женщина с большими задумчивыми серыми глазами поднялась со своего места и подошла к девушке.

Старая м
— Не на
Джинни
— Я хочу
— Тогда я
ла руку на е
— Но она
ни?— усмехну
Наступило
— Да, я
произнесла де
Отложив
миссис Бойнто
шее жиром ли
нающую незем
Надин, уже
свекрови, но ли
ным. В глазах
«Что за абсу
данно он почуве
Ее взгляд напо
Бойнтон была с
ная сила. Мисс
и свою силу, и
Когда-то Же
Великолепные г
выполняли разн
и сдерживаемое
ной ненависти —
была молодая к
же взглядом, ка
Теперь Жерар
ром скрывалась
ненависть.
«Многие люди
ная американская
Палестине, а я в
ции!»— подумал Ж
как она бросила т
тот отвернулся. Та
Доктор Жерар
только Надин не
возможно, тоже
очевидно, что Надин

Старая миссис Бойнтон сказала:

— Не надо. Пусть идет одна.

Джинни горько расплакалась.

— Я хочу пойти вместе с Надин!

— Тогда я иду с тобой,— и молодая женщина положила руку на ее плечо.

— Но она предпочитает идти одна. Не так ли, Джинни?— усмехнувшись, произнесла чудовищная старуха.

Наступило молчание.

— Да, я лучше пойду одна. Спасибо, Надин, — вяло произнесла девушка и направилась к двери.

Отложив газету, доктор Жерар взглянул на старую миссис Бойнтон. Он [illegible] двери, и ее заплывшее жиром лицо расплылось в [illegible], отдаленно напоминающую неземную улыбку Жиневры.

Надин, уже севшая рядом с [illegible] перехватила взгляд свекрови, но лицо ее [illegible] по-прежнему спокойным. В глазах старухи горела неукротимая злоба.

«Что за абсурдная [illegible]» — подумал Жерар. Неожиданно он почувствовал, что [illegible] смотрит на него. Ее взгляд напоминал взгляд [illegible]. И, хотя сама миссис Бойнтон была старой и немощной, в ней жила сокрушительная сила. Миссис Бойнтон прекрасно умела использовать и свою силу, и свою немощь.

Когда-то Жерар был знаком с укротительницей тигров. Великолепные гордые звери переползали с места на место, выполняли разные унизительные для них трюки, их глаза и сдерживаемое рычание говорили о ненависти, фанатичной ненависти — но они подчинялись. Укротительницей была молодая красивая высокомерная женщина, с таким же взглядом, как у миссис Бойнтон.

Теперь Жерару стало ясно, что за беспечным разговором скрывалась ненависть, жгучая, не находящая выхода ненависть.

«Многие люди сочли бы меня просто фантазером. Обычная американская семья совершает свое путешествие по Палестине, а я выдумываю всякие драматические ситуации!»— подумал Жерар. Он посмотрел на Надин и увидел, как она бросила тревожный взгляд на своего мужа, когда тот отвернулся. Так тревожится обычно не жена, а мать.

Доктор Жерар понял еще одну вещь: из всей семьи только Надин не боялась старой миссис Бойнтон. Она, возможно, тоже ненавидела ее, но не боялась. Было очевидно, что Надин несчастна, очень озабочена состояни-

ем своего мужа, но совершенно свободна от влияния свекрови.

«Ну что ж, все это очень интересно»,— подумал доктор Жерар.

В холл вошел мужчина средних лет, типичный американец. Окинув взглядом присутствующих, он направился к Бойнтонам.

— Я вас искал,— сказал он, здороваясь.

— Как вы себя чувствуете, миссис Бойнтон? Вас эта поездка не очень утомила?

— Спасибо за беспокойство, не очень,— почти любезно, с одышкой произнесла миссис Бойнтон.— Вы знаете, я не могу похвастаться своим здоровьем, но, во всяком случае, мне не хуже,— продолжала она со своей змеиной улыбкой.— Надин хорошо за мной ухаживает. Правда, Надин?

— Я делаю все, что могу,— голос Надин звучал спокойно и бесстрастно.

— Я в этом не сомневаюсь,— сказал незнакомец.

— Ну, а что ты, Леннокс, можешь сказать о городе Царя Давида?

— Ничего особенного,— произнес безо всякого интереса Леннокс.

— Вижу, он тебя разочаровал. Должен признаться, я испытал то же чувство, когда приехал сюда в первый раз. Но, быть может, ты мало что успел посмотреть?

— Мы не смогли его как следует осмотреть из-за мамы,— сказала Кэрол Бойнтон.

Миссис Бойнтон попыталась разъяснить:

— Я в состоянии посвятить осмотру города не более двух часов в день.

— Это чудесно, миссис Бойнтон,— заметил незнакомец.

Раздалось астматическое покашливание, затем чудовищно произнесло с одышкой:

— Основное для человека не его тело, а его дух. Это самое главное.

Жерар увидел, как Раймонд нервно повел плечами.

— Вы видели Стену Плача, мистер Копп?

— Да, я побывал там в первую очередь. Надеюсь, что за пару дней я лучше познакомлюсь с Иерусалимом. Потом я собираюсь поехать в Вифлеем и Назарет. Особенно мне хочется увидеть Петру, но на нее нужно не меньше недели, хотя все это очень интересно.

— Мне бы тоже хотелось туда поехать,— сказала Кэрол.

— Да, это
Копп помолча
— Я надею
компанию в это
это будет не
останется с ва
В наступивш
миссис Бойнто
— Я думаю,
вместе, что ваш
как на это смо
— Конечно,
лись голоса.
Старая дама
улыбнувшись, с
— Вот, види
покидать. А ты,
— Нет, спаси
не поеду.
— Что ты ска
не поехать? Мне
Леннокс подн
— Я . . . Нет
вместе,— проборм
Мистер Копп
— Вы на редк
— Да, вы прав
ла миссис Бойнто
монда:
— Между проч
с тобой заговорил
Лицо Раймонда
— Я . . . я не
с нами в поезде.
Миссис Бойнто
грузное тело из кр
— У нас с ней
заметила она.
Надин поднялас
миссис Бойнтон.
ловкостью, что сразу
— Пора идти спа
койной ночи, мистер

— Да, это действительно стоит посмотреть,— мистер Коп помолчал и затем добавил:

— Я надеюсь, что смогу соблазнить вас составить мне компанию в этой поездке. Я понимаю, вам, миссис Бойнтон, это будет не под силу, но если сделать так: кто-нибудь останется с вами, а остальные поедут со мной?

В наступившей тишине Жерар услышал даже стук спиц миссис Бойнтон, потом ее голос:

— Я думаю, мы все настолько привыкли всюду бывать вместе, что ваше предложение нам не подходит. А вы, дети, как на это смотрите?

— Конечно, мама, нам это [illegible] — послышались голоса.

Старая дама с триумфом оглядела свое семейство и, улыбнувшись, сказала:

— Вот, видите, мистер Коп, никто не хочет меня покидать. А ты, Надин, что скажешь ты?

— Нет, спасибо, мама. Если [illegible] не хочет, я тоже не поеду.

— Что ты скажешь, Ленокс? Почему бы вам с Надин не поехать? Мне кажется, ей хочется поехать.

Ленокс поднял на мать глаза.

— Я... Нет... Я думаю, нам лучше остаться всем вместе,— пробормотал он.

Мистер Коп добродушно заметил:

— Вы на редкость спаянная семья.

— Да, вы правы, мы держимся друг за друга,— ответила миссис Бойнтон и, разматывая шерсть, спросила Раймонда:

— Между прочим, Раймонд, кто эта девушка, которая с тобой заговорила?

Лицо Раймонда покрылось краской.

— Я... я не знаю, как ее зовут. Она... она ехала с нами в поезде.

Миссис Бойнтон начала с трудом высвобождать свое грузное тело из кресла.

— У нас с ней не может быть ничего общего,— сурово заметила она.

Надин поднялась со своего места и стала помогать миссис Бойнтон. Она делала это с профессиональной ловкостью, что сразу бросилось в глаза доктору Жерару.

— Пора идти спать,— сказала миссис Бойнтон.— Спокойной ночи, мистер Коп.

— Спокойной ночи, миссис Бойнтон. Спокойной ночи, миссис Ленноке.

Маленькая процессия двинулась к двери, и никому из них даже в голову не пришло остаться в холле. Мистер Копп следил за ними со странным выражением лица.

Познакомиться с мистером Коппом для доктора Жерара не составило труда. Прочитав на визитной карточке его имя, мистер Копп воскликнул:

— Счастлив познакомиться с вами, доктор Жерар. Если мне не изменяет память, вы недавно были у нас в Штатах?

— Вы совершенно правы. Прошлой осенью я прочел цикл лекций в Гарвардском университете.

— Вы, доктор Жерар, один из самых блестящих специалистов в своей области.

— Вы мне льстите, сэр.

— Нет, нет. Мне действительно выпала большая честь познакомиться с вами. Сейчас в Иерусалиме собрались выдающиеся люди со всего мира. Вы, лорд Велдон, сэр Габриэль Штайнбаум, известный археолог сэр Мандер Стоун, леди Вестхолм и даже Эркюль Пуаро — этот блестящий детектив.

— Малыш Пуаро? Неужели он тоже здесь?

— Я прочел в местной газете, что он только что приехал. У меня создалось впечатление, что весь мир поселился в этом отеле.

Очарованный доктором Жераром, мистер Копп предложил пройти в бар. После пары коктейлей Жерар спросил:

— Скажите, семья, с которой вы беседовали — типично американская?

Задумчиво потягивая напиток, Джефферсон Копп ответил:

— Пожалуй, нет. Я бы не сказал, что она типичная.

— Неужели? Ведь это очень дружная семья.

— Вы имеете в виду то, что все они вертятся вокруг старой миссис Бойнтон? В этом вы правы. Она действительно удивительная женщина.

— Разве?

— Должен признаться, я много думал об этой семье. Если не возражаете, я вам кое-что расскажу?

Жерар кивнул.

— Прежде всего, хочу сказать, что я немного обеспокоен. Миссис Бойнтон-младшая — мой хороший друг. Это прекрасный человек. Я познакомился с ней еще до с

замужества. Тогда она работала медсестрой в больнице. Потом она уехала в отпуск и вышла замуж за Леннокса.

Мистер Копп пригубил коктейль и продолжал:

— Мне хочется рассказать вам, доктор Жерар, немного о семье Бойнтонов.

— Да? Это очень интересно.

— Так вот, покойный Элмер Бойнтон, человек необычайно обаятельный и умный, ранее хорошо известный в финансовых кругах. Он был женат дважды. Первая жена умерла, когда Кэрол и Рэймонд были малютками, и он женился вторично. Как мне говорили, в молодости вторую миссис Бойнтон называли красавицей, хотя сейчас в это трудно поверить. Он очень ее любил и прислушивался ко всем ее советам. После [illegible] он серьезно болел, и она фактически запрещала [illegible] видеться с кем-либо. Она ведь очень умная и деловая женщина. После того, как Элмер умер, она целиком посвятила себя [illegible]. Живет с ними их общая дочь. Так вот, посвятив себя [illegible], она отрезала их от окружающего мира, и, мне кажется, доктор, это очень вредно.

— Полностью с вами согласен. Это отрицательно действует на психику.

— Вот именно. Она запрещает им любые знакомства. В результате они все какие-то нервные, и у них абсолютно нет друзей. А это плохо. Вероятно, она не думала, что наносит им вред.

— Они живут все вместе?— спросил Жерар.

— Да.

— И сыновья не работают.

— Да. Элмер Бойнтон был очень богат и оставил все свое состояние жене.

— Значит, они все зависят от нее?

— Да. И она потребовала, чтобы они жили дома, одной семьей и не работали. Собственно говоря, у них вполне достаточно денег, чтобы не работать, но я считаю, что для мужчины работа - это хороший тоник. Кроме того, у них даже нет никакого хобби. Они не играют в гольф, не ходят на танцы и вообще не поддерживают никаких контактов со своими сверстниками. Живут они в своем доме, далеко от города. Я повторяю, доктор Жерар, все это мне очень не нравится.

— Я с вами согласен,— задумчиво сказал доктор Жерар.

— Они не общительны и варятся в собственном соку.

— И вы считаете, что виной всему миссис Бойнтон?

Джефферсон Копп вздохнул.

— В какой-то степени, да. Это плоды дурного воспитания. Я думаю, когда юноша достигает определенного возраста, он должен становиться независимым.

Доктор Жерар задумчиво произнес:

— Порой это бывает невозможно сделать.

— Почему?

— Существуют методы, мистер Копп, препятствующие дальнейшему росту дерева.

Копп с удивлением посмотрел на Жерара.

— Но у них у всех отличное здоровье!

— Вы не учитываете, что можно остановить умственное развитие. Извратить психику.

— Все они в здравом уме!

Жерар улыбнулся, и Копп продолжал:

— Я считаю, что человек сам своими руками должен прокладывать путь в жизни. Так поступает любой уважающий себя мужчина, а тот, кто бьет баклуши, не может вызвать интерес у женщины.

Жерар с любопытством посмотрел на своего собеседника.

— Вы имеете в виду Леннокса Бойнтона?

— Да. Раймонд еще очень молод, а Леннокс уже под тридцать, и ему давно пора задуматься над тем, чего он добился в жизни.

— Видимо, его жене приходится не сладко?

— Конечно. Я восхищаюсь Надин. Она никогда не жалуется, но я вижу, что она очень несчастна.

Жерар кивнул.

— Да, по всей видимости, это так.

— Я не знаю, как вы считаете, доктор Жерар, но ведь всему существует предел! И будь я на месте Надин, я бы поставил Ленноксу условие: или он докажет, что он настоящий мужчина, или . . .

— Или она от него уйдет?

— В конце концов, она же должна подумать и о себе, о своей жизни. Если Леннокс ее не ценит, как она того заслуживает, то есть другие мужчины.

— Например, вы?

Американец покраснел.

— Да, и я этого не стыжусь. Я ее очень уважаю и безгранично ей предан. Мое единственное желание —

это видеть
с Ленноксо
— Ну, а
— Я тер
рядом.
— Вы ис
— Извин
— Дорог
нилось тольк
ны служить
всякой надеж
восхищение.
— В труд
поддержать е
— Ну а ка
сится старая
Медленно,
сон Копп ска
— В ней н
уже сказал, он
любого контак
исключение. О
с членом своей
— Иными с
Леннокс?
— Да, несом
Доктор Жер
— Не кажет
Джефферсо
— Я уверяю,
Мы просто хоро
— Дорогой с
в то же время,
Бойнтон поощря
меня во всей этой
— Она поисти
новенно сильный
Бойнтон подчиня
— Поэтому он
же дети? Они в
В нашей стране
Мистер Копп
— У нас в Аме
поступать так, как

это видеть ее счастливой. Если бы я знал, что она с Ленноксом счастлива, я бы просто сошел со сцены.

— Ну, а в создавшейся ситуации?

— Я терпеливо жду, и если я ей понадоблюсь, я буду рядом.

— Вы истинный рыцарь «без страха и упрека».

— Извините, я не совсем вас понял.

— Дорогой сэр, сейчас рыцарское благородство сохранилось только у вашего народа. Вот вы, например, согласны служить верой и правдой своей прекрасной даме без всякой надежды на награду. Это может вызвать только восхищение. Но чем вы можете ей помочь?

— В трудную минуту я всегда буду рядом, чтобы поддержать ее.

— Ну а как к вашему [illegible] присутствию относится старая миссис Бойнтон?

Медленно, как бы [illegible], Джефферсон Копп сказал:

— В ней никогда нельзя [illegible]. Как я вам уже сказал, она против любых [illegible] и вообще против любого контакта с внешним миром, но для меня она делает исключение. Она всегда любезна и обращается со мной как с членом своей семьи.

— Иными словами, она одобряет вашу дружбу с миссис Ленноке?

— Да, несомненно.

Доктор Жерар внимательно посмотрел на Коппа.

- Не кажется ли вам, что это довольно странно?

Джефферсон Копп сухо ответил:

- Я уверяю, что у нас чисто платонические отношения. Мы просто хорошие друзья.

— Дорогой сэр, я в этом ни минуты не сомневаюсь. Но в то же время, я повторяю, очень странно, что миссис Бойнтон поощряет вашу дружбу. Я вам уже сказал, что меня во всей этой ситуации интересует миссис Бойнтон.

— Она поистине удивительная женщина. У нее необыкновенно сильный характер. Выдающаяся личность! Элмер Бойнтон подчинялся ей беспрекословно.

— Поэтому он и оставил ей все свое состояние? А как же дети? Они ведь теперь полностью зависят от нее? В нашей стране закон бы этого не допустил.

Мистер Копп поднялся.

— У нас в Америке мы абсолютно свободны и можем поступать так, как нам заблагорассудится.

Доктор Жерар тоже встал. Последнее замечание мистера Копа не произвело на него никакого впечатления: он слишком часто слышал подобные высказывания от людей разных национальностей. Доктор Жерар прекрасно знал, что ни одна раса, ни одна страна, ни одна личность не может быть абсолютно свободной. Но он также прекрасно знал: существуют различные степени зависимости.

ГЛАВА V

Сара Кинг стояла около величественного здания Харам-э-Шериф. Мимо проходили малочисленные группы туристов, не нарушая знойного оцепенения древних стен.

«Как странно,— думала она,— было здесь когда-то обычное гумно. Пришел Давид, купил это гумно и соорудил там жертвенник Господу...»

Ее мысли были прерваны смехом и громкими голосами людей, выходящих из мечети: она увидела семью Бойнтонов в сопровождении словоохотливого проводника.

Между Ленноксом и Раймондом, тяжело опираясь на них, шла сама миссис Бойнтон. Следом за ними — Надин и мистер Коп, а замыкала шествие Кэрол. Когда они проходили мимо Сары, Кэрол заметила ее и, поколебавшись какое-то мгновение, подбежала к ней:

— Извините меня,— взволнованно прошептала она, — но я должна... я чувствую, что должна с вами поговорить.

Голос девушки дрожал и прерывался.

— Это касается моего брата. Вы помните, когда вы к нему обратились вчера вечером... Вы, наверное, сочли его просто грубым... Но это не так... Он просто не мог иначе... Пожалуйста, поверьте мне.

Неожиданно Сара почувствовала себя оскорбленной. На каком основании совершенно незнакомая девушка обрушивается на нее с глупыми извинениями за своего плохо воспитанного брата? С ее губ уже был готов сорваться резкий ответ, но она сдержалась. «Нет, здесь что-то не так,— подумала Сара,— она так взволнована...»

И мисс Кинг ободряюще сказала:

— Пожалуйста, расскажите мне все.

— Он разговаривал с вами в поезде, да?— начала Кэрол.

Сара улыбнулась.

— Вернее будет сказать, что я разговаривала с ним.

— Это не имеет значения. Дело в том, что вчера Рэй очень испугался . . .— внезапно она замолчала.

— Испугался чего?

Бледное лицо Кэрол покрылось краской.

— Вам это может показаться абсурдным . . . нашей матери. Она не разрешает нам ни с кем знакомиться. Но . . . но я знаю, Рэй очень хотел бы с вами подружиться.

И как бы боясь, что Сара не даст ей договорить, она продолжала:

— Я знаю . . . Я, наверное, выгляжу в ваших глазах очень глупой, и вам трудно мне поверить, но хочу сказать вам, что у нас очень странная семья.

Испуганно оглянувшись, она поспешно добавила:

— Мне нельзя больше задерживаться: они могут хватиться меня.

Сара удивленно спросила:

— Но почему вы не можете еще немного побыть здесь, если вам так хочется? А потом мы вместе вернемся.

— О, нет! Нет!— с нескрываемым страхом воскликнула Кэрол.— Мне этого делать нельзя!

— Но почему?

— Поверьте мне, я не могу. Мама . . .

— Я понимаю, что родителям иногда очень трудно смириться с мыслью, что их дети уже выросли, но вы, в конце концов, должны отстаивать свои права, а не подчиняться так безропотно,— спокойно сказала Сара.

— Нет, нет, что вы! Вы не понимаете! Вы просто не можете себе представить,— пробормотала Кэрол.

Сара продолжала:

— Я считаю, что свобода стоит того, чтобы за нее бороться.

— Свобода?— Кэрол с удивлением посмотрела на нее.— Никто из нас не представляет, что это такое. Мы никогда не были и не будем свободными.

— Ерунда!— резко сказала Сара.

— Послушайте, я очень хочу, чтобы вы меня поняли. До того, как мачеха вышла замуж за моего отца, она работала надзирательницей в тюрьме. Она так и осталась для нас надзирательницей, и все мы живем как в тюрьме!

Она снова испуганно посмотрела в ту сторону, куда ушла ее семья.

— Я должна идти.

Сара схватила ее за руку.

Подождите минутку. Мы должны увидеться и все обсудить.

— Это невозможно. Я не смогу.

— Сможете,— голос Сары звучал уверенно,— приходите ко мне, когда все лягут спать. Я остановилась в номере 319.

Ничего не ответив, Кэрол побежала догонять свою семью.

Сара стояла, глядя ей вслед. Из задумчивости ее вывел подошедший доктор Жерар.

— Доброе утро, мисс Кинг. Я видел, вы разговаривали с мисс Кэрол Бойнтон?

— Да,— и она передала Жерару весь разговор.

— Вы говорите, миссис Бойнтон была надзирательницей в тюрьме?— переспросил он.— Возможно, этим многое можно объяснить.

— Вы имеете в виду ее тиранию? Я думаю, она стала такой, поработав в тюрьме.

Жерар покачал головой.

— Не совсем так. Нужен другой подход: она сама выбрала эту профессию, потому что любила тиранию; в ней дремала скрытая жажда власти, власти над другим человеческим существом, которая и привела ее к выбору профессии.

Он помрачнел.

— В подсознании каждого человека скрываются странные вещи: жажда власти, жестокость, желание дикаря сокрушить все на своем пути. Это — древняя память, данная нам в наследство нашими предками. Жестокость и жажда власти — они всегда с нами — мы не даем им выхода, даже отрицаем их существование, но иногда они оказываются сильнее нас.

Сара вздрогнула.

— Я понимаю . . .

Жерар продолжал.

— Мы убеждаемся в этом ежедневно. Стоит лишь понаблюдать за деятельностью политиков и поведением народов разных государств. Акты филантропии и милосердия — проявление жалости или добрых братских чувств. О, да, эти лозунги звучат порой крайне привлекательно. Мудрый режим, справедливое правительство, утверждения, однако, силой и опирающиеся на страх — с одной стороны и на жестокость — с другой. Человек — это очень тонко сбалансированное животное, основная цель которого

го — выжить. Человека может погубить и резкий рывок вперед, и отставание. Ему требуется выжить! Для этого, возможно, в нем сохраняется первородная жестокость. Но человек не должен возводить ее на пьедестал.

— Так вы думаете, старая миссис Бойнтон — садистка?

— Я почти уверен в этом. Она получает удовольствие, причиняя другому страдание, заметьте, душевное страдание, а не физическое. Это редкий случай, который трудно поддается лечению. Ей нравится распоряжаться жизнью другого человека, заставляя его страдать.

— Но это ужасно!— воскликнула Сара.

Жерар рассказал ей о своем разговоре с Коном.

— Значит, он не понимает того, что происходит?— задумчиво спросила она.

— К сожалению, мистер Кон не может этого понять. Он не психолог. Он мыслит как [illegible], немного сентиментальный американец. Разумеется, он видит, что в семье Бойнтонов происходит [illegible], но он склонен искать причину в чрезмерной [illegible] миссис Бойнтон к своим детям.

— Но почему никто из них не пытается освободиться от ее влияния?— спросила Сара. — Они ведь могут.

— Вот тут вы не правы. Они не могут. Вы наблюдали когда-нибудь эксперимент с петухом? На полу мелом проводится черта, и петуха заставляют коснуться этой черты клювом. Петух чувствует себя привязанным к ней и не может поднять голову. Нечто подобное происходит с этими несчастными: с самого детства она внушала, что они не смогут без нее обойтись и должны повиноваться ей во всем. Многие сочли бы это глупостью, но мы-то с вами все понимаем. Они так долго живут в своей домашней тюрьме, что если даже открыть им дверь, они просто этого не заметят. Они больше не хотят быть свободными! Они б о я т с я свободы..

— Что же будет с ними, когда она умрет?— спросила Сара.

Доктор Жерар пожал плечами.

— Все зависит от того, когда это случится. Если ждать придется не очень долго, я думаю, ничего страшного не произойдет. Юноша и девушка еще очень молоды и, я надеюсь, они смогут стать нормальными людьми. С Лейнокс ом дело обстоит иначе. Здесь все зашло слишком далеко. Он производит на меня впечатление человека, утратившего всякую надежду.

Но неужели его жена ничего не смогла предпринять? Она должна была его оттуда вытащить,— нетерпеливо произнесла Сара.

Возможно, она пыталась, но из этого ничего не вышло.

- Вы думаете, она тоже попала под влияние сверкови?

Жерар покачал головой.

- Нет. И именно поэтому старая леди так ее ненавидит. Вы только посмотрите на ее глаза, когда она смотрит на миссис Леннокс.

Сара нахмурилась.

— Я не могу понять эту молодую женщину. Она сознает, что вокруг нее происходит?

— Думаю, она трезво оценивает обстановку.

— Тогда эту старую ведьму надо просто убить! Я бы прописала ей небольшую дозу мышьяка к утреннему чаю. А что вы скажете о младшей дочери?

Жерар нахмурился.

— Я не знаю. Здесь что-то странное. Жиневра Бойнтон — ее родная дочь.

— Да. Я думаю, и отношение к ней иное. Или нет?

Жерар медленно сказал:

— Я не верю в то, что человек, одержимый манией власти, способен укротить свою жестокость. Такой человек не пощадит никого, даже самого близкого.

Помолчав, он спросил:

— Вы верите в Бога, мадемуазель?

— Не знаю. Я привыкла думать, что — нет. Но сейчас, правда, я не уверена. Если бы я смогла все это уничтожить, — Сара сделала резкий жест,— все здания, секты, церкви — все,— вот тогда, я чувствую, смогла бы увидеть спокойную фигуру Христа, въезжающего на ослике в Иерусалим.

— Я врач, мисс Кинг, и я знаю, что необузданное тщеславие, желание возноситься над остальными, получить неограниченную власть - все это всегда приводит к несчастьям. Если такое желание реализуется, оно ведет к жестокости, и, наконец, к пресыщению, а если нет... Посмотрите на обитателей клиник для душевнобольных. Многие из них не смогли смириться с той скромной ролью в жизни, которая была уготована им судьбой, и создали свой мир, уйдя в него от реальности.

— Как жаль, что старая миссис Бойнтон не находится в одной из таких клиник! — воскликнула Сара.

Жерар покачал головой.

— Нет. Неудачницей ее назвать нельзя. Она своего добилась.

Сара вздрогнула.

— Так не должно быть!

ГЛАВА VI

Сара не надеялась, что Кэрол Бойнтон придет к ней вечером, как они условились,— она боялась, что девушка раскаивается в своей откровенности. Тем не менее, она переоделась и приготовила чай. Время шло, и, когда Сара уже совсем перестала ждать и собралась ложиться спать, в дверь тихонько постучали. На пороге стояла Кэрол.

— Я боялась, что вы уже спите.

- Нет. Я вас ждала.

Она поставила на стол чашки и налила Кэрол чаю.

Мне это напоминает ночные чаепития в пансионах,— сказала Сара.

— Я не была в пансионе. У нас были гувернантки.

— И вы никуда не ходили?

Нет. Мы всегда жили дома. Это наше первое путешествие.

— Вам нравится?

— О, да! Это как прекрасный сон!

— А почему ваша мачеха вдруг решила отправиться с вами в путешествие?

При упоминании о миссис Бойнтон, Кэрол вздрогнула. Сара поспешно добавила:

Дело в том, что я врач, и она меня интересует именно с медицинской точки зрения: я сразу заметила в ее поведении совершенно определенную патологию.

Кэрол внимательно посмотрела на Сару: для нее такая мысль была полной неожиданностью. Сара же преследовала ясную цель: прекрасно понимая, что все члены семьи видели в старой миссис Бойнтон всесильного идола, Сара хотела сорвать с нее устрашающую маску.

— Существует такая болезнь — мания величия — когда человек стремится всегда настоять на своем, подчинить других своей воле.

Кэрол поставила чашку на стол и воскликнула:

— О, какое счастье, что я могу с вами поговорить. Дело в том, что мы с Раймондом стали какими-то странными.

— Надо просто больше общаться с другими людьми и не замыкаться в своей семье,— мягко сказала Сара.— Если вы чувствуете себя несчастными, почему бы вам не уйти из дома? Вы никогда об этом не думали?

Кэрол посмотрела на Сару с некрываемым испугом.

— Нет! Как мы можем? Нам мама никогда не позволит!

— Но она не имеет права вам запретить. Вы уже совершеннолетние.

— Да, мне уже двадцать три года. Но все равно, я даже не могу представить, как я смогла бы это сделать. Мне ведь некуда идти! И что мне делать? Ни у кого из нас нет денег.

— У вас есть друзья, к кому бы вы могли обратиться за помощью?

— Друзья? Что вы! У нас нет даже знакомых.

— Неужели никто из вас не хотел бы уйти из дома?

— Нет, не думаю. Мы просто не смогли бы этого сделать.

Увидев замешательство Кэрол, Сара решила сменить тему разговора и спросила:

— А вы любите свою мачеху?

Кэрол отрицательно покачала головой и прошептала:

— Я ненавижу ее. И Рэй тоже . . . Мы просто мечтаем, чтобы она поскорее умерла.

Наступило молчание. Потом Сара попросила:

— Расскажите мне о своем старшем брате.

— О Ленноксе? С ним творится что-то страшное. Он совсем перестал разговаривать и ходит как лунатик. Его состояние очень беспокоит Надин.

— А Надин вы любите?

— О, да! Она совсем другая. Она очень добрая, но очень несчастная.

— Из-за вашего брата? Они давно женаты?

— Уже четыре года.

— И они всегда жили с вашей мачехой?

— Да.

— Надин нравится жить с ней?

— Нет.

Потом Кэрол добавила:

— Четыре года назад был страшный скандал. Я вам уже говорила, что нам никогда не разрешали пить и ходить. И вот как-то вечером Леннокс пошел на танцы. Мачеха была вне себя от ярости. Это было ужасно! По этого случая она пригласила Надин пожить у нас. Надин — дальняя родственница моего отца. Тогда

работала мед
жить с нами.
полюбили дру
пожениться и
— И Надин
— Не дума
согласилась. П
сом, конечно .
— Но они
— Да. мачех
любит Надин. Н
она думает. Она
нравится.
– Джинни —
– Да. Ее по
— А она тож
Кэрол покача
Последнее
понимаю. Она в
девочкой. Мачеха
становится еще
например, когда
— Ее показыва
— Нет. Надин
запретила, а Джин
ла, что не хочет
беспокоюсь.
Внезапно Кэрол
– Я, наверное,
Вы были так доб
наверное, решили,
– У каждого ес
ла Сара.— Приходи
брата.
– А можно? Да
— Конечно, и м
с моим другом, докт
Щеки Кэрол покр
– Это было бы
узнала.
– А зачем ей знат
время завтра.
— Прекрасно. Пос

работала медсестрой в больнице. Она приехала и стала жить с нами. Это было чудесно! А потом они с Ленноксом полюбили друг друга, и мачеха сказала, что им лучше пожениться и жить вместе с нами.

— И Надин согласилась?

— Не думаю, что она была в восторге, но тем не менее согласилась. Правда, потом она захотела уйти. С Ленноксом, конечно...

— Но они все же остались?

— Да, мачеха не хотела и слышать об этом. Она не любит Надин. Надин странная. Никогда не знаешь, о чем она думает. Она пытается помочь Джинни, а мачехе это не нравится.

— Джинни — это ваша младшая сестра?

— Да. Ее полное имя Жиневра.

— А она тоже несчастна?

Кэрол покачала с сомнением [illegible].

Последнее время она стала очень странной. Я ее не понимаю. Она всегда была [illegible] хрупкой девочкой. Мачеха ее все время [illegible] Джинни становится еще хуже. Иногда она меня просто пугает, например, когда не соображает, что делает.

— Ее показывали врачу?

— Нет. Надин хотела пригласить доктора, но мачеха запретила, а Джинни устроила истерику: плакала и кричала, что не хочет она никакого доктора. Я очень за нее беспокоюсь.

Внезапно Кэрол поднялась и торопливо сказала:

— Я, наверное, вас очень задержала своей болтовней. Вы были так добры, что пригласили меня, а теперь, наверное, решили, что у нас очень странная семья.

— У каждого есть свои странности,— улыбаясь, сказала Сара.— Приходите, когда захотите, и приводите своего брата.

— А можно? Да?

— Конечно, и мне очень хочется вас познакомить с моим другом, доктором Жераром.

Щеки Кэрол покрылись легким румянцем.

— Это было бы чудесно! Только чтобы мачеха не узнала.

— А зачем ей знать? Давайте договоримся на такое же время завтра.

— Прекрасно. Послезавтра мы уже уезжаем.

Пожелав Саре спокойной ночи, Кэрол выскользнула из комнаты. Ее номер находился на другом этаже. Она тихо открыла дверь и остолбенела: в кресле у камина сидела миссис Бойнтон в безобразном красном халате. Кэрол не могла сдержать крик ужаса, когда черные злые глаза впились в ее лицо.

— Где ты была?

— Я . . .

— Где ты была? — этот хриплый голос с угрожающей интонацией всегда вселял в душу Кэрол страх.

— Я была у мисс Кинг.

— Это та девушка, которая разговаривала с Раймондом?

— Да.

— Вы договорились встретиться еще?

Кэрол молча кивнула.

— Когда?

— Завтра вечером.

— Ты не пойдешь. Поняла?

— Да, мама.

Миссис Бойнтон с трудом поднялась и, опираясь на палку, пошла к двери. На пороге она обернулась и посмотрела на девушку.

— Ты больше не будешь поддерживать знакомство с этой мисс Кинг. Ты меня поняла?

— Да, мама.

— Повтори.

— Я не буду с ней поддерживать знакомство . . .

— Хорошо.

Миссис Бойнтон вышла и закрыла за собой дверь.

Оставшись одна, Кэрол бросилась ничком на кровать и разрыдалась. Черные стены глухо сомкнулись вокруг, заслонив собой все — солнце, деревья, цветы . . . Лишь на мгновение обрела она его — этот цветущий, благоухающий мир — и вновь утратила навсегда.

ГЛАВА VII

— Я могу с вами поговорить?

Надин Бойнтон обернулась и с удивлением посмотрела на незнакомую черноволосую женщину.

— Конечно.

— Меня зовут Сара Кинг,— продолжала незнакомка. Вчера мы долго разговаривали с Кэрол.

— Как вам это удалось? — изумление Надин росло.

— Она зашла ко мне в номер.

Только теперь заметив удивленно поднятые брови Надин, Сара поспешно спросила:

— Это вам кажется странным?

— Нет, нет. Я очень рада, что у Кэрол появились друзья.

— Мы очень приятно провели вечер и договорились встретиться на следующий день.

— Да?

— Но Кэрол почему-то не пришла.

— Разве? — Надин говорила спокойно и довольно холодно.

— Кроме того, когда мы вчера встретились в холле и я окликнула ее, она [illegible] сделала вид, что не узнала меня и поспешила пройти мимо.

— Я понимаю.

Наступило молчание: Сара [illegible] продолжать разговор. И вдруг Надин сказала:

— Дело в том, что Кэрол очень нервная.

Они замолчали.

Набравшись смелости, Сара ринулась в бой.

— Миссис Бойнтон, я врач и как врач считаю, что Кэрол нельзя изолировать от людей.

Надин внимательно посмотрела на Сару.

— Если вы врач, это меняет дело.

— Вы поняли, что я имею в виду? — настойчиво продолжала Сара.

— Вы совершенно правы, мисс Кинг, но, к сожалению, у моей свекрови болезненная антипатия ко всякого рода знакомствам.

— Но Кэрол взрослый человек.

— Вы ошибаетесь. Она развита лишь физически, но не духовно. Вы должны были это заметить во время вашего разговора. В критических ситуациях она ведет себя как испуганный ребенок.

— Так вы полагаете, Кэрол была запугана?

— Я полагаю, что моя свекровь запретила Кэрол с вами встречаться.

— И Кэрол подчинилась?

— У нее не было другого выбора, — спокойно сказала Надин.

На какое-то мгновение их глаза встретились, и Сара поняла: Надин прекрасно осознает все, что происходит в ее

семье, но тем не менее не намерена обсуждать этот вопрос с незнакомым человеком.

Сара почувствовала себя обескураженной. Еще вчера вечером она была победительницей. Тайная встреча, последуй за ней другие, дала бы Саре возможность пробудить в Кэрол бунтарский дух. И Раймонд... (может быть, о Раймонде она думает все время?) И Раймонд тоже...

Но уже в самом начале битвы она потерпела поражение. И от кого? От этого бесформенного куска плоти с горящими злобой глазами! Кэрол сдалась без борьбы!

Надин ничего не ответила, и это ледяное молчание сковало сердце Сары.

И вдруг мисс Кинг поняла: «Надин лучше меня знает, как бессмысленна и безнадежна любая попытка вырваться из паутины — потому что сама живет в ней».

Открылись двери лифта, и оттуда вышла поддерживаемая Раймондом старая миссис Бойнтон. Сара растерялась. Злобные глаза впились ей в лицо, и затем миссис Бойнтон перевела взгляд на Надин. Но кроме злобы Сара уловила в них выражение торжества, триумфа. Резко повернувшись, она отошла от приближающейся пары.

Надин подошла к свекрови.

— Так вот ты где, Надин. Я хочу немножко посидеть здесь перед прогулкой.

Надин и Раймонд усадили ее в кресло. Надин села рядом.

— С кем ты разговаривала, Надин?

— С мисс Кинг.

— Ах, это с той девушкой, которая вчера заговорила с Раймондом? Почему бы тебе, Раймонд, не пойти и не поболтать с ней сейчас? Ты видишь, она села у стола.

Губы миссис Бойнтон растянулись в злобной усмешке. Старуха посмотрела на Раймонда. Лицо юноши вспыхнуло. Он отвернулся и что-то пробормотал.

— Ты что-то сказал, сынок?

— Я не хочу с ней больше разговаривать.

— Я так и думала. Да, ты не хочешь и не будешь с ней разговаривать. Даже если бы ты и захотел, ты просто бы не смог этого сделать!— и она злобно хихикнула. Затем, обратившись к Надин, она сказала:

— Я получаю необыкновенное удовольствие от моего путешествия.

— Рэй,— обратилась она снова к сыну.

— Я слушаю, мама.

— Принеси мне лист бумаги с того стола, за которым сидит эта девушка.

Раймонд послушно встал и пошел к столу. Надин подняла голову и внимательно посмотрела на миссис Бойнтон, которая, подавшись вперед, зорко следила за сыном. Злобное выражение ее лица поразило Надин.

Когда Раймонд проходил мимо Сары, та взглянула на него с какой-то надеждой, но он, сделав вид, что не замечает ее, взял со стола лист бумаги и вернулся к матери. Он был бледен, как полотно, и на лбу у него выступили капельки пота.

Заметив, что Надин [illegible] за ней, миссис Бойнтон спросила:

— А где мистер Копп?

Надин опустила глаза.

— Не знаю. Я его не видела.

— Мне он очень нра[illegible] — [illegible] миссис Бойнтон, — мы должны почаще его [illegible]. Ведь тебе он тоже нравится?

— Да, очень приятный человек, — ответила Надин.

— Почему Леннокс оказывает? Он последнее время ходит какой-то удрученный: вы не поссорились?

— Конечно, нет.

— Может быть, вы хотели бы жить отдельно?

Надин промолчала.

— Разве такая мысль не приходила вам в голову?

Надин покачала головой и улыбнувшись, сказала:

— Я думаю, вам она тоже не приходила, мама.

Глаза миссис Бойнтон блеснули, и она сказала резко и угрожающе:

— Ты всегда была настроена против меня, Надин.

— Очень жаль, что вы так думаете,— прозвучал спокойный ответ молодой женщины.

Лицо миссис Бойнтон стало пунцовым, и она хрипло проговорила:

— Я забыла свои капли. Сходи за ними, Надин.

Надин поднялась и пошла к лифту. Когда она вошла в свой номер, увидела в кресле у окна Леннокса с книгой в руках.

— Я пришла за мамиными каплями. Она их забыла.

Надин прошла в спальню миссис Бойнтон. Там, достав из шкафчика пузырек, она накапала нужную дозу в мензурку и налила воды.

Возвращаясь, Надин задержалась в гостиной и окликну-ла мужа. Прошли минуты, прежде чем он, наконец, вяло произнес:

— Извини. Я не слышал, что ты сказала.

Надин Бойнтон осторожно поставила лекарство на стол и подошла к мужу.

— Леннокс, посмотри, какой великолепный закат. По-смотри, там, за окном, кипит жизнь. Она прекрасна! Мы ведь тоже можем быть там, а не наблюдать за ней из окна.

Наступило молчание.

Наконец он сказал:

— Извини. Тебе хочется прогуляться?

— Да, я хочу вырваться отсюда с тобой. Я хочу к солнцу, к людям. Я хочу жить только с тобой вдвоем.

Он отшатнулся от жены.

— Надин, дорогая, зачем возвращаться к прошлому разговору снова.

— Затем, чтобы уехать куда-нибудь вдвоем.

— Но мы не можем, у нас нет денег.

— Мы можем их заработать.

— Но как? Что я смогу делать? Я ничего не умею. Тысячи людей сейчас без работы, даже хорошие специалис-ты. Разве я смогу найти работу?

— Я буду зарабатывать деньги.

— Моя дорогая девочка, это невозможно.

— Невозможна наша жизнь здесь.

— Ты даже не понимаешь, что говоришь. Мама очень к нам добра и ни в чем не отказывает.

— За исключением свободы. Леннокс, давай попытаем-ся. Уедем сегодня же.

— Надин, ты сошла с ума!

— Нет. Я абсолютно нормальна. Я хочу иметь свою собственную жизнь с тобой. Жить на солнце, а не в тени этой женщины, этого тирана, который радуется, видя тебя несчастным.

— Ты не права, Надин. Мама очень властная...

— Твоя мать сумасшедшая!

Леннокс медленно возразил:

Неправда. У нее светлая голова, и она чудесно вела дела.

С этим я согласна.

Надин, она не будет жить вечно. Ей уже за шестьдесят, и она очень больна. После ее смерти все деньги

которые ей остави
помнишь, она нам
.. Когда она
— Тогда это може
-- Поздно для
— Для счастья
.. Поздно для
Надин подошла
Леннокс, я
между мной и твое
— На твоей! Ко
— Тогда сделай
— Это невозмож
— Нет, это возм
бы иметь детей.
.. Мама тоже хо
говорила.
Я знаю. Но я н
нависла тень, в кото
имеет влияние на те
Леннокс проборм
Ты ее часто зл
.. Миссис Бойнто
заставить меня думать
Я знаю, что ты с
Ты изумительная. Я те
выйти за меня замуж,
наяву.
Надин спокойно ск
Я сделала ошиб
Леннокс повторил
. Да, ты сделала
. Ты меня не так
я тогда уехала и позв
Я уверена в этом. Тогд
мать, она помолчала
— Так ты отказывае
тебя я не могу, но сама
я думаю, что уеду.
Он недоверчиво посм
произнес:
. Но ты не сделаеш
Мама ... Мама не захо
Она не в силах

которые ей оставил отец, будут разделены между нами. Ты помнишь, она нам читала его завещание?

Когда она умрет! — с горечью воскликнула Надин.

— Тогда это может быть уже слишком поздно.

— Поздно для чего?

— Для счастья.

— Поздно для счастья, — тихо повторил Леннокс.

Надин подошла к нему ближе и обняла.

Леннокс, я люблю тебя. Ты пойми, идет борьба между мной и твоей матерью. На чьей стороне ты будешь?

— На твоей! Конечно, на твоей.

— Тогда сделай так, как я прошу.

— Это невозможно.

— Нет, это возможно. Подумай, Леннокс — мы могли бы иметь детей.

Мама тоже хочет, чтобы [illegible] дети. Она же говорила.

— Я знаю. Но я не позволю, чтобы над моим ребенком нависла тень, в которой [illegible]. Пусть мать имеет влияние на тебя, но надо мной она не властна.

Леннокс пробормотал:

— Ты ее часто злишь, а это совсем неумно.

— Миссис Бойнтон злится потому, что она бессильна заставить меня думать и поступать так, как ей хочется.

Я знаю, что ты с ней всегда очень вежлива и любезна. Ты изумительная. Я тебя не достоин. Когда ты согласилась выйти за меня замуж, для меня это было как чудесный сон наяву.

Надин спокойно сказала:

— Я сделала ошибку.

Леннокс повторил безнадежно:

— Да, ты сделала ошибку.

— Ты меня не так понял. Я имею в виду, что если бы я тогда уехала и позвала тебя, ты бы поехал со мной. Я уверена в этом. Тогда я просто не раскусила еще твою мать, — она помолчала и потом спросила: — Так ты отказываешься уехать? Ну что ж, заставить тебя я не могу, но сама вольна делать, что хочу. Я думаю... я думаю, что уеду.

Он недоверчиво посмотрел на нее и затем, запинаясь, произнес:

— Но ты не сделаешь этого, ты не сможешь сделать. Мама... Мама не захочет и слышать об этом.

— Она не в силах мне помешать.

— Но у тебя же нет денег.

— Я смогу заработать, занять, в конце концов, попрошу или украду. Пойми, Ленноке, у твоей матери нет надо мной власти! Все зависит от моего, понимаешь, от моего желания. Я чувствую, что мне все надоело.

— Надин, не оставляй меня, не оставляй ...

Она задумчиво на него посмотрела.

— Не оставляй меня, Надин,— он говорил как ребенок.

Она опустилась на колени около его кресла.

— Тогда уедем вместе. Уедем. Ты сможешь уйти, если только захочешь!

Он испуганно отшатнулся от нее.

— Я не могу! Не могу! Боже, помоги! У меня не хватит смелости ...

ГЛАВА VIII

Доктор Жерар вошел в туристическое агентство и сразу увидел Сару Кинг. Поздоровавшись, она сказала:

— Я отправляюсь в Петру. Вы тоже, кажется, собираетесь туда поехать?

— Да.

— Это будет чудесно!

— Кто туда едет?

— Мне сказали, что еще две дамы. Идет всего одна машина.

Доктор Жерар получил свою почту, и они вместе вышли из агентства. Был яркий солнечный, но прохладный день.

— Что нового расскажете вы о семье Бойнтонов?— спросил доктор Жерар.— Меня здесь три дня не было.

Сара поведала ему о своих неудачных попытках установить с ними контакт и с горечью добавила:— А сегодня они уезжают.

— Куда?

— Не имею представления. Вообще, я чувствую, что выставила себя в очень глупом виде.

— Почему?

— Потому, что вмешалась в чужие дела.

Жерар улыбнулся.

— Все зависит от того, как на это смотреть.

— Вы имеете в виду, что иногда следует вмешаться?

— Конечно.

— А вы сами?

Казалось, разговор начал забавлять Жерара.

— Если вы хотите знать, имею ли я такую привычку — вмешиваться в чужие дела,— я могу сказать, нет.

— Значит, вы считаете, что я была не права?

— Нет, не считаю. Вы меня не поняли.

Жерар продолжал говорить быстро и энергично:

— Это, я думаю, вопрос спорный. Должен ли человек, если он видит, что другой поступает неверно, сделать попытку предотвратить последствия или хотя бы предостеречь. Любое вмешательство может исправить положение, а может причинить непоправимое зло. Предугадать невозможно. Некоторые вмешиваются очень неловко, другие — настолько грубо, что лучше бы они не делали ничего. Кроме того, здесь большую роль играет возраст. Молодые люди обладают смелостью, но их знание жизни — теория, а не опыт. Если вы верите в свои силы и свою правоту, вы можете достичь успеха. Но [illegible] изменить положение — совершенно неоправданно [illegible], желая только лучшего. А у людей в возрасте уже есть опыт, и они знают, что вмешательство скорее принесет вред, чем исправит положение, и предпочитают оставаться в стороне. Выходит, люди молодые своим вмешательством или причиняют зло, или его предотвращают, а люди в более зрелом возрасте не делают ни того, ни другого.

— Ваши слова не слишком обнадеживают, — задумчиво произнесла Сара.

— А может ли вообще один человек помочь другому? Но это уже ваша проблема, а не моя.

— Вы хотите сказать, что не хотите помочь этой семье?

Нет. У меня нет ни одного шанса на успех.

— Значит, вы считаете, что у меня тоже нет?

— У вас он может быть. Во-первых, потому, что вы молоды. Во-вторых, вы — женщина. Вы сами рассказали, что попытка разговора с девушкой закончилась неудачно. Из этого не следует, что неудачным окажется ваш разговор с ее братом. Вспомните, что было с Ленноксом. Он вырвался из дома и ушел на танцы. Желание встретить женщину пересилило запрет матери. Но старая миссис Бойнтон хорошо знает силу такого желания и очень умело с ней обращается. Она тут же пригласила Надин и всячески способствовала их браку. Ко всему прочему, она получила себе еще одного раба.

Сара покачала головой.

— Вот тут вы ошибаетесь. Надин не раб.

Жерар согласился.

— Да, вы правы. Просто, когда они с Ленноксом поженились, Надин была скромной и тихой девушкой. Миссис Бойнтон недооценила силу ее характера. А Надин была слишком молода и неопытна, чтобы понять миссис Бойнтон. Она разобралась во всем поздно.

— Вы думаете, у нее пропала всякая надежда?

Доктор Жерар пожал плечами.

— Если она что и задумала, об этом никто никогда не узнает. Я лично могу предположить, что ее планы связаны с Коппом. По своей сути мужчина — ревнивое животное, и ревность может оказаться очень удобным орудием для достижения цели. Это единственное, чем можно воздействовать на Леннокса Бойнтона.

— Вы думаете,— Сара старалась, чтобы голос ее звучал как можно безразличнее,— я смогу что-нибудь сделать с Раймондом?

— Да, я думаю.

Сара вздохнула.

— Стоило бы попробовать. Но, к сожалению, они уезжают.

Попрощавшись, доктор Жерар ушел. Сара стояла, задумавшись, посреди обычной туристской суеты — разъезжали машины с грузом багажа. Возле одной из таких машин стояли Надин и Леннокс, наблюдая за посадкой. Толстый переводчик с развязными манерами разговаривал с Кэрол. Сара прошла мимо них и вошла в отель. В холле сидела миссис Бойнтон, укутанная в теплое пальто. Посмотрев на нее, Сара почувствовала внезапное отвращение к этой зловещей фигуре. Но какое жалкое зрелище являла она собой! С такой силой воли, с таким желанием властвовать и подавлять — и быть всего лишь домашним тираном. Если бы ее собственные дети смогли посмотреть на нее глазами Сары! Глупая, беспомощная, злобная старая женщина.

Повинуясь какому-то импульсу, Сара подошла к ней:

— До свидания, миссис Бойнтон. Желаю вам приятной поездки.

Старуха в ответ посмотрела на Сару с нескрываемой злобой.

Сара продолжала:

— Вы всячески пытались оскорбить меня. Пытались помешать своему сыну и дочери подружиться со мной.

же глупо, неу
себя всемогущ
старая женщи
устраивать так
те после этого
вы о чем-то за
развлекаться по
лучше быть дру
такой, если бы

Казалось, м
пересохшие губ
ла ни слова.

— Что же вы
что. И подумайт

Наконец, раз
смотрели куда-т
обращалась не к

Я никогда
забываю ничего

В ее словах не
которым они был
на несколько шаг
был ужасный сме

— Бедная вы

И торопливо
почти столкнулась
внезапному чувств

— До свидания
Возможно, мы ког
шись, она быстро

Раймонд остало
столько поглощен
что мешает выйти и
ми черными усами.
лился.

— Извините, по
зал Раймонд, я за

В дверях холла по

— Рэй, сходи, по
ехать.

— Хорошо. Я ска

Раймонд вошел и ли

Эркюль Пуаро, с
поднял брови, провод

же глупо, неужели вы этого не понимаете? Вы считаете себя всемогущей, а на самом деле вы жалкая смешная старая женщина. Будь я на вашем месте, я бы перестала устраивать такие спектакли. Я знаю, вы меня возненавидите после этого разговора, но я надеюсь, что, может быть, вы о чем-то задумаетесь. Вы, конечно, еще долго будете развлекаться подобным образом, но, поверьте, значительно лучше быть дружелюбной и доброй. А вы смогли бы стать такой, если бы попытались.

Казалось, миссис Бойнтон окаменела. Она облизнула пересохшие губы. Ее рот открылся . . . но она не произнесла ни слова.

- - Что же вы молчите? Скажите что-нибудь. Неважно, что. И подумайте о том, что я вам сказала.

Наконец, раздался ее тихий хриплый голос. Ее глаза смотрели куда-то мимо Сары, и говорила она как-будто обращалась не к Саре, а к кому-то еще:

Я никогда ничего не забываю. Запомните это. Я не забываю ничего — ни поступка, ни имени, ни лица.

В ее словах не было ничего особенного, но что-то в тоне, которым они были произнесены, заставило Сару отступить на несколько шагов. Миссис Бойнтон рассмеялась — и это был ужасный смех. Сара вздрогнула, пробормотала:

— Бедная вы старая женщина . . .

И торопливо пошла прочь. Подходя к лифту, Сара почти столкнулась с Раймондом Бойнтоном. Подчинившись внезапному чувству, она торопливо сказала:

- - До свидания. Желаю вам приятно провести время. Возможно, мы когда-нибудь встретимся, - - тепло улыбнувшись, она быстро прошла мимо.

Раймонд остался стоять как вкопанный. Он был настолько поглощен своими мыслями, что даже не заметил, что мешает выйти из лифта невысокому мужчине с большими черными усами. Наконец Раймонд это понял и посторонился.

- Извините, пожалуйста,— пропуская мужчину, сказал Раймонд,- - я задумался.

В дверях холла показалась Кэрол. Она подошла к брату.

- Рэй, сходи, пожалуйста, за Джинни. Мы собираемся ехать.

- Хорошо. Я скажу, чтобы она спускалась вниз.— И Раймонд вошел в лифт.

Эркюль Пуаро, склонив голову набок и удивленно подняв брови, проводил его взглядом. Затем он кивнул

головой, как бы соглашаясь со своими мыслями. Проходя через холл, он взглянул на Кэрол и подошел к служащему гостиницы.

— Извините, не скажете ли вы мне, кто эти люди?

— Их фамилия Бойнтон. Они американцы.

— Благодарю вас,— ответил Пуаро.

На третьем этаже доктор Жерар встретил Раймонда и Жиневру, идущих к лифту. У самого лифта Жиневра остановилась и сказала:

— Подожди меня здесь, Рэй. Я сейчас,— и побежала по коридору. Повернув за угол, она догнала Жерара и, задыхаясь, прошептала:

— Извините, мне надо с вами поговорить.

Доктор Жерар удивленно на нее посмотрел.

Подойдя ближе, она схватила его за руку.

— Они меня увозят! Они меня, наверное, хотят убить!.. Они мне чужие! В действительности моя фамилия не Бойнтон,— она говорила быстро и бессвязно, постоянно запинаясь.

— Я могу вам открыть один секрет. Я из королевской семьи. Я наследница трона. Поэтому меня окружают враги. Они хотят отравить меня. Помогите мне спрятаться... убежать,— она умолкла.

Послышались шаги.

— Джинни!

Грациозным движением Джинни приложила палец к губам и, бросив на Жерара умоляющий взгляд, побежала обратно.

— Я иду, Рэй!

Доктор Жерар покачал головой и, задумавшись, направился к своему номеру.

ГЛАВА IX

Утром того дня, когда был назначен отъезд в Петр... Сара, выйдя на улицу, увидела у подъезда высокую, массив... ную женщину с лошадиным лицом, которая критическ... осматривала стоявшую у тротуара машину. Эту женщин... Сара уже видела в отеле.

— Для четырех пассажиров эта машина слишком мала... Да еще переводчик! - раздраженно говорила незнакома... представителю туристической фирмы.— Немедленно поме... вите ее на большую.

Представите... предназначена ... водчиком и что ... путешествия по ... на представителя... заметила Сару.

— Мисс Кин... мной согласитесь...

Сара осторож...

— Действител... больше.

Молодой челов... бы выше.

— Ерунда,— ш... шины включена в ... повысили. В вашем... машина будет удоб... живаться условий...

Осознав свое по... что-то нечленоразде... и быстро покинул ...

Леди Вестхолм ... видом, ее лошадины...

Леди Вестхолм ... политических кругах... ватый пэр средних ... охотой и рыбной ло... Соединенным Штата... миссис Ванситарт, с... языки часто приводы... опасности морских ... Вестхолм одевалась ... собак и безжалостно ... ческую арену. В конце... была смыслом жизни ... станет, она великодуш... заниматься любимым д... датуру в парламент. ... с головой окунулась в ... появились карикатуры ... общественным деятеле... семью, благотворитель... и за уничтожение труш... любил.

Представитель тщетно пытался убедить, что машина предназначена для перевозки четырех пассажиров с перевозчиком и что машина большего размера неудобна для путешествия по пустыне. Огромная женщина надвигалась на представителя фирмы, как снежная лавина. Потом она заметила Сару.

— Мисс Кинг? Я — леди Вестхолм. Я уверена, вы со мной согласитесь, эта машина слишком мала для нас.

Сара осторожно ответила:

— Действительно, было бы удобнее, если бы она была больше.

Молодой человек пробормотал, что тогда ее цена была бы выше.

— Ерунда, — твердо сказала леди Вестхолм,— цена машины включена в обслуживание, и я не допущу, чтобы ее повысили. В вашем рекламном проспекте ясно указано, что машина будет удобной для пассажиров, вы должны придерживаться условий договора.

Осознав свое [illegible] молодой человек пробормотал что-то нечленораздельное в ответ, [illegible] решается помочь, и быстро покинул поле битвы.

Леди Вестхолм повернулась к Саре с торжествующим видом, ее лошадиные ноздри [illegible] раздувались.

Леди Вестхолм была хорошо известной фигурой в политических кругах Англии. Когда лорд Вестхолм, простоватый пэр средних лет, чьи интересы ограничивались охотой и рыбной ловлей, возвращался из путешествия по Соединенным Штатам, его попутчицей оказалась некая миссис Вавентарт, ставшая вскоре леди Вестхолм. Злые языки часто приводили в пример этот брак, говоря об опасности морских путешествий. Новоиспеченная леди Вестхолм одевалась в твид, носила бриджи, воспитывала собак и безжалостно выталкивала своего мужа на политическую арену. В конце концов убедившись, что политика не была смыслом жизни лорда Вестхолма и никогда им не станет, она великодушно предоставила ему возможность заниматься любимым делом и сама выставила свою кандидатуру в парламент. Получив большинство голосов, она с головой окунулась в политическую жизнь. Вскоре на нее появились карикатуры — верный признак успеха. Став общественным деятелем, она ратовала за стромодную семью, благотворительную деятельность среди женщин и за уничтожение трущоб. Ее все уважали, но никто не любил.

Леди Вестхолм победоносно посмотрела вслед отъезжающей машине.

— Почему-то мужчины всегда считают, что они могут обмануть женщину,— сказала она.

«Это должен быть очень храбрый мужчина - - тот, который попытается ее обмануть», - подумала Сара.

Увидев подошедшего доктора Жерара, она предоставила его леди Вестхолм.

- - Мне очень хорошо знакомо ваше имя,- - сказала леди Вестхолм, протягивая доктору Жерару руку.

— Недавно в Париже я разговаривала с профессором Клемансо. Мы обсуждали вопрос медицинского обслуживания бедняков. Послушайте, может, нам лучше подождать в отеле, пока не придет другая машина?

В холле машину ждала их четвертая попутчица, мисс Пиерс, маленькая женщина среднего возраста.

— Чем вы занимаетесь, мисс Кинг?

— Я врач.

— Прекрасно,— покровительственно заметила леди Вестхолм,— только женщины могут быть хорошими специалистами, поверьте мне.

Удобно расположившись в кресле, леди Вестхолм продолжала:

- Верховный Комиссар предлагал мне остановиться у него, но я предпочла отель. Здесь меня ничто не стесняет.

Через четверть часа к отелю подъехала большая, чрезвычайно комфортабельная машина, и, после того как леди Вестхолм дала несколько указаний, как расположить багаж, она позволила всем в нее сесть.

Их первая стоянка была у берега Мертвого моря. После ленча леди Вестхолм ушла с мисс Пиерс, доктор Жерар отправился осмотреть окрестности, и Сара осталась одна.

У нее разболелась голова, и никого не хотелось видеть. мучила какая-то неопределенная тоска, пропал всякий интерес к путешествию, все казалось нестерпимо скучным, компаньоны ее раздражали. Она уже жалела о своем решении ехать в Петру - - дорогое удовольствие, а ничего хорошего из этой поездки не выйдет. Громкий голос леди Вестхолм и беспрестанное щебетание мисс Пиерс действовали ей на нервы. Даже вид доктора Жерара вызывал чувство досады. Сара вспомнила Бойнтонов. Где они сейчас? Возможно, они поехали в Сирию и сейчас уже в Дамаске или Баальбеке. А что сейчас делает Раймонд? Странно, как ясно она видела его первое лицо. Чертовщина!

на! Зачем вспом
не увидит. А это
заставило ее то
чепухи! А если к
Леди Вестхолм,
попыталась вспо
совершенно абсу
И все по вине э

Вошел доктор
рядом с Сарой.

— Нет, эта же
вили!

Сара посмотре

— Кого? Мисс

— Причем тут
Вестхолм! Как тол
Я бы это сделал

Сара рассмеяла

— А он добрый

- - Значит, он ко
ве, уничтожая неви

— Я уверена, чт
жены.

— Еще бы, это

Затем Жерар сп

- - Вы вспомнили
бы отравить. Это ре
многие женщины зас
старые и безобразны

Засмеявшись, Сар

— О, вы истинны
молодая и красивая

Жерар пожал пле

— Мы просто чест

— Как несправедл

— В этом плане вам

— У меня сегодня

— Естественно.

— Почему вы счита

сила Сара.

— Вы сами сможете
захотите быть честной

— Я думаю, что на
ны,— сказала Сара. - - Я

на! Зачем вспоминать людей, которых она никогда больше не увидит. А этот разговор со старой миссис Бойнтон! Что заставило ее тогда подойти к ней и наговорить всякой чепухи! А если кто-нибудь слышал, что она говорила! Ужас! Леди Вестхолм, например, была где-то совсем рядом. Сара попыталась вспомнить, что именно она говорила. Что-то совершенно абсурдное. Боже мой, какой дурой я выглядела! И все по вине этой миссис Бойнтон.

Вошел доктор Жерар и бессильно опустился в кресло рядом с Сарой. Вытирая пот со лба, он сказал:

— Нет, эта женщина заслуживает того, чтобы ее отравили!

Сара посмотрела на него с удивлением:

— Кого? Миссис Бойнтон?

— Причем тут миссис Бойнтон? Я имею в виду леди Вестхолм! Как только муж может ее терпеть столько лет! Я бы это сделал уже давно!

Сара рассмеялась.

— А он добрый. Он охотится и ловит рыбу.

— Значит, он компенсирует свою потребность в убийстве, уничтожая невинных тварей.

— Я уверена, что он очень гордится активностью своей жены.

— Еще бы, это понятно: она редко бывает дома.

Затем Жерар спросил:

— Вы вспомнили миссис Бойнтон? Ее тоже не мешало бы отравить. Это решило бы все проблемы. Я думаю, что многие женщины заслуживают подобной участи. Особенно старые и безобразные, — и он весело подмигнул Саре.

Засмеявшись, Сара воскликнула:

— О, вы истинный француз. Вы считаете, что только молодая и красивая женщина может принести пользу.

Жерар пожал плечами.

— Мы просто честны в своих взглядах и суждениях.

— Как несправедлива жизнь, — вздохнула Сара.

— В этом плане вам нечего беспокоиться, мисс Кинг.

— У меня сегодня просто плохое настроение.

— Естественно.

— Почему вы считаете это естественным?— резко спросила Сара.

— Вы сами сможете легко найти причину, если только захотите быть честной перед самой собой.

— Я думаю, что на меня плохо влияют наши попутчицы,— сказала Сара.— Я чувствую, что просто не переношу

женское общество, особенно общество таких женщин, как мисс Пиерс и леди Вестхолм. Они приводят меня в ярость.

— Это легко объяснить. Леди Вестхолм довольна собой и своей жизнью. Мисс Пиерс в течение многих лет работала гувернанткой. Наконец, ей улыбнулось счастье: она получила небольшое наследство, и вот исполнилась мечта всей ее жизни — она смогла путешествовать. А так как вы только что потерпели поражение, то вполне естественно, вас стали раздражать счастливые люди.

— Вероятно, вы правы,— угрюмо сказала Сара.— Удивительно, как вы умеете читать чужие мысли. Я пытаюсь себя обмануть, а вы мне не даете это сделать.

Вскоре вернулись их попутчицы во главе с гидом. Самым усталым из этой троицы, казалось, был переводчик, и, когда они все отправились в Амман, он ограничился минимальной информацией.

Они приехали в Амман поздним вечером. Осмотрев развалины театра, они разошлись по своим номерам. На следующий день им предстоял длинный путь через пустыню до Маана.

Отправились рано утром. Был душный жаркий день. И когда пришло время остановиться для ленча, жара стала невыносимой. Она сказалась и на настроении путешественников: леди Вестхолм и доктор Жерар раздраженно спорили по поводу международных банд торговцев наркотиками, мисс Пиерс восторженно говорила Саре:

— Вы не можете себе представить, какое наслаждение доставляет мне общение с леди Вестхолм!

— Неужели?

Но мисс Пиерс, даже не почувствовав холода в голосе Сары, продолжала трещать:

— Я так часто видела ее имя на страницах газет! Ведь только очень умная женщина способна заниматься политикой и притом добиться своего. Я всегда радуюсь, когда женщина может выдвинуться и занять подобающее ей место.

— Почему?— с нескрываемой яростью вырвалось у Сары.

Мисс Пиерс на мгновение опешила:

– О, потому что . . . я имею в виду . . .— пробормотала она,— потому что, это так чудесно, когда женщина может чего-нибудь добиться в своей жизни.

— Я с вами не согласна,— резко сказала Сара.— Прекрасно, когда любой человек может в своей жизни добиться

ся чего-нибудь ст
или женщина. Ра
— Конечно, ко
Немного смягч
— Я ненавижу,
щин. Некоторые же
ми качествами, а др
ментальны и ограни
что способности у в
му признаку просто
Мисс Пиерс пок
вора:
— Как было бы
тени,— пробормотала
лице не мешает нас
Сара кивнула. «Д
но тихо и спокойно:
И только сейчас о
бодилась от мыслей о
ее в действительност
Леди Вестхолм и
наркотиках, спорили
тайно поставляли в ар
не обладавшей чувст
Жерара вызывали нес
— Пора ехать,— ус
Они достигли Маан
ка там была непродол
в пути.
Вокруг них прости
даже представить себе
скалы Петры. Хотя их
сколько миль. Но ниг
В маленьком селении А
машину и пересесть на
ключ.
Путешественники вы
каменистой дороге, когд
рами.
Сара чувствовала себя
ной поездки в такую изну
все это происходит во сне
скалами, вела вниз. Все
красных скал. Ущелье ни

ся чего-нибудь стоящего. Безразлично, будь это мужчина или женщина. Разве не так?

— Конечно, конечно. Вы правы.

Немного смягчившись, Сара продолжала:

— Я ненавижу, когда людей делят на мужчин и женщин. Некоторые женщины обладают прекрасными деловыми качествами, а другие — нет. Некоторые мужчины сентиментальны и ограничены, а у некоторых блестящий ум. Так что способности у всех разные, и делить людей по половому признаку просто глупо.

Мисс Пирс покраснела и быстро сменила тему разговора:

— Как было бы чудесно, будь здесь хоть немного тени,— пробормотала она. — Хотя даже раскаленное солнце не мешает наслаждаться этой красотой.

Сара кивнула. «Да, — подумала она,— здесь удивительно тихо и спокойно: ни людей, ни проблем».

И только сейчас она, наконец, поняла, что освободилась от мыслей о Боннонах, от их проблем, которые ее в действительности никоим образом не касались.

Леди Вестхолм и доктор Жерар, [illegible] вопрос о наркотиках, спорили теперь по поводу девушек, которых тайно поставляли в аргентинские бордели. У леди Вестхолм, не обладавшей чувством юмора, некоторые замечания Жерара вызывали нескрываемое негодование.

— Пора ехать,— услышали они голос переводчика.

Они достигли Маана за час до захода солнца. Остановка там была непродолжительной, и скоро они снова были в пути.

Вокруг них простиралась пустыня, и Сара не могла даже представить себе, в какой стороне следует искать скалы Петры. Хотя их, наверное, можно увидеть за несколько миль. Но нигде не было видно даже холмов. В маленьком селении Айн Муса им предстояло оставить машину и пересесть на лошадей — тощих и измученных кляч.

Путешественники выехали из селения по скользкой каменистой дороге, когда солнце уже скрывалось за горами.

Сара чувствовала себя очень усталой от этой длительной поездки и такую изнурительную жару. Ей казалось, что все это происходит во сне. Дорога, с двух сторон зажатая скалами, вела вниз. Все время вниз, сквозь лабиринт красных скал. Ущелье начало сужаться, и Сара почувство-

вала, что ей не хватает воздуха. Она вспомнила вдруг однажды прочитанные строки: «Вниз, вниз, в долину смерти». Темнота подступала со всех сторон, и уже нельзя было различить цвета камней, скалы подступали все ближе и ближе, и дороге, казалось, не будет конца. Сара подумала: «Какой-то сказочный мертвый город».— И снова вспомнила слова: «Долина смерти».

Было уже так темно, что пришлось зажечь фонари. Скалы расступились внезапно, и люди въехали в долину. Впереди виднелись огни.

— Вот и кемпинг,— сказал проводник.

Лошади пошли быстрее по старому руслу реки. Уже были видны ряды палаток, а над ними в скалах — множество небольших пещер.

Сара вздрогнула: у одной из пещер она увидела темный силуэт. Что это? Идол? Гигантская фигура сидящего человека? Присмотревшись, Сара поняла, что огромные размеры фигуре придавало мерцание огней вокруг нее. Но кто он, этот неподвижно сидящий идол? И сердце ее сильно забилось, когда она увидела в этом идоле миссис Бойнтон.

ГЛАВА X

Миссис Бойнтон в Петре. С трудом соображая, Сара машинально отвечала на вопросы, сыпавшиеся со всех сторон: «Будет ли она сейчас обедать или сначала примет душ?»—«Где она предпочитает спать: в палатке или пещере?»—«Конечно, в палатке». Она содрогнулась при мысли о том, что в пещере может оказаться поблизости от миссис Бойнтон.

Наконец мисс Кинг последовала за слугой в заплатанных брюках цвета хаки и рваной рубашке. Он носил национальный головной убор из черного шелка, спускающийся складками до шеи. Сара залюбовалась его легкой походкой и гордой посадкой головы. Европейская одежда — даже такая ветхая — совершенно не соответствовала его внешности.

«Цивилизация приносит только вред,— подумала Сара Кинг.— Она подходит лишь людям, подобным миссис Бойнтон. Попади та в общество дикарей, ее просто съели бы уже много лет назад!».

Сара чувствовала
горячего душа она
Причесавшись
отражение в зерка
спуститься вниз.
— Вы! Здесь?—
увидела перед собой
Но, кроме изумлени
как будто перед ни
нила этот взгляд н
Он повторил:
— Вы!
Этот голос заста
— Да,— спокойн
Он подошел ближ
руку.
— Неужели это в
о вас!
Слова душили Ра
— Я люблю вас
момента, как увидел
чтобы вы знали тож
если я пройду мимо в
вы должны знать, что
все мои нервы. Это
приказывает, я не в с
Правда? Вы должны
Сара прервала его
— Я не буду вас
Ее голос звучал м
— Все равно. Я до
как подобает мужчине
— И вы сумеете это
— Неужели? Возмо
— У вас хватит на
уверена.
Юноша весь подтян
— Смелость? Да, э
хватало.
Он наклонился и по
расстались.
Сара подошла к б
столом. За одним из ни

Сара чувствовала себя безумно уставшей. Только после горячего душа она смогла прийти в себя и успокоиться.

Причесавшись и бросив критический взгляд на свое отражение в зеркале, она вышла из палатки и собралась спуститься вниз.

— Вы! Здесь?— раздался недоверчивый голос.— Сара увидела перед собой изумленные глаза Раймонда Бойнтона. Но, кроме изумления, в них была и нескрываемая радость, как будто перед ним распахнулись двери рая. Сара запомнила этот взгляд на всю жизнь.

Он повторил:

— Вы!

Этот голос заставил ее задрожать.

— Да,— спокойно сказала Сара.

Он подошел ближе и, словно не веря глазам, взял ее за руку.

— Неужели это вы? И вы не призрак? Я столько думал о вас!

Слова душили Раймонда. Наконец он смог говорить:

— Я люблю вас... Я полюбил вас с того самого момента, как увидел в поезде. Теперь я это знаю и хочу, чтобы вы знали тоже. Вы должны знать это, потому что если я пройду мимо вас или сделаю вид, что мы не знакомы, вы должны знать, что это не я, что я собой не владею. Это все мои нервы. Это от меня не зависит. Когда Она мне приказывает, я не в силах противиться! Вы меня поймете! Правда? Вы должны меня, конечно, презирать...

Сара прервала его:

— Я не буду вас презирать.

Ее голос звучал мягко и ласково.

— Все равно. Я должен заставить себя поступать так, как подобает мужчине.

— И вы сумеете это сделать,— твердо сказала Сара.

— Неужели? Возможно...

— У вас хватит на это смелости. Теперь я в этом уверена.

Юноша весь подтянулся, поднял голову.

— Смелость? Да, это именно то, чего мне всегда не хватало.

Он наклонился и поцеловал ее руку, прежде чем они расстались.

Сара подошла к большому тенту, натянутому над столом. За одним из них уже сидели трое ее попутчиков.

Проводник рассказывал о группе, которая прибыла сюда на два дня раньше:

— Это американцы. Их мать такая толстая, что с трудом сюда добралась. Ее несли в кресле два носильщика. Они жаловались, что в такую жару им очень тяжело.

Сара невольно представила себе эту комическую карти-ну и рассмеялась. Толстый проводник с благодарностью посмотрел на нее. Ему сегодня выпал трудный день: леди Вестхолм уже три раза к нему придиралась и как раз только что высказала ему свои претензии по поводу типа кровати, которая стояла в ее палатке. Поэтому он был несказанно счастлив, когда увидел, что хоть кто-то из его туристов в хорошем настроении.

— Ха!— воскликнула леди Вестхолм.— Эти люди жили вместе с нами в отеле «Соломон». Я сразу узнала их мать. Я помню, вы с ней разговаривали, мисс Кинг.

Сара покраснела от одной только мысли, что леди Вестхолм могла тогда слышать ее слова.

— Господи, что на меня тогда нашло?— ужаснулась Сара.

Между тем леди Вестхолм недовольно произнесла:

— Ни одного интересного человека! Совершеннейшая провинция,— и она начала рассказывать о своих встречах с выдающимися американцами.

Так как стояла необычная даже для тех мест жара, договорились отправиться на экскурсию рано утром.

В шесть часов все четверо собрались за завтраком. Ни одного из членов семьи Бойнтонов нигде не было видно.

После того как леди Вестхолм в очередной раз пожало-валась на отсутствие фруктов, принялись за чай с консерви-рованным молоком и яйца с пересоленным беконом. Наконец с завтраком было покончено, и все отправились в путь.

Им пришлось остановиться, чтобы подождать еще одно-го желающего осмотреть красоты Петры. Это был мистер Джефферсон Копп, который спешил к ним, вытирая свое красное и мокрое от пота лицо платком.

— Если вы не против, я к вам хочу присоединиться. Доброе утро, мисс Кинг. Я очень рад снова встретить вас и доктора Жерара. Как вам здесь нравится?

— Здесь очень красиво, но страшно,— сказала Сара.

— Я всегда удивлялась, когда слышала, что Петру называют «Городом красной розы». Это звучит очень романтично, однако, теперь я могу сказать, что мне ско-рее напоминает скорее сырое мясо.

— Да, это дей-
ся мистер Копп.
Группа стала
вождали два прово
чины, они уверенн
группа успевала за
Сара и доктор
нельзя было сказа
А несчастную ми
местах буквально
ный оттенок и, зак
— Я никогда не
В одном месте м
обратно, но, посмот
вверх, хотя ее лицо
Доктор Жерар
Пиерс. Он шел за не
и нею, создавая илл
что это помогает ей
Сара, задыхаясь
ника, который, несмо
с ней без всяких пр
— У вас не случае
ведете людей по этому
людей.
— Почти всегда, м
— Зачем же вы то
Махмуд пожал пле
— Они сами хотят.
хотят осмотреть. Бедуи
Наконец они дости
перехватило дыхание:
взгляд, виднелись кров
утренним воздухе они с
взирающих на грешный
— Здесь совершал
проводник, указывая н
рядом с ним.
Сара отошла в сто
задумчиво взирала на м
Этот мир лежал перед
предлагал себя во влад
кто-то стоит возле нее. П
и Жерара.

— Да, это действительно цвет сырого мяса,— согласился мистер Копп.

Группа стала медленно подниматься в гору. Их сопровождали два проводника-бедуина. Высокие стройные мужчины, они уверенно шли по скользкому склону, маленькая группа успевала за ними с трудом.

Сара и доктор Жерар хорошо переносили высоту, чего нельзя было сказать о мистере Коппе и леди Вестхолм. А несчастную мисс Пиерс приходилось в нескольких местах буквально нести на руках. Ее лицо приняло зеленый оттенок и, закрыв глаза, она все время твердила:

— Я никогда не могла смотреть вниз.

В одном месте мисс Пиерс даже заявила, что вернется обратно, но, посмотрев на спуск, решила, что лучше идти вверх, хотя ее лицо еще больше позеленело.

Доктор Жерар всеми силами пытался помочь мисс Пиерс. Он шел за ней, держа свою палку между пропастью и нею, создавая иллюзию перил, и женщина призналась, что это помогает ей избавиться от головокружения.

Сара, задыхаясь от крутого подъема, спросила проводника, который, несмотря на свой вес, легко шагал рядом с ней без всяких признаков усталости:

— У вас не случается никаких неприятностей, когда вы ведете людей по этому маршруту? Я имею в виду пожилых людей.

— Почти всегда, мисс,— с горечью ответил Махмуд.

— Зачем же вы тогда водите их сюда?

Махмуд пожал плечами:

— Они сами хотят. Они за это заплатили деньги и все хотят осмотреть. Бедуины очень надежные проводники.

Наконец они достигли вершины. От восторга у Сары перехватило дыхание: внизу, куда только ни бросишь взгляд, виднелись кроваво-красные скалы, в прозрачном утреннем воздухе они стояли, как изваяния древних богов, взирающих на грешный мир.

— Здесь совершались жертвоприношения,— сказал проводник, указывая на углубление в скале — как раз рядом с ним.

Сара отошла в сторону и присела на камень. Она задумчиво взирала на мир, раскинувшийся далеко внизу. Этот мир лежал перед ней как на ладони и словно предлагал себя во владение. Сара почувствовала, что кто-то стоит возле нее. Подняв голову, она увидела доктора Жерара.

— Не кажется ли вам, мисс Кинг, что Создатель наш увидел ту же картину, когда Сатана привел его на вершину горы и показал ему сверху весь мир. Вы помните это место в Новом Завете? Помните, что он тогда сказал: «Я отдам тебе все это, если ты признаешь меня и склонишься передо мной».

Сара была настолько поглощена своими мыслями, что ничего не ответила. Доктор Жерар посмотрел на нее с нескрываемым удивлением.

— Вы о чем-то задумались?

— Да, я думаю, что это была чудовищная идея, выбрать место для жертвоприношения именно здесь, — она повернула к нему взволнованное лицо,— и вообще я считаю, что жертвы необходимы. Люди придают жизни слишком большое значение. Смерть не настолько важна, как мы себе представляем.

— Если вы так считаете, то мне непонятно, почему вы выбрали профессию врача. Ведь для нас смерть всегда была и будет самым злейшим врагом.

Сара вздрогнула.

— Да, вы правы. И все же очень часто только смерть может разрешить человеческие проблемы.

— Нам удобно, когда один человек жертвует собой ради других,— угрюмо сказал Жерар.

Сара резко повернулась к нему:

— Я совсем не это имела в виду . . .— она замолчала: к ним подошел Джефферсон Копп.

— Это удивительное место! И я безумно рад, что приехал сюда. Правда, я должен признаться, что хотя и считаю миссис Бойнтон замечательной женщиной и восхищаюсь ее мужеством решиться на такую поездку, тем не менее путешествовать с ней довольно затруднительно. Она очень плохо себя чувствует, вероятно, поэтому мало считается с другими людьми, и ей даже не приходит в голову мысль, что ее семья могла бы путешествовать без нее. Она так привыкла видеть их всех вокруг себя, что я думаю, она . . .

Мистер Копп резко оборвал фразу. Он выглядел очень расстроенным и смущенным.

— Вы знаете,— сказал он,— я кое-что услышал о миссис Бойнтон, и это меня очень огорчило.

Сара вновь сидела, глубоко задумавшись. Голос мистера Коппа звучал в ее ушах, как отдаленный шум прибоя. Смысла слов она не улавливала.

Доктор Жера
— А что имел
— В отеле я
одной служанке
Копп взглянул на
— Эта девушк
Бойнтон, но ниче
добра. Однако за
она выставила бед
— Даже так?!
Жерар.
— Дама, котор
мистер Копп,— уве
знаю, согласитесь
поступок миссис Б
нять . . .
Доктор Жерар
— А вы попыта
инцидент доставил м
Мистер Копп уд
— Нет, сэр. Я в э
— Дорогой сэр,
посвятил свою жизн
которые происходят
жизнь с одной ее ст
тойностью и условнос
ся странные явления
жестокостью. Но, есл
человеческого сознан
бокое и болезненное.
ется, с ним происхо
находит в себе выхо
Привычка к жестоко
человек не становится
Мистер Копп кашл
— Мне кажется, до
А воздух здесь дейст
словами мистер Копп и
Жерар улыбнулся и
строгим и нахмурени
судью,— подумал докто
говор.
Послышались неуп
Пиере.

Доктор Жерар спросил:

— А что именно?

— В отеле я встретил даму, которая рассказала мне об одной служанке миссис Бойнтон. Эта девушка,— мистер Копп взглянул на Сару и понизил голос:

— Эта девушка ждала ребенка. Об этом узнала миссис Бойнтон, но ничего той не сказала и была к ней очень добра. Однако за несколько недель до рождения ребенка она выставила бедняжку за дверь.

— Даже так?!— с нескрываемым интересом спросил Жерар.

— Дама, которая мне это рассказала,— продолжал мистер Копп,— уверена, что дело обстояло именно так. Не знаю, согласитесь вы со мной или нет, но я считаю поступок миссис Бойнтон бесчеловечным, и не могу понять...

Доктор Жерар перебил его:

— А вы попытайтесь. Я совершенно уверен, что этот инцидент доставил миссис Бойнтон истинное наслаждение.

Мистер Копп удивленно на него посмотрел.

— Нет, сэр. Я в это не могу поверить. Это непостижимо!

— Дорогой сэр,— спокойно сказал доктор Жерар,— я посвятил свою жизнь изучению тех странных процессов, которые происходят в мозгу человека. Нельзя видеть жизнь с одной ее стороны — с прекрасной. За благопристойностью и условностями каждодневной жизни скрываются странные явления, такие, например, как наслаждение жестокостью. Но, если вы заглянете еще глубже в тайники человеческого сознания, то увидите там властолюбие, глубокое и болезненное. И в случае, когда оно не удовлетворяется, с ним происходят чудесные превращения, и оно находит в себе выход при помощи различных методов. Привычка к жестокости развивается постепенно, пока человек не становится ее рабом.

Мистер Копп кашлянул.

— Мне кажется, доктор Жерар, вы преувеличиваете... А воздух здесь действительно божественный,— с этими словами мистер Копп ретировался.

Жерар улыбнулся и посмотрел на Сару. Ее лицо было строгим и нахмуренным. «Она напоминает молодого судью,— подумал доктор Жерар,— который выносит приговор».

Послышались неуверенные шаги, и к ним подошла мисс Пирс.

— Мы собираемся возвращаться,— защебетала она, — я боялась, что у меня не будет сил спуститься с этой горы, но проводник успокоил меня. Он сказал, что обратно мы пойдем другой, более легкой дорогой.

Обратная дорога шла мимо водопада и, хотя камни постоянно выскакивали из-под ног, группа благополучно вернулась к ленчу.

За большим столом под тентом сидела семья Бойнтонов. Они заканчивали ленч.

Леди Вестхолм, обратившись к ним, сказала с утрированной любезностью:

— Какое чудесное утро! Петра — поистине сказочное место.

Кэрол — к ней, казалось, было адресовано обращение леди Вестхолм — бросила испуганный взгляд на мачеху и тихо сказала:

— Да-да, вы правы.

Леди Вестхолм, видимо, решив, что она выполнила все, что требуют правила хорошего тона, принялась за еду.

За ленчем все четверо обсуждали свои планы на день.

— Мне хочется немного отдохнуть, — сказала мисс Пирс.— Я боюсь переутомиться.

— Я пойду немного прогуляюсь,— сказала Сара.— А что вы собираетесь делать, доктор Жерар?

— Пойду с вами.

— Думаю, я последую вашему примеру, мисс Пирс,— сказала леди Вестхолм. Сначала полчасика почитаю, а потом просто полежу. Только после этого пойду пройдусь.

Поддерживаемая Лешоксом, миссис Бойнтон с трудом поднялась со стула. Немного постояв, она сказала:

— Дети, я думаю, вам не мешало бы после ленча прогуляться.

На их лицах отразилось изумление. Наконец кто-то из них неуверенно произнес:

— А как же вы, мама?

— Мне никто из вас сегодня не будет нужен. Мне хочется побыть одной и почитать. Джинни пусть тоже отдохнет и поспит.

— Мама, я совсем не устала. Мне тоже хочется пойти с ними.

— Нет, ты устала, и у тебя болит голова. Ты должна себя беречь. Иди и поспи. Я лучше знаю, что тебе надо делать.

— Нет! Я ... глаза с вызовом в мгновение. Потом — Глупый ребе Бойнтон,— иди к се

С этими словами тента. За ней двину

— Боже мой,— с семья! Особенно мать больное сердце.

Сара подумала: « ведь знает, что Раймо почему? Может, это

После ленча, когд и надеть другое платье ночью, вспоминая раз любит его и хочет ем

Было уже пятнадц вышла из своей палатк одетая, несмотря на жа у нее лежал бюллете Жерар разговаривал палатки. В руках она де названием «Поиски лю

— Я считаю, что ле но,— объясняла мисс П варения.

Обсудив эту проблему

— Как приятно сиде только посмотрите на эт сидеть на солнце?

Все посмотрели туда, же, как и вчерв, миссис неподвижного Будду, сид с ней никого не было.

— Один раз она все-т Это что-то новенькое. Чт доктор Жерар.

— Я как раз об этом

— Кажется, мы стали лечите с Бойнтонами.

Оставив мисс Пирс по за небольшой группой, кемпинга. Внезапно

— Нет! Я ...— казалось, она хотела взбунтоваться, ее глаза с вызовом взглянули на мать. Это длилось одно мгновение. Потом она вся сникла и замолчала.

— Глупый ребенок,— медленно проговорила миссис Бойнтон,— иди к себе в палатку.

С этими словами, тяжело ступая, она вышла из-под тента. За ней двинулись остальные.

— Боже мой,— сказала мисс Пиерс, — какая странная семья! Особенно мать. И какое у нее красное лицо. Видимо, больное сердце.

Сара подумала: «Почему старуха отпускает их? Она ведь знает, что Раймонд хочет со мной встретиться. Тогда почему? Может, это ловушка?»

После ленча, когда Сара пошла к себе освежиться и надеть другое платье, эта мысль не давала ей покоя. Еще ночью, вспоминая разговор с Раймондом, она поняла, что любит его и хочет ему помочь.

Было уже пятнадцать минут четвертого, когда Сара вышла из своей палатки. Под тентом сидела леди Вестхолм, одетая, несмотря на жару, в плотный костюм. На коленях у нее лежал бюллетень королевской комиссии. Доктор Жерар разговаривал с мисс Пиерс, стоявшей у своей палатки. В руках она держала книжку с многообещающим названием «Поиски любви».

— Я считаю, что лежать сразу после еды очень вредно,— объясняла мисс Пиерс,— и все из-за процесса пищеварения.

Обсудив эту проблему, она мгновенно перешла к другой:

— Как приятно сидеть в такую жару под тентом. А вы только посмотрите на эту пожилую даму! Разве ей можно сидеть на солнце?

Все посмотрели туда, куда указывала мисс Пиерс. Так же, как и вчера, миссис Бойнтон, напоминающая древнего неподвижного Будду, сидела у входа в свою пещеру. Рядом с ней никого не было.

— Один раз она все-таки позволила им пойти без нее. Это что-то новенькое. Что еще она задумала?— спросил доктор Жерар.

— Я как раз об этом думаю,— ответила Сара.

— Кажется, мы стали слишком подозрительными. Пойдемте с Бойнтонами.

Оставив мисс Пиерс дочитывать книгу, они поспешили за небольшой группой, только что покинувшей территорию кемпинга. Впервые они видели Бойнтонов счастливыми

и веселыми. Опьяняющее чувство свободы овладело всеми. Сара шла с Кэрол и Лешоком. Доктор Жерар непринужденно болтал с Раймондом, только Надин и Джефферсон Коди немного отстали от остальных.

Внезапно доктор Жерар остановился и с трудом проговорил:

— Прошу прощения, но мне необходимо вернуться.

Сара посмотрела на него с удивлением.

— Что-нибудь случилось?

— Да. Очередной приступ лихорадки. Я почувствовал его уже за ленчем.

— Вы думаете, у вас малярия? — спросила Сара.

— Да. Мне надо вернуться и принять хинин. Надеюсь, это будет не сильный приступ. Я подхватил эту гадость в Конго.

Сара с тревогой спросила:

— Мне пойти с вами?

— Нет, спасибо. При мне всегда аптечка. Такая досада. Пожалуйста, продолжайте свою прогулку без меня.

Сара в нерешительности смотрела на его удаляющуюся фигуру, но потом, встретившись взглядом с Раймондом, улыбнулась ему, и доктор Жерар был забыт.

Скоро Сара и Раймонд отделились от остальных, и присели отдохнуть в тени.

— Как ваше имя? — немного помолчав, спросил Раймонд,— я знаю только фамилию.

— Сара.

— Мне можно вас так звать?

— Конечно.

— Сара, расскажите мне что-нибудь о себе.

Прислонившись к скале, она стала рассказывать о своей жизни в Йоркшире: о тетке, которая ее вырастила, о своих собаках. Раймонд тоже рассказывал о себе, а потом они молчали.

— Мне нужно вернуться,— словно вспомнив о чем-то важном, сказал вдруг Раймонд.— Нет-нет, не с вами. Я хочу пойти один. Мне надо кое-что сделать. Мне надо поговорить. Когда я докажу себе, что я не трус, тогда мне будет не стыдно придти к вам и попросить о помощи. Возможно, мне потребуется занять денег.

Сара улыбнулась.

— Очень рада, что вы стали реально смотреть на жизнь. Рассчитывайте на меня во всем.

— Но прежде всего я должен кое-что сделать сам.

— Что с[illegible]

Раймонд [illegible]

— Я должен [illegible]

или никогда.

И он быстро у[illegible]

Сара провожал[illegible]

что-то в его слов[illegible]

какой-то момент он[illegible]

но сразу же отруга[illegible]

уверится в своей[illegible]

смелости, стремилс[illegible]

Солнце уже сад[illegible]

В наступающих сум[illegible]

еще сидящую у вход[illegible]

неподвижной фигур[illegible]

тенту нижней дорог[illegible]

Леди Вестхолм с[illegible]

пер. Мисс Пиерс [illegible]

салфетку, внимательн[illegible]

шую реформу закон[illegible]

накрывая столы для у[illegible]

жились Бойнтоны. По[illegible]

рался днем показать [illegible]

не оказалось. Такая [illegible]

Сара попыталась у[illegible]

прекрасно провели вр[illegible]

переодеться к ужину.

у палатки доктора Же[illegible]

— Доктор Жерар!

Ответа не было. От[illegible]

Доктор Жерар лежал н[illegible]

бесшумно выскользнула[illegible]

Повстречавшийся ей[illegible]

поспешила к тенту. Все[illegible]

нием доктора Жерара[illegible]

Бойнтон послали слугу.[illegible]

испуганных слуг подбеж[illegible]

начали ему что-то говор[illegible]

нувшись вокруг, Махмуд[illegible]

подошла к нему.

— Что случилось? — [illegible]

— Абдул говорит, что[illegible]

не двигается,— ответил[illegible]

— Я пойду посм[illegible]

— Что сделать?

Раймонд нахмурился.

— Я должен доказать сам себе свою смелость. Теперь или никогда.

И он быстро ушел.

Сара провожала глазами его удаляющуюся фигуру. Что-то в его словах встревожило ее и насторожило. На какой-то момент она пожалела, что не пошла вместе с ним, но сразу же отругала себя за это желание. Раймонд хотел увериться в своей собственной только что обретенной смелости, стремился ее доказать. Это было его право.

Солнце уже садилось, когда Сара вернулась к лагерю. В наступающих сумерках она увидела миссис Бойнтон, все еще сидящую у входа в пещеру, и вздрогнула при виде этой неподвижной фигуры. Заторопившись, Сара прошла к тенту нижней дорогой.

Леди Вестхолм сосредоточенно вязала голубой джемпер. Мисс Пирс расшивала анемичными незабудками салфетку, внимательно слушая леди Вестхолм, обсуждавшую реформу закона о разводе. Вокруг суетились слуги, накрывая столы для ужина. В дальнем углу тента расположились Бойнтоны. Появился хромающий Махмуд. Он собирался днем показать им окрестности, но в кемпинге никого не оказалось. Такая жалость!

Сара попыталась успокоить толстяка, сказав, что они прекрасно провели время, и прошла к себе в палатку переодеться к ужину. По дороге к тенту она задержалась у палатки доктора Жерара и тихо позвала:

— Доктор Жерар!

Ответа не было. Откинув полог, она заглянула внутрь. Доктор Жерар лежал на кровати. Решив, что он спит, Сара бесшумно выскользнула из палатки.

Повстречавшийся ей слуга сказал, что ужин готов. Сара поспешила к тенту. Все уже сидели за столом, за исключением доктора Жерара и миссис Бойнтон. За миссис Бойнтон послали слугу. Вскоре послышался шум, и двое испуганных слуг подбежали к проводнику и возбужденно начали ему что-то говорить по-арабски. Растерянно оглянувшись вокруг, Махмуд встал и вышел из-за стола. Сара подошла к нему.

— Что случилось?— спросила она.

— Абдул говорит, что старая леди очень больна — она не двигается,— ответил Махмуд.

— Я пойду посмотрю.

По дороге к пещере, где сидела миссис Бойнтон, толстый проводник еле поспевал за Сарой. Они подошли к неподвижной фигуре в кресле, и Сара, наклонившись, взяла ее за руку, чтобы проверить пульс. Когда мисс Кинг выпрямилась, лицо ее было белым, как полотно.

Повернувшись, она поспешила обратно к тенту.

— Извините,— с трудом произнесла она, обращаясь к Ленноксу,— миссис Бойнтон умерла.

Сара почувствовала, что голос ее звучит неестественно. С любопытством смотрела она на тех, кому эта весть принесла свободу.

ГЛАВА XI

Полковник Кэрбери улыбнулся через стол своему гостю и поднял бокал.

— Выпьем за преступление.

Эркюль Пуаро поклонился, как бы подтверждая удачность тоста. Он только что прибыл в Амман с рекомендательным письмом к полковнику Кэрбери от полковника Рейса. Кэрбери было любопытно познакомиться с этим всемирно известным человеком, которого так уважал и ценил его старый друг.

— Мы покажем вам все, что у нас есть интересного,— говорил полковник Кэрбери, подкручивая кончики усов. Полковник был лысоватый голубоглазый мужчина невысокого роста, одетый очень небрежно. Он совсем не был похож на офицера, и весь его внешний облик и поведение казались несовместимыми с понятием дисциплины. Однако в Трансиордании он олицетворял власть.

— Здесь есть очень интересные места, если это вас, конечно, интересует,— сказал полковник Кэрбери.

— Меня интересует все.

— Это самый правильный подход к жизни. Вам никогда не казалось, что специфика вашей работы преследует вас повсюду?

— Простите, я не совсем вас понял.

— Хорошо, я задам вопрос иначе: с вами не бывает так, что вы приезжаете куда-нибудь отдохнуть, а там сталкиваетесь с кучей преступлений и горой трупов?

— Это случалось довольно часто.

Поднявшись, полковник Кэрбери продолжал:

— Дело в том,
меня не очень ра
— Труп? Здесь
— Да. Здесь, в
лась в Петру с с
у старой женщин
нагрузка, перенапр
— Она умерла
— Нет. В Петре
— Ах так!
— Все очень ест
— Что только?
Полковник Кэрбе
— Только мне
к этому руку.
— Почему вы та
Не ответив прям
Кэрбери сказал:
— Очень неприят
щее мнение таково,
всяком случае, очень
ся семья держится
Конечно, самое прост
когда-то был знаком
многие пациенты ух
говорил, что в тех слу
лучше не поднимать.
Он снова почесал
Пуаро внимательно
сбит набок, носки спущ
но за этой непрезент
внутренняя собранност
тельно подбирать факт
— Я человек аккура
лелах,— сказал полковн
Эркюль Пуаро мрач
— Там не было врач
— Были. Два. Один —
лая девушка, только-то
хорошо знает свое дело.
го. Старая женщина с б
она систематически прин
вительного в ее внезапно
— Тогда что вас,

— Дело в том, что здесь тоже обнаружили труп, и это меня не очень радует.

— Труп? Здесь?

— Да. Здесь, в Аммане. Старая американка. Отправилась в Петру с семьей. Дорога тяжелая, притом жара, у старой женщины больное сердце, а тут еще такая нагрузка, перенапряжение — вот она и отдала концы.

— Она умерла в Аммане?

— Нет. В Петре. Они привезли ее тело сюда.

— Ах так!

— Все очень естественно, только...

— Что только?

Полковник Кэрбери в замешательстве почесал лысину.

— Только мне кажется, что ее семейка приложила к этому руку.

— Почему вы так думаете?

Не ответив прямо на заданный вопрос, полковник Кэрбери сказал:

— Очень неприятная старуха. Небольшая потеря. Общее мнение таково, что ее смерть — только на благо. Во всяком случае, очень трудно что-нибудь доказать, так как вся семья держится заодно. Никто не хочет осложнений. Конечно, самое простое — это отправить их восвояси. Я когда-то был знаком с одним врачом. По его мнению, многие пациенты уходят в другой мир досрочно. Он говорил, что в тех случаях, когда нет доказательств, шума лучше не поднимать.

Он снова почесал лысину.

Пуаро внимательно посмотрел на полковника: галстук сбит набок, носки спущены, порванный мундир в пятнах, но за этой непрезентабельной внешностью скрывается внутренняя собранность, аналитический ум, умение тщательно подбирать факты и впечатления.

— Я человек аккуратный и не люблю беспорядка в делах,— сказал полковник.

Эркюль Пуаро мрачно кивнул.

— Там не было врача?

— Были. Два. Один — болен малярией. Другая — молодая девушка, только-только окончила колледж. Однако хорошо знает свое дело. В этой смерти нет ничего странного. Старая женщина с больным сердцем. Какое-то время она систематически принимала лекарства. Нет ничего удивительного в ее внезапной смерти.

— Тогда что вас, мой друг, беспокоит?

Полковник Кэрбери с тревогой посмотрел на Пуаро.

— Вам знакомо имя Теодора Жерара?

— Конечно. Выдающийся специалист в своей области.

— Сумасшедшие дома,— уточнил полковник Кэрбери.

— Страсть четырехлетнего мальчика к прислуге заставляет его в тридцать восемь лет думать, что он архиепископ Кентерберийский. Никто, кроме доктора Жерара, не может объяснить, почему так происходит.

— Несомненно, доктор Жерар всеми признанный авторитет, когда речь идет о некоторых формах глубокого невроза,— невольно улыбнулся Пуаро.— А что, доктор склонен рассматривать случившееся в Петре именно с этой точки зрения?

Полковник Кэрбери покачал головой.

— Будь это так, я бы не беспокоился. Нет, доктор Жерар сообщил нам только факты, и если они вас интересуют . . .

— Да, несомненно.

— Прекрасно. Я позвоню и приглашу Жерара сюда, чтобы вы сами с ним поговорили.

Когда полковник созвонился с доктором Жераром, Пуаро спросил:

— Что это за семья, кто они?

— Их фамилия Бойнтон. Два сына, один из них женат. Жена очень приятная умная молодая женщина. Две дочери. Тоже очень хорошенькие, но совсем разные. Младшая — слишком нервная, хотя, это, возможно, результат перенесенного удара.

— Бойнтон,— задумчиво повторил Пуаро.— это любопытно. Чрезвычайно любопытно.

Полковник вопросительно на него посмотрел, но поскольку Пуаро ничего больше не добавил, сказал:

— Совершенно очевидно, что мать была просто вампиром — она крепко вцепилась в своих домочадцев — ведь все деньги принадлежали ей, ни у кого из них не было ни пенни.

— Это очень интересно! А каковы условия завещания?

— Я поинтересовался. После ее смерти деньги делятся поровну.

Помолчав, Пуаро спросил:

— Вы думаете, они все в этом замешаны?

— Не знаю. В том-то и заключается вся сложность. Может быть, это дело рук всей семьи, а может быть кого-то одного из них. Не имею представления. Одни лишь

предположения . . не
и яйца выеденного не
вы — профессионал. А
В комнату неторопл
вавшись с полковнико
Пуаро.
Кэрбери представил
— Эркюль Пуаро.
в Петре.
— Ах так,— доктор
Пуаро,— это вас занят
— Увы, у меня неи
дел.
Полковник обратил
— Может быть, вы
Он налил виски с со
бокал он протянул Пуа
пив бокал на стол, поли
— Так с чего мы на
— Мне кажется,— о
полковнику все происше
— В этом есть льв
и ошибаться, полковник,
Кэрбери откашлялся
— Сообщите, пожалу
Доктор Жерар начал
тий, предшествующих пое
теризовал всех Бойнтоно
нервного напряжения, в
слушал очень внимательно
нию первого дня пребыва
шись на своем возвращен
— У меня начался сил
он,— поэтому я решил сд
Пуаро понимающе кив
— Я еле-еле добрался
найти свою аптечку: у ме
ее кто-то переставил, а ко
там нет шприца. Я перебр
нашел его. Поэтому я при
Жерар помолчал и доб
— О смерти миссис Бой
Благодаря тому, что она си
изменило своего положе

предположения - - не более того. Может быть, все это и яйца выеденного не стоит. Мне требуется ваше мнение, вы - - профессионал. А вот и Жерар!

В комнату неторопливо вошел доктор Жерар. Поздоровавшись с полковником, он с интересом посмотрел на Пуаро.

Кэрбери представил его Жерару.

- - Эркюль Пуаро. Мы только что обсуждали случай в Петре.

--- Ах так,- - доктор Жерар внимательно посмотрел на Пуаро,-- это вас заинтересовало?

- - Увы, у меня неискоренимый интерес к такому роду дел.

Полковник обратился к Жерару:

- - Может быть, вы с нами выпьете?

Он налил виски с содовой и предложил Жерару, второй бокал он протянул Пуаро, но тот покачал головой. Поставив бокал на стол, полковник Кэрбери спросил:

—- Так с чего мы начнем?

- - Мне кажется,- обратился Пуаро к Жерару,— что полковнику все происшедшее не по душе.

— В этом есть львиная доля моей вины. Я могу и ошибаться, полковник,- - сказал доктор.

Кэрбери откашлялся и сказал:

— Сообщите, пожалуйста, все факты Пуаро.

Доктор Жерар начал с обстоятельного описания событий, предшествующих поездке в Петру. Он коротко охарактеризовал всех Бойнтонов и рассказал о том состоянии нервного напряжения, в котором они находились. Пуаро слушал очень внимательно. Затем Жерар перешел к описанию первого дня пребывания в Петре, подробно остановившись на своем возвращении в кемпинг.

-- У меня начался сильный приступ малярии,— сказал он,— поэтому я решил сделать себе инъекцию хинина.

Пуаро понимающе кивнул. Доктор Жерар продолжал:

-- Я еле-еле добрался до кемпинга. Я не сразу смог найти свою аптечку: у меня создалось впечатление, будто ее кто-то переставил, а когда я открыл ее, то увидел, что там нет шприца. Я перебрал все содержимое, но так и не нашел его. Поэтому я принял хинин в порошке и лег.

Жерар помолчал и добавил:

--- О смерти миссис Бойнтон мы узнали только вечером. Благодаря тому, что она сидела в глубоком кресле, тело не изменило своего положения, и только когда за ней послали

стул, чтобы позвать ее к ужину (это было в половине седьмого), обнаружилось, что она мертва.

Жерар детально объяснил расположение пещеры и расстояние от нее до тента.

— Мисс Кинг очень внимательный врач. Она первая осмотрела тело и констатировала смерть. Зная, что у меня приступ, она не захотела меня беспокоить. Впрочем, уже ничего нельзя было сделать, миссис Бойнтон умерла.

— Сколько времени прошло с момента смерти?

Жерар медленно сказал:

— Я не думаю, что мисс Кинг обратила на это внимание. Она просто не придала этому значения.

— А в какое время миссис Бойнтон видели последний раз живой?— спросил Пуаро.

Откашлявшись, полковник Кэрбери взял со стола какой-то документ.

— Миссис Бойнтон разговаривала с леди Вестхолм и мисс Пиерс вскоре после 16.00. Ленноке Бойнтон разговаривал со своей мачехой приблизительно в 16.30. Миссис Ленноке Бойнтон имела с ней долгий разговор примерно с 16.35. Кэрол Бойнтон подошла к ней, как утверждают свидетели, сразу после 17.10. Джефери Копп, друг их семьи, возвращаясь с прогулки с леди Вестхолм и мисс Пиерс, видел, как она спала. Но он к ней не подходил и не разговаривал. Это было приблизительно в 17.40. Видимо, Раймонд Бойнтон был последний, кто видел ее живой. Возвращаясь с прогулки, он подошел поговорить с ней приблизительно в 17.50. Она была обнаружена мертвой в 18.30.

— Между 17.50, когда с ней разговаривал мистер Раймонд Бойнтон, и 18.30, когда ее нашли мертвой, к ней никто не подходил?

— Как я понимаю, нет.

— Но все-таки, кто-нибудь мог подойти?— настаивал Пуаро.

— Не думаю. С 18.00 до 18.30 в кемпинге было очень оживленно: сновали слуги, выходили и входили в свои палатки туристы, и никто из них не видел, чтобы кто-нибудь подходил к миссис Бойнтон.

— Значит, Раймонд Бойнтон действительно был последним, кто видел ее живой?— спросил Пуаро.

Доктор Жерар и полковник обменялись взглядами.

Полковник забарабанил пальцами по столу.

— Отсюда и начинается непонятное. Продолжайте, Жерар.

— Как я уже говорил, Сара Кинг, когда осматривала тело миссис Бойнтон, не сочла нужным определить точное время смерти. Она просто сказала, что смерть наступила недавно, но когда на следующий день я попытался по собственной инициативе уточнить этот вопрос и упомянул, что последним, кто мог видеть ее живой, был Раймонд Бойнтон, незадолго до шести, мисс Кинг сказала мне, что это совершенно невозможно, так как к тому времени миссис Бойнтон определенно уже была мертва.

Пуаро удивленно поднял брови.

— Странно. Чрезвычайно странно. А что говорит Раймонд Бойнтон?

Полковник Кэрбери резко сказал:

— Он клянется, что его мать была жива. Он к ней подошел и сказал: «Я вернулся. Надеюсь, ты хорошо провела время?» Она ему в ответ что-то проворчала, и он пошел к себе в палатку.

Пуаро сидел с задумчивым видом.

— Любопытно, чрезвычайно любопытно. Скажите, пожалуйста, было уже темно?

— Солнце садилось.

— Любопытно, — повторил Пуаро, — а когда вы, доктор Жерар, видели тело?

Только на следующий день. Если быть точным, то в девять утра.

А когда, вы думаете, наступила смерть?

Француз пожал плечами.

— Прошло слишком много времени. Трудно сказать. Когда меня допрашивали, я мог только указать, что смерть наступила между двенадцатью и восемнадцатью часами. Как видите, это ничем помочь не может.

— Продолжайте, Жерар. Рассказывайте остальное, — сказал полковник.

— Встав утром, я обнаружил свой шприц на столе за флаконами. Вы, конечно, можете сказать, что вечером я его просто не увидел. Правда, я очень плохо себя чувствовал, меня лихорадило, и вообще человек часто ищет какую-нибудь вещь, которая лежит буквально перед ним, и не видит ее. Однако я могу поклясться, что в тот вечер шприца там не было.

— Есть еще кое-что интересное, — вмешался в разговор полковник.

— Да, еще два немаловажных факта. На руке умершей был обнаружен след, какой обычно остается после инъекции. Доктор объясняет это тем, что миссис Бойнтон уколась булавкой.

— Какая дочь? — взволнованно спросил Пуаро.

— Ее дочь, Кэрол.

— Да-да, продолжайте.

— И еще последний факт. Я случайно заглянул в сумочку и обнаружил, что у меня пропал дигитоксин.

— Дигитоксин? — спросил Пуаро.— Это сердечный препарат?

— Да. Этот препарат приготавливают из обычной наперстянки. В определенных дозах он необычайно ядовит. Во Франции он имеет очень широкое применение.

— Чем опасна большая доза дигитоксина?

— Она вызывает почти мгновенно смерть от паралича сердца. Установлено, что смертельная доза для взрослого мужчины — четыре миллиграмма.

— А у миссис Бойнтон было очень больное сердце?

— Да, и она принимала препараты, содержащие дигиталис.

— Это очень интересно, — заметил Пуаро.

— Вы имеете в виду, что она могла умереть из-за передозировки своего лекарства? — спросил полковник.

— Да, могла. Но я имел в виду другое, — сказал Пуаро.

— В некоторых случаях дигиталис накапливается в организме. Более того, его очень трудно обнаружить при вскрытии, — пояснил доктор Жерар.

Пуаро понимающе кивнул.

— Умно, очень умно. Почти ничего невозможно доказать. И позвольте мне сказать, джентльмены, что если это убийство, то оно совершено человеком, обладающим недюжинным умом. Посудите сами: шприц возвращен, яд — один из тех препаратов, которые жертва принимала постоянно. Разве невозможна случайная передозировка? Да, здесь поработала умная голова, можно сказать гениальная, притом с большой осторожностью.

Он помолчал и затем сказал:

— И все-таки один факт ставит меня в тупик.

— Какой именно?

— Кража шприца.

— Но его вернули,— быстро сказал доктор Жерар.

— Да, взяли, а потом вернули. Странно.

Полковник Корбери с любопытством посмотрел на Пуаро.

— Так каково ваше мнение? Это убийство?

Пуаро поднял руку.

— Подождите. Мы до этого еще не дошли. У нас есть еще один факт.

— Какой? Мы перечислили уже все.

— Нет. Есть еще показания одного человека, джентльмены.— Показания Эркюля Пуаро,— он поклонился и, улыбнувшись, посмотрел на удивленные лица доктора Жерара и полковника.

— Вы думаете, это шутка? Я, которому вы рассказали всю эту историю, должен вам в свою очередь рассказать такое, о чем вы и не подозреваете? Ну, что ж, это почти так. В отеле «Соломон» я подошел к окну, чтоб его закрыть . . .

— Вы имели в виду открыть,— прервал Пуаро полковник.

— Нет, закрыть,— твердо повторил Пуаро,— оно было открыто, поэтому я, естественно, хотел его закрыть. Но только я собрался это сделать, как услышал разговор. Мужской голос был очень приятного тембра, но звучал напряженно, выдавая нервное возбуждение говорившего. Тогда я сказал сам себе, что этот голос я запомню. И вы знаете, какую фразу произнес человек? Он произнес: «Неужели ты не понимаешь, что ее нужно убить?»

Помолчав, Пуаро продолжал:

— Естественно, я тогда не думал, что эти слова относятся к настоящему убийству. Я принял их за цитату из романа или пьесы. Но теперь я в этом уже не уверен. Более того — теперь я убежден: речь шла именно об убийстве.

Он снова помолчал и добавил:

— Господа, я хочу заявить — на основании своего опыта, знаний и интуиции — этот голос принадлежал молодому человеку, которого я позже увидел в холле отеля,— Раймонду Бойнтону.

ГЛАВА XII

— Слова принадлежали Раймонду Бойнтону?— с изумлением воскликнул доктор Жерар.

— Вы считаете это психологически невозможным?— спокойно спросил Пуаро.

Жерар покачал головой.

— Нет, я бы этого не сказал. Я просто поражен. Если вы следили за моими словами, то должны были заметить обратное: меня удивляет тот факт, что Раймонд Бойнтон так хорошо подходит для роли подозреваемого.

Полковник Кэрбери вздохнул.

— Результат ваших психологических опытов? А мне надо знать, что со всем этим делать.

Жерар пожал плечами.

— Я просто не представляю, что вы можете предпринять. Все улики слишком неубедительны. Если вы даже уверены в том, что произошло убийство, вам это будет очень трудно доказать.

— Я понимаю,— сказал полковник,— мы подозреваем, что совершено убийство, а сами сидим и беспомощно разводим руками. Все это мне не по душе.

— Ясно,— с [illegible] сказал Пуаро,— вам бы, конечно, очень хотелось, чтобы все точки были поставлены над «i». Вы хотите знать совершенно определенно, что и как произошло. А вы, доктор Жерар? Недавно вы назвали улики неубедительными. Возможно, вы правы. Но разве вы будете удовлетворены, если это дело так и повиснет в воздухе?

— Она была очень больна,— медленно произнес доктор Жерар,— в любом случае, она бы очень скоро умерла. Это — вопрос недели, месяца или года.

— Значит, вы согласны ничего не предпринимать?— настаивал Пуаро.

Жерар продолжал:

— Вне всякого сомнения, ее смерть явилась спасением — она дала свободу семье. Они не глупые люди, и теперь смогут стать полноценными членами общества. Я считаю, что смерть миссис Бойнтон принесла только благо.

Пуаро снова повторил:

— Значит, вы удовлетворены и согласны ничего не предпринимать?

— Нет,— Жерар стукнул кулаком по столу.— Я не согласен с тем, как вы это преподносите. Я врач, и я привык бороться за жизнь, а не ускорять ее конец. Поэтому, хотя я и считаю, что ее смерть облегчила жизнь другим людям, моя совесть и врачебная этика восстают против убийства. Очень плохо, джентльмены, когда человек умирает раньше, чем ему суждено.

Пуаро улыбнулся. Откинувшись на спинку стула, он с удовлетворением выслушал тот ответ доктора Жерара, которого он терпеливо ждал в течение всего разговора.

Кэрбери спокойно произнес:

— Он против убийств. Прекрасно. Я тоже их не люблю.— поднявшись, полковник налил себе еще виски.

— А теперь,— продолжал он,— вернемся к нашему основному вопросу: что мы можем предпринять? Нам не нравится создавшаяся ситуация. Но мы вынуждены с ней смириться. Незачем поднимать шум, если мы не в силах ничего доказать.

Наклонившись к Пуаро, Жерар спросил:

— А ваше мнение, месье Пуаро? Вы же профессионал.

Пуаро помедлил с ответом. Он аккуратно собирал спички и складывал их перед собой горкой. Наконец он сказал:

— Вы хотите знать мое мнение о том, кто убил миссис Бойнтон? (Предположив, конечно, что она убита, а не умерла своей смертью)? Как и когда она была убита? А также всю правду об этом деле?

— Да, я очень хотел бы знать.

Пуаро медленно произнес:

— Я не вижу причин, препятствующих этому.

Полковник Кэрбери широко открыл глаза от удивления.

— Интересно! Как вы предполагаете это сделать?

— Методически анализируя и проверяя улики. А также путем размышления.

— Это мне подходит,— воскликнул Кэрбери.

— А также изучая психологические возможности людей.

— Вот это подойдет доктору Жерару,— перебил его полковник.— И после того как вы проанализируете все показания, поразмышляете над ними, затем поиграете с психологией, вы нам быстренько вытащите из шляпы кролика? Вот это здорово.

— Я был бы очень поражен, если бы не смог этого сделать,— спокойно ответил Пуаро.

Полковник Кэрбери внимательно посмотрел на Пуаро. Сейчас его взгляд не был рассеянным, он смотрел на Пуаро как бы взвешивая и оценивая сказанное.

— Ну, а что вы на это скажете, доктор Жерар?

— Должен признаться, я не уверен в успехе, однако знаю, что месье Пуаро блестящий специалист.

Я польщен, — маленький человек скромно улыбнулся.

Полковник отвернулся и кашлянул.

— Первое, что надо выяснить, — начал Пуаро, — было ли совершено убийство всем семейством Бойнтонов или это сделал кто-то один из них. Во-вторых, надо подумать, кто из них на такое способен.

— Но вы же сами слышали разговор Раймонда Бойнтона!

— Я слышал, — сказал Пуаро. — Те слова, которые я слышал, и то, что его показания противоречат показаниям четырех женщин — врача, ставят его в первый ряд подозреваемых. Он был последним, кто видел миссис Бойнтон живой. Это с его слов. Слова Сары Кинг опровергает лишь он. Однако, а нет ли тут какой-нибудь симпатии, предубеждения? Вы понимаете, что я имею в виду.

Жерар кивнул.

— Именно так.

— Ах, так! Значит, очень самостоятельная молодая женщина, брюнетка с роскошными волосами и глазами газели, это и есть Сара Кинг?

Доктор Жерар с удивлением посмотрел на него.

— Да. Вы прекрасно ее описали.

— Мне кажется, я видел ее в отеле «Соломон». Она разговаривала с Раймондом Бойнтоном. И после разговора он казался таким растерянным, что загородил мне выход из лифта. Я был вынужден три раза попросить его посторониться, прежде чем он услышал меня и отошел.

Подумав немного, Пуаро сказал:

— Ну, что ж. Начнем с показаний Сары Кинг. Скажите мне, доктор Жерар, считаете ли вы, что Раймонд Бойнтон смог бы легко совершить убийство?

Доктор Жерар медленно сказал:

— Вы имеете в виду запланированное убийство? Да, думаю, он на это способен, но только при условии сильного эмоционального напряжения.

— А такие условия существовали?

— Совершенно определенно. Эта поездка за границу вне всякого сомнения усугубила нервное напряжение, в котором эти люди постоянно жили. Контраст между их жизнью и жизнью других людей стал им совершенно очевиден. И в случае с Раймондом Бойнтоном...

— Да?

— Были дополнительные осложнения, связанные с его увлечением Сарой Кинг.

— Это могло дать ему дополнительный мотив? И дополнительный стимул?

— Именно так.

Полковник Кэрбери кашлянул.

— Та фраза «Неужели ты не понимаешь, что ее нужно убить», была предназначена для кого-то, с кем он разговаривал!

— Прекрасная мысль, — сказал Пуаро.— Я не забыл об этом. Да, с кем он мог разговаривать? Несомненно, с кем-то из своей семьи. Но с кем? Не смогли бы вы, доктор, подробней рассказать нам о психическом состоянии остальных членов семьи?

Жерар быстро ответил:

— Кэрол Бойнтон находится в таком же состоянии, что и Раймонд — мятежное настроение, сопровождаемое сильным нервным возбуждением. Ленноке Бойнтон уже прошел стадию протеста. Он погружен в апатию. И ему, как мне кажется, трудно сосредоточиться. Его реакция на все, что его окружает, — уйти в себя. Это — пример человека, замкнутого в своем внутреннем мире.

— А его жена?

— Его жена, несмотря на то, что она очень несчастна, не проявляет никаких признаков психического конфликта. Мне кажется, она на грани принятия какого-то решения.

— Какого?

— Уйти от мужа.

Жерар передал свой разговор с Джефферсоном Коупом.

Пуаро понимающе кивнул.

— А что вы скажете о младшей дочери? Кажется, ее зовут Жиневра?

Жерар грустно сказал:

Ее психика в очень тяжелом состоянии. У нее уже проявляются симптомы шизофрении. Так как она не смогла вынести тяжести окружающей ее обстановки, она убежала от нее в мир фантазии. У нее появилась мания преследования, и она воображает себя принцессой, за которой следят враги. Обычная история.

— Это опасно?

— Очень опасно. Как правило, это приводит к мысли об убийстве. Люди в таком состоянии убивают не из-за потребности убить, а защищаясь от предполагаемых врагов.

убивают, чтобы не быть убитыми. С их точки зрения, они поступают разумно.

— Значит, вы думаете, что Жиневра Бойнтон могла убить свою мать?

— Да. Только я сомневаюсь, чтобы она смогла ее убить этим способом. Хитрость таких больных очень примитивна и очевидна. Более того, я почти уверен, что девушка выбрала [illegible] способ.

— Но, во всяком случае, она попадает под подозрение? — настаивал Пуаро.

— Да.

— А кто [illegible] совершено? Вы считаете, остальные [illegible] знают, кто это сделал?

— Они, [illegible] держались у полковника,— если я [illegible], явно стремящимся что-то скрыть, [illegible].

— Мы не должны [illegible] прямо сказал Пуаро.— Притом не та [illegible] беседе, тогда люди скорее [illegible], и они меньше нервничают. Вы можете один раз солгать, два раза, допустим, даже три, но вы не сможете лгать все время, и таким образом выплывает правда.

— В этом [illegible] Кэрбери и прямо спросил:

— Вы хотите [illegible]? Значит, вы беретесь за это дело?

Пуаро кивнул и сказал:

— Давайте будем [illegible] точны. Как я понимаю, вам нужна правда, и я берусь ее вам предоставить. Но запомните, даже если я и [illegible] правду, у меня, возможно, не будет никаких доказательств. Иными словами, не будет доказательств для судебного разбирательства. Вы на это согласны?

— Вполне,— ответил полковник,— мне нужна правда, а там уже мое дело решать, нужен суд или нет. Во всяком случае, будет ясность... и никакого шума.

Пуаро улыбнулся.

— Еще одно,— сказал Кэрбери,— все надо будет делать очень быстро. Я не могу задерживать этих людей на неопределенное время.

Пуаро спокойно заметил:

— Вам придется задержать их на двадцать четыре часа. Завтра вечером я сообщу правду.

Полковник Кэрбери строго посмотрел на него:

— Не слишком ли вы самоуверенны?

— Я хорошо знаю свои возможности,— спокойно ответил Пуаро.

— Ну что ж,— пробормотал обескураженный полковник,— это ваше дело.

ГЛАВА XIII

Сара Кинг испытующе посмотрела на Эркюля Пуаро. Она увидела яйцеподобную голову, гигантские усы, модный костюм и подозрительно черные волосы. В ее взгляде отразилось сомнение.

— Так как, мадемуазель, вы удовлетворены?

Она покраснела, заметив иронию в его взгляде.

— Прошу прощения,— пробормотала она, чувствуя неловкость.

— Значит, вы меня хорошо рассмотрели?

Сара улыбнулась и сказала:

— Во всяком случае, теп[illegible] ваша очередь.

— Можете быть уверен[illegible] не премину это сделать.

Она снова внимательно посмотрела. Что-то в его тоне ее насторо[illegible]. Пуаро сосредоточенно подкручивал свои усы. Ко[illegible] ей вернулось ее обычное самообладание, она сказ[illegible]:

— Мне кажется, я не совсем понимаю цель этого разговора.

— А разве вам доктор Жерар не объяснил?

Сара нахмурилась.

— Я и его не совсем поняла. Кажется, он думает...

— «Подгнило что-то в Датском государстве...»

Не обратив внимания на Шекспира, она переспросила:

— Так вокруг чего весь этот шум?

— Необходимо знать правду.

— Вы имеете в виду смерть миссис Бойнтон?

— Да.

— Не кажется ли вам, что вы создаете много шума из ничего? Вы смотрите на это с профессиональной точки зрения. Вполне естественно...

Пуаро закончил фразу за нее:

— Вполне естественно, что я вижу преступление везде, где только мне предоставляется такая возможность. Не так ли?

— Да, возможно.

У вас нет никаких сомнений по поводу причины смерти миссис Бойнтон?

Сара пожала плечами.

— Если бы вы сами были в Петре, вы бы поняли, что поездка туда чрезвычайно утомительна и опасна для пожилого человека с плохим сердцем.

— Поэтому случившееся для вас явилось вполне естественным?

— Конечно. И мне не понятна позиция доктора Жерара в этом вопросе. Он ведь даже ничего не знал. Он лежал с приступом малярии. Я очень уважаю его как специалиста, но в данном случае, мне кажется, он не прав. Думаю, что можно произвести вскрытие в Иерусалиме, если власти сомневаются в [illegible] исключении.

Помолчав, [illegible] сказал:

— Мисс К[illegible] факт, о котором доктор Жерар вам ничего не [illegible]

— Что же [illegible]

— Из аптечки [illegible] Жерара пропал дигитоксин.

— Он в этом [illegible] уверен?

Пуаро пожал плечами.

— Вы как врач, мадемуазель, знаете, что медики всегда очень аккуратны с такими сильными средствами.

— Конечно. Об этом нечего и говорить. Но в то время у доктора Жерара был приступ малярии.

— Это так.

— Он догадывается, когда лекарство могло пропасть?

— Он открыл аптечку в тот вечер, когда приехал в Петру. У него очень болела голова, и ему потребовалось что-нибудь от головной боли. Утром он открыл аптечку снова, чтобы убрать лекарство, и почти уверен, что дигитоксин был на месте.

— Вы сказали «почти».

— Да, любой честный человек в таком положении допустит толику сомнения.

Сара кивнула.

— Да, я понимаю. Трудно доверять тем людям, которые чрезвычайно в чем-то уверены. Но, тем не менее, месье Пуаро, улика очень слабая, и мне кажется...

Пуаро снова закончил ее фразу:

— Вам кажется, что, взявшись за это дело, я последовал чьему-то плохому совету.

— Откровенно говоря, да.

Пуаро улыбнулся.

— Эркюль Пуаро играет в детектив, чтобы позабавиться?

— Я не хотела вас обидеть.

— Мадемуазель, вы защищаете семью Бойнтонов?

— Думаю, что да. Они много выстрадали и больше не должны страдать.

— Значит, их мать была тираном, злым гением, и для них лучше, что она умерла?

— Если вы ставите вопрос так, то я с этим вполне согласна.

— А я — нет. Для меня все равно — убит ли святой или монстр. Факт остается фактом. Человека лишили жизни! Я всегда говорю: я не оправдываю убийства.

— Почему вы говорите «убийство»?— Сара глубоко вздохнула.— Что дает вам основание так говорить? У вас очень неубедительные доводы! Доктор Жерар тоже не уверен!

Пуаро спокойно ответил:

— Но существуют другие улики, мадемуазель.

— Какие?— ее голос звучал резко.

— След от инъекции на руке убитой. И кое-что еще — разговор, который я случайно услышал в Иерусалиме своими собственными ушами. Это было поздно вечером, и я подошел к окну, чтобы его закрыть. Я могу все дословно передать. Я услышал, как Раймонд Бойнтон сказал: «Неужели ты не понимаешь, что ее нужно убить».

Пуаро видел, как краска медленно сбежала с лица Сары.

— Вы это слышали?

— Да.

Девушка сидела неподвижно. Наконец она сказала:

— Надо же было именно вам услышать этот разговор!

— Да, такое иногда случается. Теперь вам понятно, почему надо проводить расследование?

— Думаю, вы правы,— согласилась Сара.

— Вы мне поможете в этом?

— Конечно,— бесстрастным тоном ответила она, однако ее глаза смотрели на Пуаро холодно и враждебно.

Пуаро поклонился.

— Благодарю вас, мадемуазель. Теперь я вас попрошу пересказать своими словами, что произошло в тот день.

Сара задумалась.

— Утром я ушла на экскурсию. Бойнтонов с нами не было. Я увидела их только за ленчем. Я обратила тогда

внимание на то, что миссис Бойнтон была в каком-то [illegible] настроении.

[illegible] она [illegible] в другом настроении?

— О, [illegible] сказала Сара.

Затем она рассказала, как миссис Бойнтон отправила [illegible]

— [illegible]?

— [illegible] привязи рядом с собой

— Ее [illegible] проснулись угрызения совести?

— Нет, я не думаю.

— [illegible] объяснить?

— Я [illegible] предположила, что это своего рода игра в кошки-мышки.

— Я не [illegible]

— [illegible] что сначала выпускает мышку [illegible] хватает ее. Поэтому [illegible] Бойнтон. Я решила что она задумала [illegible] какую-нибудь жестокость.

— А что было потом?

— [illegible]

— Она?

— Нет. [illegible] не отпустила. Она велела ей остаться и [illegible]

— Жиневре самой хотелось остаться?

— Нет. Она хотела пойти с остальными, но это не имело никакого значения. Ей приказали, и она повиновалась. Все ушли, и через какое-то время мы с доктором Жераром к ним присоединились.

— В какое время это произошло?

— Около половины четвертого.

— А где находилась миссис Бойнтон?

— Надин, младшая Бойнтон, усадила ее в кресло около пещеры.

— Продолжайте, пожалуйста.

— Мы догнали Бойнтонов и пошли все вместе. Спустя какое-то время доктор Жерар сказал, что ему надо вернуться. У него был совершенно больной вид, и я решила, что у него лихорадка. Когда я предложила его проводить, он отказался и пошел один.

— В котором часу это произошло?

— Около четырех.

— А что делали остальные?

— Мы пошли дальше.

— Вы держались все вместе?

— Сначала — да. Затем мы разделились. Надин Бойнтон и мистер Коп пошли в одну сторону, а Кэрол, Ленноке, Раймонд и я — в другую.

— Вы все время так и шли.

— Нет. Мы с Раймондом присели отдохнуть. Потом он ушел, и я осталась одна. Было уже около половины шестого, когда я взглянула на часы и решила возвращаться. В кемпинг я пришла в шесть часов.

— Когда вы возвращались, вы проходили мимо миссис Бойнтон?

— Нет, я только увидела, что она по-прежнему сидит в своем кресле.

— Вам это не показалось странным?

— Нет. Когда мы приехали, она сидела точно так же.

— Понимаю. Пожалуйста, продолжайте.

— Я пошла к тенту. Все сидели там, за исключением доктора Жерара. Я зашла к себе, умылась и вернулась обратно. Ужин был уже подан, и слуга пошел за миссис Бойнтон. Вскоре он прибежал и сказал, что она заболела. Я выскочила из-за стола и подошла к ней. Она сидела в том же положении, но когда я до нее дотронулась, то поняла, что она мертва.

— И вы не сомневаетесь, что она умерла естественной смертью?

— Ни капельки. Я слышала, что у нее слабое сердце, хотя ни о какой определенной болезни не говорили.

— И вы решили, что она умерла, сидя в своем кресле?

— Да.

— И не позвали никого на помощь?

— Иногда такое случается. Она могла умереть даже во сне. Вполне возможно, она дремала. После ленча почти все в кемпинге пошли отдохнуть и поспать. Ее бы даже никто не услышал, разве что она позвала бы очень громко.

— Как давно она была мертва?

— Не думаю, что с момента смерти прошло больше часа. Хотя . . . Она сидела около сильно нагретых камней — это не давало телу быстро остыть.

— Вы сказали больше часа. А вы знаете, мадемуазель Кинг, что Раймонд Бойнтон разговаривал с ней за полчаса до этого и утверждает, что она была жива?

Не поднимая глаз, она покачала головой.

— Вероятно, он ошибся. Он разговаривал с ней раньше.

— Нет, мадемуазель, он не ошибся.

Она посмотрела на Пуаро в упор, и он снова заметил в ее глазах [illegible].

— Я [illegible] сказала Сара,— у меня нет большого опыта в работе с трупами, но я достаточно знаю, чтобы утверждать, что, когда я обследовала миссис Бойнтон, она уже мертва по крайней мере час.

— Это — ваша версия, и вы будете ее придерживаться?

— Это — правда.

— Тогда объясните мне, пожалуйста, почему мистер Бойнтон [illegible] разговаривал с матерью, если в действительности она была мертва?

— Не [illegible] объяснения. Возможно, они все плохо ориентировались [illegible] времени. Все в этой семье чрезвычайно нервные.

— Мадемуазель, [illegible] с ними говорили?

Нахмурившись, Сара [illegible] помолчала.

— Если откровенно, я разговаривала только с Раймондом Бойнтоном [illegible] и с Кэрол Бойнтон — около мечети Омара и у своей комнаты. На следующее утро у меня был короткий разговор с миссис Леннокс Бойнтон. И только в день смерти миссис Бойнтон мы ушли на прогулку все вместе.

— А с самой миссис Бойнтон вы разговаривали?

Сара вспыхнула.

— Да, я обменялась с ней парой слов в тот день, когда она уезжала из Иерусалима.

Неожиданно она выпалила:

— Я выставила себя набитой дурой!

Пуаро вел допрос настолько оригинально, что, сама не желая того, Сара пересказала ему весь разговор.

Видимо, этот разговор заинтересовал Пуаро.

— Я считаю, что в этом случае важную роль играет склад ума миссис Бойнтон. Вы же являетесь сторонним наблюдателем. Поэтому ваше мнение очень важно.

Сара молчала. Ее до сих пор бросало в жар при одном воспоминании о том разговоре.

— Благодарю вас, мадемуазель. Теперь я хочу поговорить с остальными.

Сара поднялась.

— Извините, месье Пуаро, могу я вас попросить...

— Конечно, конечно. Я вас слушаю.

— Нельзя ли отложить разговор до того времени, как будет сделано вскрытие? Тогда вы будете точно знать, подтвердились ваши предположения или нет.

Пуаро величественно проговорил:

— В этом заключается метод Эркюля Пуаро.

Сжав губы, Сара вышла из комнаты.

ГЛАВА XIV

Подобно трансатлантическому лайнеру, входящему в порт, в комнату вплыла леди Вестхолм. В фарватере семенила мисс Амабель Пиерс.

— Конечно, месье Пуаро,— пророкотала леди Вестхолм,— буду счастлива помочь вам в меру своих возможностей. Я всегда считала, что в делах такого рода гражданский долг каждого члена общества...

Разговор о долге леди Вестхолм грозил затянуться, но Пуаро удалось вставить свой вопрос.

— Я прекрасно помню тот день. Мы с мисс Пиерс сделаем все возможное, чтобы вам помочь.

— О, да, конечно,— почти в экстазе выдохнула мисс Пиерс,— такая трагедия! Умерла в мгновение ока!

— Не могли бы вы уточнить, что произошло?

— Конечно,— покровительственно заявила леди Вестхолм.

— После ленча я решила немного отдохнуть, так как утренняя экскурсия меня утомила. Я не могу сказать, что я чувствовала себя очень усталой — я редко устаю. Честно говоря, мне незнакомо понятие усталости. Когда человек много работает на благо общества, он должен...

Пуаро снова удалось ловко задать вопрос.

— Да, о чем я. Я решила отдохнуть, и мисс Пиерс последовала моему примеру.

— О, да,— снова вздохнула мисс Пиерс,— а я ужасно устала после экскурсии. Такая опасная дорога, правда, довольно интересная. Я, конечно, не такая сильная, как леди Вестхолм...

Пуаро попытался вернуться к разговору:

— Значит, после ленча вы обе пошли в свои палатки?

— Да.

— А миссис Бойнтон сидела у своей пещеры?

— Да, ее невестка помогла ей сесть, до того как уйти.

— Вы обе ее видели?

— Да, — прощебетала мисс Пиерс, — это как раз напротив, правда, немного выше.

Леди Вестхолм уточнила:

— Пещеры расположены на самом уступе, а ниже стоят палатки, за палатками небольшой ручей. На другом берегу — тоже палатки и большой тент, под которым мы обедаем. Палатки мисс Пиерс палатки как раз около тента, а моя — по правую сторону от тента, а моя — с краю. Палатки стоят рядом к уступу, правда, расстояние от всех довольно большое.

— Около двухсот ярдов?

— Вероятно.

— Где-то [illegible], которые я нарисовал с помощью нашего проводника Махмуда.

Леди [illegible] сказала, что он, вероятно, составле неверно [illegible] по-видимому, не [illegible] Я сверила все [illegible] со своим путеводителем. Несколько раз он ошибся.

— Не [illegible] перестанет. — непоколебимо продолжал Пуаро. — [illegible] Бойнтон пещеру занимал ее сын [illegible] Раймонд. Кэрол и Дженевра Бойнтон [illegible] и поднялись как раз под уступом, по [illegible] от тента. Направо от палатки Дженевры [illegible] палатка доктора Жерара, а рядом с ним [illegible] мисс Кинг. С другой стороны налево от тента, [illegible] и мистер Кошь в палатке мисс Пиерс была направо от тента. Правильно?

Леди Вестхолм пришлось признать, что план составлен верно.

— Благодарю вас. Все предельно ясно. Пожалуйста, продолжайте.

Снисходительно улыбнувшись, леди Вестхолм продолжала:

— Приблизительно без четверти четыре я пошла к мисс Пиерс пригласить ее погулять. Она сидела около палатки и читала. Мы договорились отправиться через полчаса, когда солнце уже не будет припекать. Я вернулась к себе и прилегла почитать. Читала я приблизительно минут двадцать пять. Потом я закрыла книжку и пошла за мисс Пиерс. Она была уже готова, и мы отправились. В лагере, казалось, все спали. Никого не было, и когда мы увидели миссис Бойнтон, сидящую в полном одиночестве, я предложила подойти к ней и поинтересоваться, не нужно ли ей чего до того, как мы уйдем.

— Да, да, именно так вы и поступили. Вы необыкновенно внимательны!— воскликнула мисс Пиерс.

— Я считала своим долгом так поступить,— отчеканила леди Вестхолм.

— А она оказалась такой неблагодарной, такой грубой!— возмущенно сказала мисс Пиерс.

Пуаро вопросительно посмотрел на своих собеседниц.

— Наша дорога проходила как раз под уступом,— объяснила леди Вестхолм.— я обратилась к миссис Бойнтон и спросила, не нужна ли ей наша помощь. И вы можете себе представить, месье Пуаро, в ответ она только фыркнула! Она так на нас посмотрела, словно мы грязь у нее под ногами.

— Как ей было не стыдно! — воскликнула мисс Пиерс, покраснев от возмущения.

— Должна признаться,— продолжала леди Вестхолм,— что после этого я допустила бестактное замечание в ее адрес.

— Какое замечание?

— Я сказала мисс Пиерс, что она, вероятно, пьяна. Поистине, ее поведение было очень странным. И не только в тот день. Я думала, что, может быть, всему виной был алкоголь.

Пуаро попытался отвести разговор от проблемы пьянства.

— Разве ее поведение было необычным в тот день? Например, во время ленча?

— Нет,— подумав, сказала леди Вестхолм,— я полагаю, для такого типа американки вполне естественно так себя вести.

— Она была очень груба со слугой,— заметила мисс Пиерс.

— Да, я припоминаю. Он действительно ее очень раздражал. Невыносимо трудно иметь дело со слугами, которые не понимают ни слова по-английски, но, когда путешествуешь, приходится мириться со многими неудобствами.

— А что это был за слуга?— спросил Пуаро.

— Один из тех бедуинов, которые обслуживают туристов в кемпинге. Он подошел к ней и, я думаю, она послала его что-то ей принести, а он, видимо, принес не то. Я не знаю, конечно, о чем шла речь, но она очень на него рассердилась. Бедняга отскочил от нее как ошпаренный, а она даже замахнулась на него палкой и что-то сказала.

— А вы не слышали, что она сказала?

— Нет, мы были слишком далеко. Во всяком случае я не слышала, а вы, мисс Пиерс?

Я тоже не слышала. Я думаю, она велела ему принести что-то из палатки своей младшей дочери, а может быть, она была недовольна тем, что он зашел в палатку. Не могу точно сказать.

— А как он выглядел?

Мисс Пиерс покачала головой.

— Не могу сказать. Это было слишком далеко, притом все арабы [illegible] на одно лицо.

— Он был [illegible] среднего роста,— сказала леди Вестхолм, [illegible] на нем был их национальный убор. Кроме того, [illegible] очень рваные, заплатанные брюки. И вообще он [illegible] был довольно неаккуратный.

— Вы его смогли бы узнать?

— Не думаю. [illegible] было слишком далеко. Пуаро совершенно права: они все очень похожи.

— Интересно,— задумчиво произнес Пуаро,— чем он так рассердил мисс Бойнтон?

— Они действительно временами очень действуют на нервы,— сказала леди Вестхолм.— Один из них, например, забрал мои туфли, хотя я пыталась объяснить ему (жестами, конечно), что свои туфли я чищу сама.

— Я тоже всегда это делаю сам,— с гордостью произнес Пуаро,— и вожу с собой мой сапожный набор и щетку для одежды.

— Совсем как я,— в голосе леди Вестхолм неожиданно появились человеческие интонации.

— Потому что эти арабы не имеют ни малейшего представления, как чистить одежду.

— Вы совершенно правы! А я не переношу грязи,— взгляд леди Вестхолм принял воинственное выражение, и она добавила:

— Эти мухи на базарах! Ужасно!

— Хорошо, хорошо,— голос Пуаро звучал виновато.— Нам необходимо узнать у этого слуги, что нужно было от него мисс Бойнтон. Пожалуйста, продолжайте.

— Затем мы продолжили свою прогулку. Вскоре нам встретился доктор Жерар. У него был очень больной вид, и он еле шел. Я сразу поняла, что у него лихорадка.

— Его всего трясло,— вставила мисс Пиерс.

— Было видно, что у него начинается приступ малярии,— сказала леди Вестхолм.— Я предложила проводить его до палатки и дать хинин, но он сказал, что хинин у него есть и он в состоянии дойти сам.

— Бедненький,— сказала мисс Пиерс,— ужасное зрелище, когда сам врач заболевает.

— Мы пошли дальше,— продолжала леди Вестхолм,— и, наконец, присели отдохнуть.

Мисс Пиерс промурлыкала:

— Я так устала после утренней экскурсии, так устала...

— Я никогда не устаю.— твердо сказала леди Вестхолм.— Просто не было смысла идти дальше. Оттуда открывался великолепный вид.

— Вам был виден весь кемпинг?

— Да, мы смотрели в ту сторону.

— Это была просто сказочная картина,— снова проворковала мисс Пиерс,— наш кемпинг в окружении красных скал...

— Этот кемпинг очень плохо обслуживается,— ноздри леди Вестхолм воинственно раздулись.— я обязательно поставлю этот вопрос перед правительством. Притом я даже не уверена, что они фильтруют и кипятят воду, а это необходимо.

Пуаро кашлянул.

— Кого вы еще видели во время прогулки?

— Мистера Лемюэля Бойнтона и его жену. Они как раз прошли мимо нас, возвращаясь в кемпинг.

— Они шли вместе?

— Нет. Мистер Бойнтон шел впереди, слегка пошатываясь. Было такое впечатление, что у него солнечный удар.

— А что он делал, когда вернулся в лагерь?— спросил Пуаро.

Наконец, мисс Пиерс удалось опередить леди Вестхолм:

— Он подошел к своей матери.

— Сколько времени он пробыл с ней?

— Одну или две минуты.

— Да, немногим больше минуты,— сказала леди Вестхолм.— Затем он пошел к себе, а потом уже спустился к тенту.

— А его жена?

— Она пришла минут пятнадцать спустя. Она задержалась около нас, и мы немного поболтали.

— Она производит очень приятное впечатление, — сказала мисс Пирс.

Она не такая, как все остальные в этой семье, — позволила себе заметить леди Вестхолм.

Вы видели, как она пришла в кемпинг?

[illegible] и поговорила со своей секретаршей. Потом [illegible] в свои пещеры стул и села рядом. Они разговаривали минут десять.

А потом?

Потом она унесла стул обратно и спустилась к тенту, там уже сидел ее муж.

Что случилось потом?

[illegible] от скучающих американцев. [illegible] Он сказал, что немного дальше [illegible] руины древних сооружений, и мы пошли их смотреть.

Это [illegible] — спросила мисс Пирс.

В [illegible] Это было приблизительно без двадцати шесть.

И [illegible] сидела там, где вы ее видели в последний раз?

— Да.

Вы [illegible]?

Нет. Пр[illegible] не обратила на нее особого внимания.

— А что вы делали потом?

— Я пошла к себе в палатку, переобула туфли и, прихватив пакетик моего любимого чая, пошла к тенту. Там я попросила приготовить чай для себя и мисс Пирс и проследить, чтобы вода все-таки закипела. До ужина оставалось полчаса, и слуги уже накрывали на стол.

— Кто еще был под тентом?

— Там были мистер и миссис Бойнтон и Кэрол Бойнтон.

— А мистер Коул?

Леди Вестхолм кашлянула.

— Мне кажется, он уже становится надоедливым. Иногда очень трудно держать людей на дистанции, особенно когда путешествуешь. В большинстве случаев к таким людям относятся американцы.

Пуаро улыбнулся.

— Я уверен, это для вас не составляет трудностей.

— Да, думаю, что смогу найти выход из любой ситуации, — самодовольно произнесла леди Вестхолм. Ирония Пуаро от нее совершенно ускользнула.

— Что произошло потом?

— Насколько я помню, вскоре пришел Раймонд Бойнтон и эта рыжеволосая девочка. Последней была мисс Кинг. Когда подали ужин, один из слуг пошел пригласить к столу миссис Бойнтон. Он вернулся очень взволнованным и стал что-то объяснять проводнику по-арабски. Я слышала упоминание имени миссис Бойнтон и то, что она заболела. Мисс Кинг вызвалась пойти к ней. Вместе с проводником они направились к миссис Бойнтон, но очень скоро вернулись и сообщили, что миссис Бойнтон умерла.

— Как эту новость восприняла семья Бойнтон?

Казалось, обе дамы [illegible] на секунду. Наконец леди Вестхолм произнесла:

— Трудно сказать. Они [illegible] совершенно спокойны. — В голосе леди Вестхолм уже не было прежней самоуверенности.

— Огорошены! — [illegible] Пиерс. Но это прозвучало как предположение.

— Потом все они [illegible] мисс Кинг, — продолжала леди Вестхолм, [illegible] и мисс Пиерс. Я ненавижу вульгарное любопытство.

Пуаро заметил, как [illegible] мисс Пиерс посмотрела на леди Вестхолм.

— Позднее, — сказала в [illegible] леди Вестхолм, — когда вернулись мисс Кинг и проводник, я приказала подать ужин только нам четверым, чтобы Бойнтоны смогли потом спокойно поужинать без чужих глаз. Сразу после ужина я пошла в свою палатку. Мисс Кинг и мисс Пиерс последовали моему примеру. Мистер Коул остался на месте. Я думаю, он хотел дождаться Бойнтонов и предложить им свою помощь. Вот все, что я знаю.

Когда мисс Кинг сообщила семье Бойнтонов эту новость, они пошли с ней все?

Да, то есть, нет. Осталась только рыжеволосая девочка. Вы помните, мисс Пиерс?

— Да, я это очень хорошо помню.

— И что она делала? — спросил Пуаро.

Леди Вестхолм удивленно на него посмотрела.

Что вы имеете в виду? Насколько я помню, она не делала ничего.

— Я имею в виду, что она, может быть, напилась или ...ла? Была ли ...нована? Что-нибудь говорила?

Леди Вестхолм нахмурилась.

— Она... она, насколько я помню, она просто сидела... Она выкручивала себе пальцы,— неожиданно вмешалась мисс Пиерс,— я это очень хорошо помню. Мне ее ... бедняжка, как она пережи... Ничего не было заметно... Она... мисс Пиерс,— я помню, как точно так же. не сознавая, что делаю, я порвала деньги. Тогда я очень волновалась: успею ли на поезд ли нет. У меня серьезно ... я очень волновалась, поэтому вместо телеграммы я порвала деньги.

Явно не одобряя вмешательства мисс Пиерс, леди Вестхолм х...

— Я могу опять еще чем-нибудь полезна вам, месье Пуаро?

Слова леди Вестхолм вывели Пуаро из задумчивости.

— Благодарю вас, мадам, вы очень щедры.

— У меня прекрасная память,— с достоинством произнесла леди Вестхолм.

— У меня к вам просьба, леди Вестхолм,— сказал Пуаро. — Не... продолжайте сидеть так, как вы сидите и не ... А сейчас, пожалуйста, опишите, во что одета мисс Пиерс. Вы не возражаете, мисс Пиерс?

— Нет-нет, пожалуйста,— пробормотала мисс Пиерс.

Леди Вестхолм пожала плечами и сказала с гримасой:

— На мисс Пиерс полотняное платье в белую и коричневую полоску и кожаный пояс из красных, белых и бежевых полос, шелковые чулки и туфли со шнуровкой. На левом чулке спущена петля. Она носит бусы из сердолика и брошь с жемчугом. На третьем пальце правой руки у нее кольцо с фальшивым скарабеем. На голове коричневая фетровая шляпа.— Помолчав, она холодно спросила: — Мне продолжать?

Пуаро развел руками.

— Я выражаю вам свое восхищение, мадам. Ваша наблюдательность выше всяких похвал.

— Я редко упускаю детали.

Леди Вестхолм поднялась с величественным видом и, кивнув головой, вышла из комнаты. Когда мисс Пиерс поднялась, чтобы последовать за ней, Пуаро сказал:

— Одну минуту, мадемуазель.

— Я вас слушаю,— мисс Пиерс подняла на него глаза.

Наклонившись, Пуаро спросил:

— Вы видите этот букет на столе?

— Да,— опешив, ответила мисс Пиерс.

— Вы заметили, когда вы вошли, я чихал?

— Да.

— А вы не заметили случайно, я эти цветы нюхал?

— Нет. Пожалуй, нет. Я не знаю.

— Но вы помните, что я чихал?

— О да, это я хорошо запомнила.

— Ах так! Впрочем это не имеет значения. Я просто боюсь сенной лихорадки.

— Сенная лихорадка!— воскликнула в ужасе мисс Пиерс.— Я помню, как страдала от нее моя кузина. Она всегда говорила, если ежедневно промывать нос раствором борной кислоты . . .

С большим трудом Пуаро удалось отделаться от мисс Пиерс. Он закрыл за ней дверь и произнес, удивленно подняв брови:

— Но я не чихал. Нет, я не чихал.

ГЛАВА XV

Леннокс Бойнтон вошел в комнату с решительным видом. Будь здесь доктор Жерар, он бы удивился перемене, произшедшей с этим человеком. Апатия исчезла. Движения были энергичными, хотя в них проглядывала нервозность.

— Доброе утро, мистер Бойнтон,— Пуаро встал и церемонно поклонился,— я счастлив, что вы согласились со мной побеседовать.

Леннокс неуверенно проговорил:

— Полковник Кэрбери посоветовал мне . . . он сказал, что кое-какие формальности . . .

— Пожалуйста, садитесь.

Леннокс сел на стул, на котором совсем недавно сидела леди Вестхолм.

— Для вас, я понимаю, это было большим ударом.

— Да, конечно. Впрочем . . . Возможно — нет. Мы знали, что у матери плохое сердце.

— Почему же вы тогда позволили ей предпринять такое рискованное путешествие?

...ынул голову и сказал с каким-то ...ским достоинством:

...мать, месье Пуаро, решила все сама. И переубе...ить ее было невозможно.

...но,— сказал Пуаро, — что иногда пожи...умирает, всегда возникают ...

— Я, ...ю, не говорю?— раздраженно сказал Леноркс.— Зачем все эти формальности?

...ы не в курсе того, что, когда человек ...умирает, всегда возникают ...

...ли вам знаком термин «необъясни...мое?— резко спросил Леноркс.

...ли смерть естественной или ...

— Самоубийство? — спросил пораженный Леноркс.

— Вы, ... Карбери ... Все ... должен точно ... Но как я ... или ... сказал, ... он ... советом. Естественно, он не хочет ... неудобства ...

— Я немедленно свяжусь с нашим консулом в Иерусалиме, — ... Леноркс.

Пуаро заметил:

— Разумеется, это ... право.

Наступило ... Затем Пуаро сказал:

— Если вы не хотите отвечать на мои вопросы ...

Леноркс быстро прервал его:

— Совсем нет. Просто я не думаю, что это необходимо. Я вас прекрасно понимаю. Но все значительно проще, чем вы себе представляете. Считайте это простой формальностью. Итак, начнем с того, что в день смерти вашей матери после ленча вы пошли на прогулку.

— Да. Пошли все, кроме моей матери и младшей сестры.

— Ваша мать сидела около своей пещеры?

— Да, рядом с выходом. Она сидела там каждый день.

— Когда вы вышли из кемпинга?

— Вскоре после трех.

— А когда вы вернулись?

— Я не могу точно сказать. Может, это было в четыре, а может, в пять часов.

— То есть через час или два после того, как вы ушли?

— Да, я думаю, около этого.

— Вы кого-нибудь встретили, когда шли обратно?

— Я не совсем вас понял.

— Вы видели двух дам, когда возвращались?

— Да, кажется, видел.

— Вы, видимо, были очень заняты своими мыслями?

— Да, вы правы.

— А когда вы вернулись, вы разговаривали с матерью?

— Да-да, говорил.

— Она не пожаловалась на свое самочувствие?

— Нет.

— Могу я узнать, о чем у вас был разговор?

— Она сказала, что я рано вернулся. Я ответил — да.

Леннокс замолчал, собираясь с мыслями. Затем продолжал:

— Я сказал, что очень рано. Она спросила меня, сколько времени, и сказала, что ее часы остановились. Я снял их у нее с руки, [illegible] и снова ей надел.

Пуаро чтото его покрас[illegible]

И сколько было времени?

— Что?

— Сколько было времени, когда вы заводили часы?

— Ах, да. Было без двадцати пяти пять.

— Значит, вы знаете, когда вернулись в кемпинг?

Леннокс покраснел.

— Какой же я дурак! Извините меня, месье Пуаро. У меня что-то с головой.

— Ничего страшного не произошло. Я вас прекрасно понимаю. Это все из-за вашего теперешнего состояния. Ну, а что произошло потом?

— Я спросил ее, не хочет ли она выпить кофе или чая. Она ответила, что не хочет. Потом я пошел к тенту. Там не было никого из слуг, но я сам нашел содовую воду и попил. Меня мучила жажда. Затем я сел почитать газету.

— Ваша жена присоединилась к вам позже?

— Да, она пришла немного погодя.

— Больше вы не видели вашу мать живой?

— Нет.

— Она вам не показалась огорченной или возбужденной, когда вы с ней говорили?

— Нет, она вела себя как всегда.

Она вам ничего не рассказала о каком-нибудь недоразумении со слугами?

Ленноке удивленно посмотрел на Пуаро.

— Нет.

— Это все, что вы мне можете сказать?

— Боюсь, что да.

— Благодарю вас, мистер Ленноке,— Пуаро наклонил голову в знак того, что разговор окончен.

По выражению Ленноке не было видно, что он торопится уходить. Помедлив у двери, он сказал:

— Это все?

— Да. Если вас не затруднит, попросите сюда вашу жену.

Кивнув, [illegible] закрыл за собой дверь. Пуаро взял блокнот и [illegible] Ленноке Бойнтон. 4.35.

ГЛАВА XVI

Пуаро [illegible] на высокую, полную достоинства [illegible], которая вошла к нему в кабинет. Он встал и учтиво поклонился.

— Миссис Ленноке Бойнтон.

— Эркюль Пуаро.

— К вашим услугам. Надин Бойнтон села. Ее задумчивые глаза были устремлены на Пуаро.

— Надеюсь, мадам, вы простите мое вмешательство — у вас такое горе — но мне необходимо поговорить с вами.

Она продолжала смотреть ему прямо в глаза.

— Я думаю, мне лучше быть с вами абсолютно откровенной, месье Пуаро.

— Вполне с вами согласен, мадам.

— Вы только что извинились за вмешательство. Я не испытываю никакого горя и не хочу притворяться. Я никогда не любила свою свекровь и, могу честно сказать, не горюю по поводу ее смерти.

— Благодарю вас, мадам, за ваш честный ответ.

Надин продолжала:

— Хотя я не горюю, я испытываю угрызения совести.

— Угрызения совести?— переспросил с удивлением Пуаро.

— Да. Потому что причиной ее смерти явилась я, в чем горько раскаиваюсь.

— Почему вы так говорите, мадам?

— Я думала, что поступаю честно и открыто, а в результате произошло несчастье. Я виню себя в ее смерти.

Откинувшись на спинку кресла, Пуаро попросил:

— Прошу вас, мадам, объясните мне, пожалуйста, что вы имеете в виду?

Надин наклонила голову.

— Я именно это и хочу сделать. Сначала я решила не посвящать никого в свои личные дела, но сейчас я считаю, мне будет лучше вам обо всем рассказать. Думаю, что вам признавались и в более интимных подробностях.

— Вне всякого сомнения.

— Тогда я вам расскажу, что произошло. Мое замужество нельзя назвать счастливым. Но особенно винить за это моего мужа нельзя. Всему виной была его мать и ее влияние. Очень скоро я поняла, что моя жизнь становится невыносимой. В тот злополучный день я пришла к определенному решению. У меня есть очень хороший друг. Он уже несколько раз делал мне предложение, и как раз в день смерти моей свекрови я дала согласие.

— Вы решили уйти от мужа?

— Да.

— Продолжайте, мадам.

Надин тихо сказала:

Придя к какому бы то ни было решению, я всегда стараюсь осуществить его как можно скорее. В кемпинг я пошла одна. Моя свекровь сидела у пещеры, вокруг никого не было и я решила ей все сказать. Я взяла стул, села рядом и сказала ей о своем решении.

— Она была удивлена?

— Да. Я боюсь, это был для нее сильный удар. Она одновременно и удивилась, и пришла в ярость. Она сама довела себя до исступления. В конце концов я отказалась говорить на эту тему, встала и ушла.

Ее голос задрожал.

— Больше я ее живой не видела.

Пуаро покачал головой.

— Я понимаю, вы считаете, что причиной ее смерти был ваш разговор?

— Да, я так считаю. Она перенапряглась в этой поездке, а мой разговор усугубил положение. Моя вина еще и в том, что я, понимая лучше других возможность такого исхода, не смогла сдержаться.

— А что вы делали потом?

... и пошла к тебе. Мой муж уже был ...

Задала следующий вопрос. Пуаро внимательно посмотрел на нее.

— Когда вы сказали мужу о своем решении?

Помедлив. Надин ответила:

— Как только я к нему подошла.

— И как он это воспринял?

— Он очень был огорчен,— спокойно ответила Надин.

— Он просил вас пересмотреть ваше решение?

Она [illegible].

— Он просил меня не оставлять. Дело в том, что мы оба давно ждали [illegible].

Пуаро спросил:

— Вы [illegible] Лейберсон Кейн?

Она кивнула.

— Да.

Наступила [illegible]. Вдруг Пуаро спросил:

— У вас [illegible]?

— Да, но [illegible]...

Пуаро [illegible]. Она объяснила:

— У меня есть [illegible] ширит, но он остался в багаже в Иерусалиме.

— Понимаю.

— А почему вы меня об этом спросили?— в голосе Надин звучала тревога.

Не ответив на заданный вопрос, Пуаро снова спросил:

— Насколько я знаю, миссис Бойнтон принимала микстуру, содержащую дигиталис?

— Да.

— Она принимала его при сердечных приступах?

— Да.

— Этот препарат в какой-то степени накапливается в организме?

— Думаю, что да. Я плохо знаю его свойства.

— А если бы миссис Бойнтон приняла слишком большую дозу дигиталиса . . .

Она решительно прервала его:

— Это невозможно! Она была очень осторожна. Я тоже очень тщательно отмеряла дозу.

— А возможность ошибки при составлении микстуры провизором вы не допускаете?

— Нет.

Ну что ж. Посмотрим результаты анализа.

К сожалению, пузырек с этим лекарством разбился.

Пуаро внимательно на нее посмотрел.

Досадно. А кто это сделал?

– Я не знаю. Вероятно, кто-то из слуг. Когда тело выносили в пещеру, опрокинули столик, где стояли лекарства.

Это очень интересно, – медленно произнес Пуаро, не спуская с Надин взгляда, от которого она поежилась.

– Вы думаете, моя свекровь умерла от приема слишком большой дозы дигиталиса, а не от потрясения? Но этого не может быть.

Пуаро нахмурился.

Даже если я вам скажу, что у доктора Жерара пропал из его аптечки дигитоксин?

Побледнев и опустив [illegible] она стиснула руки.

– Так что вы мне на это скажете, мадам?

Прошло несколько мгновений, прежде чем она подняла глаза. Ее взгляд привел Пуаро в [illegible] ство.

– Месье Пуаро, я не [illegible] свою свекровь. И вы это прекрасно знаете. Когда я [illegible] уходила, она была жива. Многие могут это подтвердить. И поскольку я к этому непричастна, я хочу вас спросить: зачем вы вмешиваетесь? Если я поклянусь своей [illegible] что случившееся позволило восторжествовать справедливости, неужели вы не откажетесь от разбирательства? Вы знаете, уже слишком много было страданий. А теперь наконец наступило спокойствие и мир, появилась надежда на счастье. Неужели вы хотите погубить эту надежду?

Пуаро выпрямился в своем кресле.

— Позвольте мне вас спросить, мадам. Что вы от меня хотите?

— Я вам говорю, что моя свекровь умерла естественной смертью, и я хочу, чтобы вы согласились с этой версией.

– Давайте говорить откровенно. Вы уверены, что вашу свекровь убили, и вы просите, чтобы я посмотрел сквозь пальцы на убийство!

— Я вас умоляю проявить сострадание, сжальтесь!

— Пожалеть того, у кого этой жалости не было!

— Вы меня не понимаете. Я не это имела в виду.

— [illegible] совершили это преступление, мадам. Вы [illegible] хорошо осведомлены.

— Нет,— спокойно сказала Надин,— когда я уходила, она была жива.

— Тогда в чем же дело? Вы знаете, или вы подозреваете?

Надин [illegible] сказала:

— Я [illegible], месье Пуаро, что однажды, когда вы расследовали убийство в восточном экспрессе, вы согласились с [illegible] мнением.

Пуаро [illegible] на нее посмотрел.

— [illegible], что вам это сказал?

— Это [illegible]

Он м[illegible]

— [illegible] беспощадный.

— Нет. Ч[illegible] того убили, творил зло,— ее голос задрожал, [illegible] и она.

Пуаро [illegible]

— Мора[illegible] человека не имеют в данном случае значения. Че[illegible], который взял на себя право судить другого и [illegible] его жизни, опасен для общества.

— Вы беспощадны!

— Мадам, в некоторых вопросах я непреклонен, и никогда не смогу смириться с убийством. Это мое последнее слово.

Она встала. Ее глаза горели. На щеках выступили красные пятна.

— Ну что ж. Продолжайте ваше расследование. Разрушайте счастье невинных. Приносите горе и несчастье в их жизнь. Мне больше вам нечего сказать.

— А мне кажется, вы еще многое можете сказать, мадам.

— Нет. Больше ничего.

— А что, например, произошло после того, как вы расстались с вашей свекровью? Тогда, когда вы с мужем были под тентом вдвоем?

Она пожала плечами.

— Откуда мне знать?

— Нет, мадам, вы знаете или догадываетесь.

Она посмотрела ему прямо в глаза и твердо произнесла:

— Я ничего не знаю, месье Пуаро.

С этими словами она резко повернулась и вышла из кабинета.

ГЛАВА XVII

Записав в своем блокноте: Надин Бойнтон 4.40, Пуаро попросил пригласить к нему Кэрол. Когда девушка вошла, он с интересом на нее посмотрел: каштановые волосы, красивая посадка головы на длинной шее, энергичные, хотя и немного нервные, движения рук.

— Садитесь, мадемуазель.

Она поспешно села. Ее лицо ничего не выражало.

— Не могли бы вы, мадемуазель, рассказать мне, как вы провели тот злополучный день. Меня интересует время после ленча.

Она начала говорить очень быстро и гладко, и у Пуаро создалось впечатление, что ее ответ был заранее подготовлен.

— После ленча мы все пошли на прогулку. Я вернулась в кемпинг . . .

Пуаро ее прервал.

— Подождите минутку. А до возвращения вы были все вместе?

— Нет. Я была со своим братом Раймондом и мисс Кинг. Вернулась я одна.

— Благодарю вас. Вы сказали, что вернулись в лагерь. А во сколько приблизительно это было?

— Думаю, что это было десять минут шестого.

Пуаро записал: 5.10.

— А потом?

— Моя мачеха все еще сидела там, где мы ее оставили, когда уходили на прогулку. Я поговорила с ней и пошла в свою палатку.

— Вы не можете припомнить, о чем вы говорилли?

— Я сказала, что очень жарко, и я хочу полежать. Мачеха ответила, что предпочитает сидеть здесь. Вот и все.

— Вас ничто в ее наружности не насторожило?

— Вроде нет, хотя . . .— она вопросительно посмотрела на Пуаро.

— Мадемуазель, от меня ответа вы получить не можете,— спокойно сказал Пуаро.

Она покраснела и опустила глаза.

— Я сейчас думаю, что тогда я не придала этому значения, но сейчас, вспоминаю . . .

— Что?

— У нее было очень красное лицо.

Возможно, это был след какого-то нервного потрясения?

— Нервное потрясение?— она удивленно посмотрела на него.

— Да. Например, не мог разбросать какой-нибудь слуга-араб?

— О! Это вполне возможно.— Ее лицо прояснилось.

— Она вам ничего об этом не сказала?

— Нет... Ничего.

— А потом что вы делали, мадемуазель?

— Я [illegible] полежала, около получаса. Затем я [illegible] мои брат с женой. Они сидели и читали.

— А потом что вы делали?

— Мне надо было [illegible] написать, и еще я хотела почитать [illegible].

— А [illegible] вы подходили к своей мачехе?

— Нет... Я [illegible] в ее сторону.

— Ну, а потом?

— Я все время [illegible] тентом. До того момента, когда мне [illegible] сообщили, что мачеха умерла.

— Это все, что вы знаете, мадемуазель?

— Да.

Пуаро слегка наклонился вперед.

— Мадемуазель, что вы тогда почувствовали?

— Когда?

— Тогда, когда вы узнали о смерти мачехи?

Кэрол пристально на него посмотрела.

— Не понимаю, что вы имеете в виду?

— Вы меня прекрасно понимаете.

Она неуверенно сказала:

— Это было потрясение.

— Неужели?

Лицо Кэрол покрылось ярким румянцем, она взглянула на Пуаро, и в глазах ее промелькнул страх.

— Неужели это для вас было таким сильным потрясением, мадемуазель? Разве вы не помните разговор с вашим братом в Иерусалиме, в номере отеля.

Удар попал в цель. Он увидел, как кровь отлила от лица девушки.

— Вы знаете об этом разговоре?— едва слышно прошептала она.

— Да, знаю.

— Но откуда?

— Я слышал часть разговора.

— Боже мой,— уронив голову на стол, Кэрол горько разрыдалась.

Подождав немного, Пуаро спокойно сказал:

— Вы вдвоем решали, как убить свою мачеху.

Сквозь рыдания Кэрол воскликнула:

— В тот вечер мы были просто сумасшедшими.

— Возможно.

— Вам не понять, в каком состоянии мы были.

Она выпрямилась и отбросила волосы со лба.

— Вам это покажется диким. Но дома наша жизнь не казалась нам такой ужасной. Мы это осознали только во время путешествия.

— Что вы осознали?

— Что мы не такие, как все. И пришли в отчаяние. А тут еще Джинни.

— Джинни?

— Да. Это моя сестра. Вы ее не видели. Она стала какой-то странной. А мачеха усугубляла это состояние. Создавалось впечатление, что она не понимает, что говорит. Мы с Раймондом [illegible] что Джинни совсем лишится рассудка, и мачеха, [illegible] Нагни опасается того же.

— Да.

— В тот вечер в [illegible] Раймонд был вне себя. Мы оба были взвинчены, и нам казалось, что мы имеем право планировать... Мачеха казалась нам ненормальной. Я не знаю, сможете ли вы понять, но иногда человеку может показаться, что он поступит совершенно правильно, если кого-то убьет.

Пуаро кивнул.

— Я знаю, что некоторые так считали. Такие случаи известны истории.

— В ту ночь мы с Раймондом были именно в таком состоянии. Но мы этого не сделали. Утром нам все представилось совсем в ином свете. В самом деле, месье Пуаро, мачеха умерла от сердечного приступа. И мы с Раймондом к этому непричастны.

Пуаро спокойно спросил:

— Вы можете мне поклясться, мадемуазель, что вы не виноваты в смерти миссис Бойнтон?

Она подняла голову и сказала, глядя прямо в глаза Пуаро:

— [illegible] что не причинила ей никакого зла.

Поглаживая свои роскошные усы, Пуаро спросил:

— А что вы собирались предпринять? Каков был ваш план?

— План?

— Да. Ведь у вас с братом был какой-то план?

— У нас не было плана,— сказала наконец Кэрол.

— На [illegible], пожалуйста. Будьте любезны, пригласите ко мне вашего брата.

Кэрол [illegible] время она стояла в нерешительности.

— Месье Пуаро, вы мне верите?

— А разве я сказал, что не верю?

— Нет, [illegible]

— Так вы позовете вашего брата?

— Да.

Она медленно направилась к выходу. В дверях она задержалась и, [illegible] повернувшись к Пуаро, горячо воскликнула:

— Я сказала вам истинную правду!

Пуаро ничего не ответил, и тогда Кэрол Бойнтон медленно вышла из кабинета.

ГЛАВА XVIII

Как только Раймонд вошел в кабинет, Пуаро сразу заметил поразительное сходство между братом и сестрой. Лицо Бойнтона было суровым и решительным. Он спокойно сел и посмотрел на Пуаро.

— Ваша сестра говорила с вами?— спросил Пуаро.

— Да,— Раймонд кивнул головой,— конечно, я понимаю, что ваши подозрения оправданны. Если наш разговор был подслушан, скоропостижная смерть моей мачехи, естественно, вызывает подозрение. Я могу только заверить вас, что тот разговор был ночным кошмаром. Мы тогда были в ужасном состоянии. И этот фантастический план убийства дал нам возможность, грубо говоря, выпустить пар.

Эркюль Пуаро кивнул.

— Это вполне возможно.

— Утром весь этот план показался нам абсурдом. Я клянусь вам, месье Пуаро, я больше никогда не возвращался к этой мысли.

Пуаро ничего не ответил.

Раймонд быстро продолжал:

— Я понимаю, что это легко сказать и не надеюсь, что вы мне можете поверить на слово. Но посмотрите на факты. Я говорил с мачехой незадолго до шести. Она была жива. Я пошел к себе в палатку, умылся и присоединился к остальным. С этого момента мы с Кэрол никуда не отлучались. Это могут подтвердить все. Вы должны понять, месье Пуаро, что смерть моей мачехи была естественной.

— Вы знаете, месье Бойнтон,— спокойно сказал Пуаро,— что мисс Кинг, когда осматривала тело в половине седьмого, установила, что смерть миссис Бойнтон произошла по крайней мере полтора-два часа назад.

Раймонд изумленно на него посмотрел. У него был ошеломленный вид.

— Так сказала Сара?— выдохнул он.

Пуаро кивнул.

— Ну, что теперь скажете вы?

— Но . . . но это невозможно!

— Таковы показания мисс Кинг. А вы приходите и говорите, что она была жива за сорок минут до того, как мисс Кинг осматривала тело.

— Но она была жива!— повторил Раймонд.

— Будьте осторожны, месье Бойнтон.

— Сара ошиблась! Видимо, она упустила из виду какое-то обстоятельство . . .

Лицо Пуаро было бесстрастным.

— Месье Пуаро, я понимаю, что вы об этом думаете, но посмотрите на вещи беспристрастно. У вас выработалось определенное предубеждение. Вы привыкли жить в атмосфере преступлений. Каждая скоропостижная смерть вызывает у вас подозрение. Но люди умирают каждый день — особенно люди с плохим сердцем.

Пуаро вздохнул.

— Кажется, вы собираетесь меня учить, как вести следствие?

— Нет, конечно, нет. Но мне кажется, что после услышанного разговора, вы ко всему относитесь с предубеждением. В смерти моей мачехи нет ничего, что вызвало бы подозрения, за исключением того злосчастного разговора.

Пуаро покачал головой.

— Вы ошибаетесь,— сказал он,— есть кое-что еще: украденный у доктора Жерара яд.

— Яд?— Раймонд удивленно посмотрел на Пуаро.— Яд?—повторил он.— Вы подозреваете отравление?

Помолчав, Пуаро спокойно, почти индифферентно сказал:

— У вас был иной план?

— Да.

— А каков был ваш план?

— Наш план? Мы решили . . .— Раймонд замолчал,— я больше ничего не скажу.

Он резко поднялся.

— Как вам угодно.

Пуаро проводил его взглядом. Когда за Раймондом закрылась дверь, он подвинул к себе блокнот и записал: Раймонд Бойнтон 5.55. Затем, достав большой лист бумаги, стал переносить [illegible] записи из блокнота. Наконец Пуаро откинулся на спинку стула и внимательно перечитал написанное:

Бойнтон и Джефферсон Копп вышли из кемпинга	3.05
Доктор Жерар и Сара Кинг вышли из кемпинга	3.15
Леди Вестхолм и мисс Пирс вышли из кемпинга	4.15
Доктор Жерар возвращается в кемпинг	4.20
Леннокс Бойнтон возвращается в кемпинг	4.35
Надин Бойнтон возвращается в кемпинг и разговаривает с миссис Бойнтон	4.40
Надин Бойнтон отходит от свекрови и идет к тенту	4.50
Кэрол Бойнтон возвращается в кемпинг	5.10
Леди Вестхолм, мисс Пирс и мистер Копп возвращаются в кемпинг	5.40
Раймонд Бойнтон возвращается в кемпинг	5.50
Сара Кинг возвращается в кемпинг	6.00
Обнаружено тело	6.30

Пуаро аккуратно сложил лист, положил в карман и, открыв дверь, попросил пригласить Махмуда.

Толстый проводник оказался очень словоохотливым. Слова сыпались из него, как из дырявого мешка.

— Меня всегда обвиняют. Что бы ни случилось, виноват Махмуд. Я очень несчастный.

Пуаро с трудом удалось задать вопрос.

— Вы говорите, в половине шестого? Нет, в это время слуг в кемпинге не было видно. Ленч — поздно, в два часа. Затем все убираем. После ленча все спят. Да, американцы

чай не пьют. Мы все идем спать в половине четвертого. В пять часов я пошел приготовить чай, потому что английские леди всегда пьют чай. Но там никого не было. Они все ушли гулять. Для меня это очень хорошо, спокойно. Я пошел опять спать. Без пятнадцати шесть эта большая английская леди, очень важная леди, возвращается и хочет чай, хотя слуги готовятся к обеду. Начинается ругань. Говорит, что вода должна кипеть, и я должен за этим следить сам. Что за жизнь! За все меня ругают.

Пуаро резко оборвал его:

— На кого из слуг сердилась та леди, которая умерла? И почему она сердилась?

Махмуд развел руками.

— Откуда мне знать. Я ни о чем не знаю. Мне она не жаловалась.

— Вы могли бы узнать?

— Нет, господин. Это невозможно. Никто из слуг сейчас уже не признается. Вы сказали, что старая леди рассердилась? Тогда никто не скажет. Абдул скажет — это Махомет, а Махомет скажет — это Азиз. Они очень глупые.

Отделавшись от провокатора, Пуаро зашел в кабинет полковника Кэрбери.

— Узнали что-нибудь?

Пуаро сел.

— Хотите выслушать мою теорию?

— Давайте,— полковник тяжело вздохнул.

— Моя теория заключается в том, что криминология — это самая легкая наука в мире. Надо только заставить преступника говорить, и тогда он рано или поздно проговорится.

— Помню, вы мне уже говорили что-то в этом роде. Ну, и кто из них вам рассказал что-нибудь интересное?

— Каждый понемногу,— и Пуаро вкратце передал полковнику все, что он услышал за сегодняшнее утро.

— Какие у вас предположения?

— Пока никаких.

Полковник снова вздохнул.

— Вечером вы будете знать всю правду?

— Я помню обещание, но должен признаться, я на это не очень надеюсь.

— Я совершенно в этом уверен,— с этими словами Пуаро положил перед полковником свои записи.

— Чистая работа,— одобрительно заметил Кэрбери.— Вы знаете, что я думаю?

— Буду счастлив, если вы мне скажете.

— Молодой Бойнтон к этому не причастен.

— Вы так думаете?

— Да. Я в этом убежден. Мы могли бы это и раньше вычислить. В любом детективе человек, против которого выдвигается слишком много улик, обычно бывает непричастным к преступлению. Уже с того момента, когда вы услышали, что он собирается отделаться от своей мачехи, было ясно, что убийца не он.

— Вы читаете детективы?

— О да! Я прочитал их неимоверное количество,— сказал полковник с видом провинившегося школьника.— Не могли бы вы, месье Пуаро, перечислить все важные факты, как это обычно делается в детективах?

— Я вас понимаю,— добродушно улыбаясь, сказал Пуаро,— я это для вас сделаю с большим удовольствием.

Он взял лист бумаги и начал быстро писать.

1. Миссис Бойнтон принимала микстуру, содержащую дигиталис.

2. У доктора Жерара пропал шприц.

3. Миссис Бойнтон доставляло удовольствие не давать детям общаться с другими людьми.

4. Миссис Бойнтон отправила свою семью на прогулку именно в этот день.

5. Миссис Бойнтон — моральный садист.

6. Расстояние от тента до того места, где сидела миссис Бойнтон, около 200 ярдов.

7. Мистер Леннокс Бойнтон сначала заявил, что он не помнит, в какое время вернулся в лагерь, а затем назвал точное время, вспомнив, что заводил часы своей мачехи.

8. Доктор Жерар и Жиневра Бойнтон занимали соседние палатки.

9. В 6.30 направили слугу позвать миссис Бойнтон ужинать.

Полковник прочел написанное с большим удовольствием.

— Это то, что надо! Хотя мне кажется, вы кое-что упустили. Но, видимо, вы сделали это с определенной целью.

Глаза Пуаро блеснули, но он ничего не ответил.

— Дальше,— продолжал Кэрбери,— вы написали, что у доктора Жерара пропал шприц. Но ведь у него также пропал и раствор дигитоксина.

— Вторая пропажа не имеет столь важного значения по сравнению с пропажей шприца.

— Великолепно!— полковник сиял.— Тогда я ничего не понимаю! Мне показалось, что самое важное в этом случае — это пропажа лекарства. А что вы можете сказать по поводу того, что она рассердилась на какого-то слугу и даже замахнулась на него палкой? Не можете же вы утверждать, что ее прикончил один из этих бедных бедуинов?— полковник строго посмотрел на Пуаро.

Пуаро улыбнулся, но снова промолчал.

ГЛАВА XIX

Сара Кинг сидела на пригорке, перебирая только что сорванные цветы. Рядом с ней расположился доктор Жерар.

— Зачем вы заварили всю эту кашу,— с яростью выпалила она.

— А вы считаете, я должен был молчать?

— Да. Вы ведь ничего не знаете!

— Возможно, я не знаю всего, но никто не может быть ни в чем абсолютно уверен.

— Может,— резко сказала Сара.

— Например, вы?— в голосе Жерара слышалась ирония.

— Вы в то время болели. У вас была высокая температура, и вы не могли все ясно себе представить. А если ваш шприц никуда не пропадал, а лежал на своем месте? А ваше лекарство мог разбить и выкинуть кто-нибудь из слуг, когда прибирался в палатке.

— Не стоит так волноваться!— цинично сказал Жерар.— Ваши друзья Бойнтоны выйдут сухими из воды, доказать что-либо практически невозможно.

— В Иерусалиме вы пытались меня убедить, что нельзя ни во что вмешиваться!— ожесточенно воскликнула Сара.

— Я и не вмешивался, я рассказал только то, что знаю.

— А я говорю, что вы ничего не знаете. О Боже, мы переливаем из пустого в порожнее.

Жерар мягко сказал:

— Я очень сожалею, что так случилось, мисс Кинг.

Сара отозвалась:

— Неужели вы не видите, что они продолжают страдать. Она все еще продолжает их мучить. Она их держит, даже лежа в могиле. Я чувствую, как она злорадствует.— Сара вдруг замолчала и сказала совсем другим тоном:

— Этот маленький мужчина направляется к нам.

И Жерар увидел Пуаро, поднимающегося по склону холма.

Пуаро подошел к ним и вытер мокрый от пота лоб носовым платком. Затем он с грустью посмотрел на свои запыленные туфли.

— Увы,— сказал он,— мои бедные туфли.

— Вы можете попросить у леди Вестхолм ее щетку для обуви, — с язвительным сарказмом в голосе предложила Сара.— И ее одежную щетку. Она путешествует в полном вооружении.

— К сожалению, мадемуазель, от царапин на туфлях при помощи щетки не избавиться.

— Да, конечно. Но зачем вы носите туфли здесь?

— Я люблю выглядеть аккуратным,— Пуаро наклонил голову набок.

— Об этом надо забыть, когда путешествуешь по пустыне.

— Даже женщины выглядят в пустыне не блестяще,— задумчиво произнес Жерар.— Мисс Кинг всегда аккуратна и нарядна, а леди Вестхолм, например, в своих брюках и жакете выглядит ужасно. А мисс Пиерс? Вся ее одежда напоминает увядшие капустные листья. Даже молодая миссис Бойнтон! Она сама очень интересная женщина, но одета чрезвычайно безвкусно.

— Я думаю, месье Пуаро лез в гору не для того, чтобы поговорить с нами о туалетах,— резко сказала Сара.

— Вы правы. Я хочу знать мнение доктора Жерара и ваше, мадемуазель, по поводу миссис Бойнтон.

— Мне кажется, вы должны были бы уже все затвердить наизусть.

— Нет, мадемуазель. Меня интересует ее психическое состояние. В данном случае это может быть ключом к разгадке. Я думаю, такие типы хорошо известны доктору Жерару.

— С моей точки зрения это объект, который стоит изучать,— сказал Жерар.

— Пожалуйста, расскажите мне все.

Доктор Жерар объяснил свой интерес к этой семейной группе и рассказал о разговоре с Джефферсоном Коппом.

— Он очень сентиментален,— заметил Пуаро.

— Это существенно. Ему лень думать и размышлять. Он видит человеческую натуру и весь мир только с лучшей стороны. Поэтому он не понимает людей.

— Иногда это очень опасно,— сказал Пуаро.

Доктор Жерар продолжал:

— Он упрямо считает, что в случае с семьей Бойнтон присутствует излишняя патологическая любовь со стороны матери. И он не имеет ни малейшего представления, что за всеми поступками этой семьи кроется жгучая ненависть, возмущение, рабство и несчастье.

— С его стороны это глупо,— прокомментировал Пуаро.

— В то же время даже самый тупой оптимист не бывает абсолютно слепым. Я думаю, что после поездки в Петру у него на многое открылись глаза.— И доктор Жерар передал Пуаро его разговор с Коппом в день смерти миссис Бойнтон.

— Эта история со служанкой очень интересна,— задумчиво сказал Пуаро,— она бросает свет на методы миссис Бойнтон.

Жерар продолжал:

— Это было странное утро! Вы не были в Петре, месье Пуаро? Если вы там когда-нибудь будете, обязательно посмотрите на место, где совершались жертвоприношения. Оно создает настроение.

Он описал сцену, когда Сара сидела на скале, добавив:

— Мадемуазель была похожа на молодого судью, который предлагает принести в жертву одного ради спасения многих. Вы помните, мисс Кинг?

Сара вздрогнула.

— Пожалуйста, давайте не будем вспоминать тот день!

— Почему же?— спросил Пуаро.— Давайте углубимся в события. Как я вам уже сказал, доктор Жерар, меня очень интересует ваше мнение о психическом состоянии миссис Бойнтон. Я не совсем понимаю одного: если миссис Бойнтон абсолютно подчинила своей власти семью, зачем ей понадобилась эта поездка за границу, где возможность контактов стала неизбежной, к тому же ее влияние могло ослабеть?

Жерар возбужденно воскликнул:

— Вот именно! Все старые леди одинаковы во всем мире. Им все надоедает. Миссис Бойнтон своих тигров уже приручила. В процессе приручения она получала наслаждение. Но потом острота ощущения притупилась, и ей стало скучно. Леннокс был погружен в себя, и его ничем нельзя было ранить или хотя бы огорчить. Раймонд и Кэрол не проявляли никаких признаков возмущения. Жиневра? С точки зрения ее матери с ней нельзя было как следует «развлечься», так как бедная девочка нашла способ убежать от реальной жизни — она создала свой воображаемый мир. И чем больше мать издевалась над ней, тем легче ей было вообразить себя преследуемой принцессой. Для миссис Бойнтон это было смертельно скучно. Ей, как и Александру Македонскому, было необходимо покорять новые миры. Поэтому она решает отправиться путешествовать. Там может появиться возможность для ее приручен-ных тигров возмутиться, там появится новая возможность причинять боль. Это звучит абсурдно, но это так. Она хотела новых острых ощущений!

Пуаро глубоко вздохнул.

— Мне совершенно ясно, что вы имеете в виду. Это именно так и было. Все очень хорошо сходится. Она искала опасностей, и она за это поплатилась.

Сара подалась вперед. Ее лицо было очень сосредоточенным.

— Вы имеете в виду, что миссис Бойнтон загнала свою жертву в угол, и они, или один из них, оказались настолько зависимыми от нее, что...

Пуаро кивнул.

Сара чуть слышно спросила:

— Кто же из них?

Пуаро посмотрел на нее внимательно, но ничего не сказал.

— Взгляните,— доктор Жерар коснулся рукой плеча Пуаро.

По склону холма не спеша шла совсем еще юная девушка. Странная ее грация создавала впечатление нереальности. Ее золотые волосы горели на солнце, загадочная улыбка приподнимала уголки ее красивого рта.

Затаив дыхание, Пуаро наблюдал за этим видением.

— Как она красива! Какая необычная красота! Вот как надо играть Офелию — как молодую богиню, пришедшую из другого мира; счастливую от того, что ей не знакомы человеческие радости, ни огорчения.

— Да-да, вы правы,— согласился Жерар,— такое лицо можно увидеть только в мечтах, разве не так? Я мечтал именно о таком. Когда я болел и лежал в лихорадке, я открыл глаза и увидел лицо с неземной улыбкой. Это был чудесный сон, и мне не хотелось просыпаться.

Обернувшись к Пуаро, он сказал:

— Это Жиневра Бойнтон.

Через минуту девушка была около них, и доктор Жерар представил ей Пуаро.

— Мисс Бойнтон, позвольте вам представить Эркюля Пуаро.

— О!— она неуверенно посмотрела на него. Ее руки нервно сжались. Из сказочной нимфы она сразу превратилась в обычную, застенчивую и немного нервную девушку.

— Мне повезло, мадемуазель, встретиться с вами здесь. Я пытался найти вас в отеле.

— Неужели?— улыбнулась она, но ее улыбка не выражала ничего.

Пуаро предложил:

— Не хотите ли вы немного прогуляться со мной?

Она покорно пошла рядом с ним. Неожиданно она спросила странным торопливым тоном:

— Вы — вы сыщик?

— Да, мадемуазель.

Вздохнув, она снова задала вопрос:

— Вы здесь, чтобы защищать меня?

Пуаро задумчиво поглаживал усы.

— Вам грозит опасность, мадемуазель?

— Да-да!— она подозрительно посмотрела вокруг.— В Иерусалиме я рассказала об этом доктору Жерару. Он очень умный. Он не подает вида, что знает. Однако он был рядом, когда мы попали в это ужасное место среди красных скал.

Она содрогнулась.

— Они хотели меня там убить. Я все время должна быть начеку.

Пуаро снисходительно кивнул.

— Он очень добрый, очень хороший, и он в меня влюблен.

— Да?

— Да-да. Он во сне меня зовет.

Ее лицо смягчилось, и к ней вернулась ее неземная красота.

— Я видела, как он метался во сне и все время звал меня . . . Я тихо, тихо оттуда вышла.

Она помолчала.

— Я подумала, может, это он вас пригласил. Вы знаете, у меня очень много врагов. Они все время где-то рядом. Они иногда даже переодеваются в чужую одежду.

— Да-да,— мягко сказал Пуаро,— но вы в полной безопасности: рядом с вами ваша семья.

Девушка гордо выпрямилась.

— Это не моя семья! У меня с ними нет ничего общего. Я не могу вам признаться, кто я. Это — секрет.

Бережно и осторожно Пуаро спросил:

— Для вас смерть вашей матери, мадемуазель, была большим ударом?

Жиневра раздраженно топнула ногой.

— Я же вам сказала: это не моя мать. Мои враги подкупили ее, чтобы она притворилась моей матерью и следила, чтобы я не сбежала.

— Где вы были после ленча в день ее смерти?

— В палатке,— с готовностью ответила Жиневра,— было очень жарко, и я не хотела оттуда выходить. Враги могли меня похитить,— она вздрогнула.— Один из них даже заглянул в мою палатку. Он был переодет, но я его сразу узнала. Я притворилась, что сплю. Я знала, его послал шейх. Шейх хочет меня похитить.

Некоторое время Пуаро шел молча, потом он сказал:

— Все эти ваши истории, конечно, очень занимательны.

— Это правда, правда,— почти закричала Жиневра и, повернувшись, побежала вниз по склону.

Пуаро остановился и смотрел ей вслед. Через некоторое время он услышал около себя голос.

— Что вы ей наговорили?

Пуаро повернулся и увидел запыхавшегося доктора Жерара. Вслед за ним, не спеша, подошла Сара.

— Я сказал, что она выдумала очень интересные истории,— ответил Пуаро на вопрос доктора Жерара.

Доктор задумчиво кивнул.

— И она рассердилась! Это очень хороший признак! Это значит, все поправимо, и ее можно вылечить! Она прекрасно понимает, что эти истории она сама выдумала! Я смогу ее вылечить.

— Вы собираетесь ее лечить?

— Да, я уже обсудил этот вопрос с миссис Леннокс Бойнтон и ее мужем. Жиневра поедет в Париж в мою

клинику. Впоследствии она будет учиться сценическому искусству и поступит на сцену.

— На сцену?

— Да. У нее есть все данные, чтобы добиться успеха. Это то, что ей надо. Во многом у нее натура ее матери.

— Нет! Нет!— воскликнула Сара.

— Для вас это может показаться невозможным, но, к сожалению, прослеживается определенное сходство. Обе рождены с жаждой славы, обе хотят производить впечатление. Бедному ребенку не позволяли иметь желаний, не давали выхода ее болезненному честолюбию, любви к жизни, не давали свободы проявлениям ее романтической натуры.

Он усмехнулся и добавил:

— Я постараюсь, чтобы теперь все было по-другому.

И слегка поклонившись, он поспешил вслед за Жиневрой.

— Доктор Жерар великолепный специалист,— задумчиво произнесла Сара,— и, тем не менее, я не переношу, когда он сравнивает Джинни с этой ужасной женщиной, хотя и сама как-то даже пожалела миссис Бойнтон.

— Когда?

— Я об этом вам уже рассказывала. Это произошло в Иерусалиме. Мне показалось тогда, что я поступила неправильно. Вам, наверное, известно это чувство: вы вдруг видите все в другом свете. Я вышла из себя, наговорила ей всяких глупостей, и просто-напросто выставила себя дурой.

— Нет, в этом вы не правы!

Как всегда при воспоминании об этом разговоре, Сару бросило в жар.

— Я тогда сильно переоценила события, а себе присвоила роль Мессии. Позже, когда леди Вестхолм, глядя на меня своими пустыми глазами, сообщила, что она видела, как я разговаривала с миссис Бойнтон, я почувствовала себя круглой дурой.

Улыбнувшись, Пуаро спросил:

— А что вам ответила миссис Бойнтон? Постарайтесь вспомнить ее слова поточнее.

— О! Ее слова произвели на меня неизгладимое впечатление: «Я никогда ничего не забываю,— вот что она сказала,— запомните, я никогда ничего не забываю — ни поступка, ни имени, ни лица».

Сара вздрогнула.

— Она сказала это с таким злорадством! Но на меня она даже не посмотрела. У меня до сих пор ее голос звучит в ушах.

— Я вижу, вы действительно до сих пор находитесь под впечатлением этого разговора.

— Вы правы. Меня напугать довольно трудно, но иногда я вижу перед собой ее злое и торжествующее лицо и слышу эти слова. Ух!

Повернувшись к Пуаро, она неожиданно спросила:

— Месье Пуаро, возможно, я не должна вас об этом спрашивать, но меня очень интересует, к какому вы пришли заключению относительно всей этой истории?

Он увидел, как задрожали ее губы.

— Я установил, с кем разговаривал Раймонд Бойнтон в ту ночь в Иерусалиме. Это была его сестра Кэрол.

— Кэрол! А вы — вы сказали ему — вы спросили?

Она не могла продолжать: слезы душили ее.

Пуаро посмотрел на нее с сочувствием.

— Для вас это настолько важно, мадемуазель?

— Да. Я должна, понимаете, должна знать!

— Он сказал, что это был с его стороны взрыв эмоций,— спокойно ответил Пуаро,— что он и его сестра были в ту ночь в ужасном состоянии и что на следующий день вся эта идея показалась им просто фантастичной.

— Я понимаю.

Сара повернула к нему свое бледное, полное отчаяния лицо.

— В тот страшный день, когда умерла миссис Бойнтон, я говорила с Раймондом. Он сказал мне, что должен что-то предпринять, чтобы доказать самому себе свою смелость. Я подумала, что он хочет с ней поговорить. А если предположим, он имел в виду . . .

Она замолчала, стараясь справиться с охватившим ее волнением.

ГЛАВА XX

Выйдя из отеля, Надин Бойнтон оглянулась по сторонам и заметила хорошо знакомую фигуру. Через секунду Джефферсон Копп был рядом.

— Давайте немного погуляем.

Они пошли по тропинке, огибающей холм, сплошь по-

крытый цветами. Копп говорил не переставая, но Надин его, казалось, не слышала.

— Извините, Джефферсон, но мне надо вам кое-что сказать.

— Я вас слушаю, дорогая. Говорите все, что угодно, лишь бы только это вас не расстраивало.

— Вы умный человек и прекрасно понимаете, о чем пойдет разговор.

— Я знаю, что в связи с изменившимися обстоятельствами могут меняться и решения,— он тяжело вздохнул,— говорите, Надин, и поступайте, как вам захочется.

Она сказала, волнуясь:

— Вы чудесный человек, Джефферсон. Такой терпеливый! А я все время злоупотребляю вашим терпением, и мне очень стыдно!

— Послушайте, Надин, давайте говорить прямо. В отношениях с вами я всегда знал свое место. С первой нашей встречи я полюбил вас и искренне желал вам счастья. Я глубоко переживал, что вы несчастны и винил в этом Леннокса. Мне казалось, что он вас недостоин, и не может вас оценить, поэтому он не заслуживает счастья быть рядом с вами. Но после поездки в Петру, должен признаться, я понял, что вина Леннокса не настолько велика. Я не хочу плохо говорить о мертвых, но теперь мне ясно, что ваша свекровь была необыкновенно тяжелым человеком.

— Да, вы правы.

— И вот вы вчера пришли ко мне,— продолжал Копп,— и сказали, что окончательно решили уйти от мужа. Я всей душой вас поддержал. Вам не пристало вести такую жизнь. Вы были со мной предельно честны и откровенны. Вы не притворялись, что безумно в меня влюблены. А все, что нужно было мне,— это иметь шанс, постараться сделать вас счастливой, как вы того заслуживаете. И в это утро я был самым счастливым в мире человеком.

— Простите меня ради Бога, Джефферсон,— в отчаянии воскликнула Надин.

— Не стоит так расстраиваться, дорогая, должен признаться, у меня все время было чувство нереальности. Я был почти уверен, что вы передумаете. Так и случилось. Правда, ситуация тоже изменилась. Теперь вы с Ленноксом свободны и можете жить, как захотите.

— Да, я не могу оставить Леннокса. Простите меня,— спокойно сказала Надин.

- Мне нечего вам прощать,— грустно сказал Копп. - будем по-прежнему старыми добрыми друзьями, как будто этого разговора никогда не было.

Надин ласково коснулась его руки.

- Благодарю вас, мой дорогой друг. А теперь мне надо поискать Леннокса.

Она увидела Леннокса на развалинах греко-романского театра. Он заметил ее, только когда она села рядом.

— Леннокс! Мы до сих пор не могли с тобой поговорить. Ты понимаешь, что я не хочу от тебя уходить?

— А разве ты серьезно собиралась это сделать?— он повернулся к Надин.

- Да, - она кивнула,— тогда мне казалось, что иного выхода у меня нет. Я надеялась, что ты уйдешь со мной. Бедный Джефферсон, я очень низко с ним поступила.

Леннокс улыбнулся.

- Ты не права. Бескорыстному человеку — такому, как Копп, надо давать возможность проявить свое благородство. Когда ты сказала мне, что уходишь к Коппу, я думал, что сойду с ума. До сих пор не могу понять, как я не набросился на мачеху и не решился уйти с тобой.

— Ты не мог этого сделать, дорогой,— мягко сказала она.

Леннокс задумчиво произнес:

— Мачеха была очень странной. Сейчас мне кажется, что она нас гипнотизировала.

— Ты прав.

Помолчав, Леннокс продолжал:

— Когда ты сказала, что ты уходишь, у меня было такое состояние, как будто меня чем-то ударили по голове. У меня кружилась голова, и я шел, как во сне. Вот тогда я и понял, что я дурак, последний дурак. Единственное, что мне оставалось, чтобы тебя не потерять — это пойти и . . .

— Нет! Не надо!— вырвалось у Надин.

Он быстро взглянул на нее.

— Я пошел и поругался с ней. Я сказал, что сейчас мне надо сделать выбор между ней и тобой и что я выбираю тебя.

Он повторил довольным тоном:

— Да, я ей сказал, что выбираю тебя!

ГЛАВА XXI

По дороге домой у Пуаро произошли две неожиданные встречи. Первым был Джефферсон Копп.

— Месье Эркюль Пуаро? Мое имя Джефферсон Копп,— представился он.

Они церемонно поздоровались, и мистер Копп объяснил:

— Я только что узнал, что вы ведете расследование причины смерти миссис Бойнтон. Очень прошу вас принять во внимание тот факт, что эта леди не должна была совершать такое утомительное путешествие. Но она была необычайно упряма, и семья не могла ее отговорить. Она была настоящим тираном в семье: все должно было делаться так, как хотела она.

Наступило молчание.

— Я хочу вам сказать, месье Пуаро,— продолжал мистер Копп,— что я старый друг семьи Бойнтон. Они, естественно, сейчас очень расстроены и сильно нервничают, так что, если нужна моя помощь, например, выполнить формальности с отправкой тела в Иерусалим или еще что-нибудь, я с удовольствием освобожу их от этих забот. Пожалуйста, только скажите, что надо делать.

— Уверен, что семья будет вам очень благодарна за помощь,— сказал Пуаро и в свою очередь спросил:— Я так понимаю, что вы друг молодой миссис Бойнтон?

Бледное лицо мистера Коппа заметно порозовело.

— Не будем об этом говорить, месье Пуаро. Я знаю, у вас сегодня был разговор с миссис Ленноке Бойнтон, и возможно, она намекнула о планах, касающихся нас с ней. Должен вам сказать, что с этим все покончено. Миссис Бойнтон необыкновенная женщина, и она считает своим долгом в такое тяжелое для мужа время быть с ним рядом.

Пуаро вежливо кивнул.

— Полковник Кэрбери попросил меня помочь ему и установить правду о том, что произошло в день смерти миссис Бойнтон. Не могли бы вы мне рассказать о событиях того дня?

— Отчего же. Конечно. После ленча мы отправились на прогулку. Честно говоря, мы постарались отделаться от нашего ужасного проводника. Тогда на прогулке и состоялся мой разговор с Надин. После этого она решила поговорить с мужем, и я один ушел в кемпинг. На полпути

я встретил двух английских леди, которые утром были с нами на экскурсии. Одна из них — супруга известного в Англии пэра. Она необыкновенно умная и очень информированная женщина. Другая показалась мне довольно славным существом, утренняя прогулка была утомительной для такого человека, как она. Так вот, я рассказал этим дамам об интересных развалинах, которые только что видел. Мы погуляли немного вместе и пошли обратно в кемпинг. Это было около шести часов. Леди Вестхолм предложила нам выпить по чашке чая и я согласился. Правда, чай был довольно слабым, но замечательно ароматным. В это время накрыли на стол к ужину и послали слугу за миссис Бойнтон. Слуга нашел ее уже мертвой.

— Когда вы возвращались с прогулки, вы не обратили на нее внимание?

— Я только заметил, что она сидит там же, где сидела обычно после обеда. Особого внимания на нее я просто не обратил. В это время мы с леди Вестхолм обсуждали наш недавний спуск. Кроме того мне пришлось помогать мисс Пиерс, которая подвернула лодыжку.

— Благодарю вас, мистер Кэпп. Извините мне мою нескромность, но я хочу вас спросить: миссис Бойнтон оставила после себя большое наследство?

— Да, довольно значительное. После ее смерти все состояние Элмера Бойнтона должно быть разделено на равные части между его детьми. Теперь они все стали весьма состоятельными.

— Деньги!— пробормотал Пуаро,— сколько преступлений совершается из-за них людьми.

— Но почему же?— удивленно спросил мистер Кэпп.

Пуаро, улыбаясь, добавил:

— Но, помимо денег, для убийства существует еще очень много причин. Благодарю вас, мистер Кэпп, за помощь.

— Всегда к вашим услугам,— вежливо поклонился мистер Кэпп,— мне кажется, там сидит мисс Кинг. Мне надо с ней кое о чем поговорить.

Пуаро стал спускаться с холма. Навстречу ему попалась взбудораженная мисс Пиерс. Слегка запыхавшись она поздоровалась с Пуаро.

— Месье Пуаро! Я так рада, что встретилась с вами. Я только что разговаривала с этой странной девушкой — с младшей Бойнтон. Она рассказала мне о каких-то совершенно невероятных вещах: о каком-то шейхе, который

хочет ее похитить, и каких-то окружающих ее врагах. Конечно, это звучит очень романтично, но леди Вестхолм утверждает, что все это чушь. У нее когда-то была служанка, которая болтала такие же глупости, правда, мне кажется, что леди Вестхолм бывает слишком строгой к людям. Ведь это все может быть правдой. Разве не так? Несколько лет назад я прочла, что одну из дочерей русского царя в революцию не убили, и ей удалось убежать в Америку. Как это было бы замечательно!— и мисс Пиерс бросила на него восторженный взгляд.

Пуаро нравоучительно сказал:

— Вы правы, в жизни иногда происходят очень странные вещи.

— В то утро я не сразу поняла, кто вы, — патетически воскликнула мисс Пиерс, стискивая руки. — Конечно, вы тот самый знаменитый детектив! Я читала почти все о вас! Это так захватывающе! В то время я как раз работала гувернанткой около Донкастера.

Пуаро пробормотал в ответ что-то невразумительное.

Мисс Пуаро продолжала с нарастающим возбуждением:

— Вот почему мне показалось, правда, я, может быть, ошибаюсь, в то утро... Но, мне кажется, даже мелочь может иметь значение. Если вы взялись за это дело, значит, бедная миссис Бойнтон действительно была убита! Теперь это понимаю. Вот почему я решила вам все рассказать. Когда я об этом думаю, мне это кажется очень странным.

— О чем вы думаете? Что вам кажется странным? Пожалуйста, расскажите, — Пуаро явно заинтересовался.

— На следующее утро после смерти миссис Бойнтон я проснулась очень рано и выглянула из палатки, чтобы посмотреть восход солнца.

— И что вы увидели?

— Тогда я не придала этому значения. Я увидела, как из палатки вышла одна из сестер Бойнтон и бросила что-то в ручей. Эта вещь очень сильно блестела в лучах солнца.

— А кто из сестер это был?

— Думаю, та, которую зовут Кэрол. Она очень хорошенькая и поразительно похожа на своего брата. Вероятно, они близнецы. А возможно, это была младшая. Солнце светило мне в глаза, и было плохо видно. Но мне показалось, что волосы у нее были не рыжие, а скорее бронзовые.

— И она выбросила какой-то блестящий предмет?

— Да, и, как я вам уже сказала, я на это просто не обратила внимание. Но позднее, когда мы с мисс Кинг шли

вдоль ручья, я увидела среди камней маленькую блестящую металлическую коробочку. И я подумала, что именно эту вещь выбросила девушка. Мне стало любопытно, что это за коробочка и я вытащила ее из воды. А когда я ее открыла, я увидела там шприц, точно такой же, каким мне делали уколы, когда я болела тифом. Меня поразило, как можно выкинуть такую нужную вещь: она ведь не была разбита. И пока я рассматривала шприц, ко мне подошла мисс Кинг и сказала, что это ее шприц и что она пришла сюда, чтобы его отыскать. Я отдала ей шприц, и она пошла в кемпинг.

Мисс Пиерс замялась и продолжила торопливо:

— Мне показалось очень странным, что мисс Бойнтон выбросила шприц, который принадлежит мисс Кинг.

Пуаро сосредоточенно молчал.

— Благодарю вас, мадемуазель. Вы мне рассказали очень интересную вещь. Это было недостающее звено в цепи моих размышлений. Теперь мне все ясно.

— Неужели?— вспыхнув от удовольствия, воскликнула мисс Пиерс.

Проводив мисс Пиерс в кемпинг, Пуаро зашел к себе и записал в блокноте:

Пункт 10: «Я никогда ничего не забываю, запомните, я никогда ничего не забываю — ни поступка, ни имени, ни лица».

Он улыбнулся с довольным видом.

— Теперь мне все ясно!

ГЛАВА XXII

— Ну вот, у меня все готово,— провозгласил Эркюль Пуаро, отойдя к одной из кроватей и с удовольствием оглядывая гостиничный номер.

Полковник Кэрбери снисходительно улыбнулся.

— Вы странный человек! К чему весь этот театр?

— Если кто-то разыгрывает комедию, то сцену подготовить необходимо.

— А разве речь идет о комедии?

— Даже если это трагедия, все равно нужны подходящие декорации.

Кэрбери с любопытством посмотрел на него.

— Это, конечно, вам решать. Правда, я вас не совсем понимаю, хотя видимо, вы что-то выяснили.

— Я буду иметь честь сообщить вам правду об этом деле, как вы меня просили.

Пуаро взглянул на часы.

— Ну, пора начинать. Вы, полковник, сядете за этот стол, как официальное лицо.

— Прекрасно,— буркнул полковник.

— А вот сюда,— Пуаро немного сдвинул стулья,— мы посадим всю семью Бойнтонов. Здесь,— продолжал он,— посадим тех, кто был связан каким-либо образом с этим делом. Доктора Жерара — с чьих показаний мы и начали это дело. Сару Кинг, которая связана с этим случаем личным интересом, а также как врач, констатировавшая смерть миссис Бойнтон. Джефферсона Коппа близкого друга семьи Бойнтон.

Он резко оборвал свою мысль:

— А вот и они.

Первыми вошли Леннокс Бойнтон и его жена. За ними - Кэрол и Раймонд. Жиневра шла, не обращая ни на кого внимания, улыбаясь своей загадочной, неземной улыбкой. Последними вошли доктор Жерар и Сара Кинг. Когда все сели, пришел опоздавший мистер Копп. Подождав, пока он займет свое место, Пуаро вышел на середину комнаты.

— Леди и джентльмены. Наша встреча носит неофициальный характер. Она вызвана тем, что, воспользовавшись моим присутствием в Аммане, полковник Кэрбери оказал мне честь, попросив расследовать это дело...

Внезапно его прервали. Неожиданно для всех этим человеком оказался Леннокс Бойнтон, который с вызовом спросил:

— Какого черта вас вовлекли в это дело?

— Меня часто просят помочь при расследовании обстоятельств скоропостижной смерти.

— А что,— продолжал в том же тоне Леннокс,— врачи тоже в случаях остановки сердца обращаются к вам за помощью?

— Это слишком общее и притом не научное понятие,— спокойно парировал Пуаро.

Полковник Кэрбери откашлялся и сказал официальным тоном:

— Давайте сразу внесем ясность. До моего сведения доведены обстоятельства смерти. Все выглядит вполне естественно. Необычайно жаркая погода, утомительная поездка, особенно для пожилого человека с плохим серд-

цем. С этой точки зрения все ясно. Но ко мне пришел доктор Жерар и рассказал...

Все вопросительно посмотрели на Пуаро. Тот кивнул.

— Доктор Жерар выдающийся ученый с мировым именем. Любое его заявление заслуживает пристального внимания. Вот что он рассказал: на следующий день после смерти миссис Бойнтон он обнаружил у себя пропажу сильнодействующего лекарства. До этого у него была еще одна пропажа — шприц, который ночью кто-то положил на место. Обратите внимание, что на руке покойной был след как будто от инъекции.

Полковник Кэрбери помолчал и продолжал:

— При создавшихся обстоятельствах я обязан передать дело на расследование. Месье Пуаро был в это время у меня в гостях и любезно согласился нам помочь. Он был уполномочен задавать любые вопросы по своему усмотрению и вести дело так, как он считает нужным. Сейчас мы собрались здесь, чтобы выслушать его отчет.

Наступило такое молчание, что, когда в соседнем номере что-то упало, все вздрогнули.

Пуаро окинул спокойным взглядом собравшихся.

— Когда полковник Кэрбери рассказал мне об этом деле, я высказался в том смысле, что в таких случаях бывает очень трудно найти доказательства, с которыми можно было бы обратиться в суд, однако я обещал ему добраться до правды, внимательно выслушивая показания. Позвольте мне вам заметить: главное при расследовании преступления — это предоставить возможность преступнику или его пособникам говорить — в конце концов вы услышите правду.

Он помолчал и, улыбнувшись, добавил:

— Сначала я рассмотрел возможность естественной смерти миссис Бойнтон. Эта версия не подтвердилась. Пропавшие шприц, лекарство и, наконец, реакция ее семьи на случившееся — все говорило против этого предположения. Ее родственники были совершенно уверены в том, что это насильственная смерть — судя по их поведению. И вели они себя как люди, причастные к убийству. Но возможна разная степень причастности. Прежде всего, я проверил все факты, подтверждающие возможность убийства и пришел к заключению, что это действительно хладнокровное убийство. Но было ли это убийство совершено семьей миссис Бойнтон по конкретному плану? Мотивом убийства могло послужить желание получить финансо-

вую и моральную независимость, принимая во внимание тот факт, что миссис Бойнтон была тираном. Но эта конкретная версия не выдерживает никакой критики. Показания Бойнтонов не совпадали по многим пунктам, у них не было даже продуманного алиби. Более того, я скорее мог бы предположить: убийство совершено одним, или, возможно, двумя из них, а остальные играли второстепенную роль. И я решил проверить, кто из них мог пойти на это. У меня было определенное мнение, основанное на том, что знал только я.— И Пуаро рассказал присутствующим о разговоре, который он слышал в Иерусалиме.

— Вполне естественно, подозрение сразу пало на Раймонда Бойнтона, как основного виновника. Познакомившись со всей семьей, я пришел к заключению: единственным возможным собеседником Раймонда могла быть его сестра Кэрол. У них необыкновенное сходство как во внешности, так и в характере. Кроме того, их связывает чувство глубокой привязанности друг к другу, и они оба обладают повышенной нервозностью и бунтарским духом, необходимым для совершения подобного акта. Их цели были в какой-то степени лишены эгоизма: они хотели освободить семью, и особенно, их волновала участь младшей сестры. Именно это и делало вероятным осуществление их замысла.

Раймонд Бойнтон, не мигая, смотрел на Пуаро. Казалось, он хотел что-то сказать, но передумал.

— До того, как я расскажу вам,— продолжал Пуаро,— как я рассматривал возможность совершения убийства Раймондом Бойнтоном, я хочу вам кое-что зачитать.

С этими словами он вынул из кармана лист бумаги, исписанный аккуратным убористым почерком.

1. Миссис Бойнтон принимала микстуру, содержащую дигиталис.

2. У доктора Жерара пропал шприц.

3. Миссис Бойнтон доставляло удовольствие не давать детям общаться с другими людьми.

4. Миссис Бойнтон отправила свою семью на прогулку именно в этот день.

5. Миссис Бойнтон — моральный садист.

6. Расстояние от тента до того места, где сидела миссис Бойнтон, около 200 ярдов.

7. Мистер Леннокс Бойнтон сначала заявил, что не помнит, в какое время вернулся в лагерь, а затем назвал точное время, вспомнив, что заводил часы своей мачехи.

8. Доктор Жерар и Жиневра Бойнтон занимали соседние палатки.

9. В 6.30 послали слугу позвать миссис Бойнтон ужинать.

— Я перечислил все пункты отдельно, однако некоторые из них можно соединить попарно. Например, «Мисс Бойнтон принимала микстуру, содержащую дигиталис» и «У доктора Жерара пропал шприц». На эти пункты я обратил внимание в первую очередь. Меня поразила их несовместимость. Вы понимаете, что я имею в виду? Я вам все поясню, как только закончу свою мысль, касающуюся Раймонда Бойнтона. Я слышал, как он обсуждал возможность убийства миссис Бойнтон. Он находился в состоянии крайнего возбуждения, и с извиняющимся видом Пуаро поклонился Саре.— Он был ожесточен. Это чувство могло заставить его действовать по-разному. Он мог смягчиться и стать снисходительным ко всем, включая свою мачеху; он мог почувствовать в себе силу выйти из-под ее влияния, или, наоборот, это могло быть дополнительным толчком к убийству. Все это относится к психологии. Давайте рассмотрим факты.

Раймонд Бойнтон вышел вместе с другими из кемпинга в 3.15. В это время миссис Бойнтон была еще жива. Вскоре между Раймондом и Сарой Кинг произошел разговор, после которого он сразу ушел. По свидетельству Раймонда, он вернулся в кемпинг без десяти шесть. Он подошел к мачехе, обменялся с ней парой слов и ушел к себе в палатку, а оттуда уже вышел к ужину. Он утверждает,— я повторяю,— что без десять шесть миссис Бойнтон была жива. А сейчас мы вернемся к факту, который полностью противоречит этому утверждению.

В шесть тридцать слуга находит миссис Бойнтон мертвой. Мисс Кинг обследует тело и утверждает: смерть наступила около часа назад.

Вот теперь перед вами два противоречащих друг другу показания. Если мы допустим, что мисс Кинг ошиблась... Сара перебила его:

— Я не ошиблась. В противном случае я бы в этом призналась.

Пуаро вежливо ей поклонился.

— Тогда остается предположить: кто-нибудь из них — или мисс Кинг, или мистер Бойнтон — говорят неправду. Возьмем сначала Раймонда Бойнтона. Что могло его заставить так поступить? Предположим, мисс Кинг не

ошиблась, и в ее словах не было преднамеренной лжи. Какова тогда последовательность событий? Раймонд Бойнтон возвращается в кемпинг, видит свою мачеху сидящей около пещеры, подходит к ней и обнаруживает ее мертвой. Как он поступает? Разве он зовет на помощь? Или сообщает кому-нибудь о случившемся? Нет. Он идет в свою палатку, а затем спокойно направляется ужинать, не говоря никому ни слова. Не кажется ли вам такое поведение необычным?

— Но она была жива,— прерывающимся голосом произнес Раймонд Бойнтон,— мисс Кинг, видимо, была огорчена и очень волновалась, поэтому допустила ошибку.

Не обращая внимания на слова Раймонда, Пуаро продолжал:

— А теперь посмотрим, какова могла быть причина, вызвавшая такое поведение. Первое, что приходит в этом случае на ум: Раймонд Бойнтон не может быть виновным, так как, когда он подошел к миссис Бойнтон, она уже была мертва. Предположим: Раймонд Бойнтон не виноват. Можно ли в этом случае объяснить его поведение? Можно. Я помню те слова, которые я слышал в Иерусалиме: «Разве ты не понимаешь, что ее нужно убить». Поэтому, когда он находит миссис Бойнтон мертвой, он сразу предполагает, что это сделал человек, с которым он обсуждал свой план, то есть его сестра Кэрол Бойнтон.

— Это неправда!— воскликнул Раймонд дрожащим голосом.

Пуаро продолжал.

— Теперь рассмотрим возможность совершения убийства Кэрол Бойнтон. Какие факты против нее? Она такой же темпераментный человек. Она способна на самопожертвование, на героический поступок. Это с ней Раймонд Бойнтон планировал убийство своей мачехи. Кэрол Бойнтон вернулась в кемпинг без двадцати шесть. По ее словам, она подошла к мачехе и немного поболтала с ней. Однако этого никто не видел: в кемпинге было пусто, а все слуги спали. Поэтому Кэрол Бойнтон — вполне возможный убийца.

Он замолчал. Кэрол подняла голову и посмотрела на него в упор.

— Имеется еще одна улика против Кэрол Бойнтон: на следующее утро, очень рано, видели, как Кэрол Бойнтон выбросила в ручей что-то блестящее. Есть основание предполагать, что это был шприц.

— Не может быть!— воскликнул доктор Жерар,— но мне шприц вернули! Да-да, теперь он у меня.

— Я знаю,— кивнул головой Пуаро.— Но здесь мы имеем дело со вторым шприцем. Это очень любопытно. Мне дали понять, что второй шприц принадлежал мисс Кинг. Это так, мисс Кинг?

Сара не успела ответить, как прозвучал голос Кэрол Бойнтон:

— Это был мой шприц.

— Значит, мадемуазель, вы признаетесь, что выбросили его в ручей?

Поколебавшись, она ответила:

— Да, разумеется.

— Кэрол,— прозвучал взволнованный голос Надин. Она подалась вперед и смотрела на Кэрол широко открытыми глазами.— Кэрол! Я не понимаю...

Кэрол повернулась и враждебно взглянула на нее.

— Тут нечего понимать! Я выбросила свой старый шприц, но к яду не прикасалась.

Раздался спокойный голос Сары Кинг:

— Месье Пуаро, мисс Пирс сказала вам правду: это был мой шприц.

Пуаро улыбнулся.

— Со шприцами какая-то путаница, но с этим мы легко разберемся. Предлагаю обсудить другое: предположим, что Раймонд Бойнтон невиновен, тогда виновата его сестра Кэрол. Но я хочу взглянуть на это с другой стороны — как если бы Кэрол была невиновна.

Она возвращается в кемпинг, подходит к мачехе и видит, что та мертва. О чем она подумает в первую очередь? Подумает, что ее убил Раймонд. Она не знает, как поступить. Поэтому она ничего никому не говорит. Через час возвращается Раймонд Бойнтон, подходит к мачехе и потом спокойно уходит к себе в палатку. Поэтому, когда он является к ужину и молчит о смерти, подозрения Кэрол переходят в уверенность. Возможно, она заходит к нему в палатку и обнаруживает там шприц. Это еще больше подтверждает ее опасения. Она быстро прячет шприц и рано утром выбрасывает в ручей.

И вот еще одно доказательство ее невиновности. Во время нашего с ней разговора она уверяет меня, что они с братом никогда серьезно не думали убивать свою мачеху. Я прошу ее поклясться и она клянется, что не убивала. Заметьте, она не клянется, что они не убивали. Она

...лается, что не убивала она, думая, что я на это не обращу внимания.

Так обстоит дело с невиновностью Кэрол Бойнтон.

А теперь рассмотрим возможность вины Раймонда Бойнтона. Предположим, что Сара Кинг говорит правду, и миссис Бойнтон в 5.10 еще была жива. В этом случае мог ли быть Раймонд Бойнтон виновен? Мы можем предположить, что он убил миссис Бойнтон в 5.50, когда подошел к ней. Правда, по кемпингу в это время уже сновали слуги, но в наступающих сумерках было вполне возможно убить ее. Тогда, значит, мисс Кинг сказала неправду. Вы помните, она утверждала, что вернулась в кемпинг спустя пять минут после Раймонда. Она издалека могла видеть, как он подходит к мачехе. Поэтому, когда миссис Бойнтон была найдена мертвой, мисс Кинг решает, что ее убил Раймонд и, чтобы спасти его, она говорит неправду, прекрасно понимая, что ее ложь не обнаружат, так как доктор Жерар лежит с приступом малярии и не может опровергнуть ее заключение.

— Я сказала правду,— прозвучал громкий голос Сары.

— В таком случае можно сделать еще одно предположение: вы, мисс Кинг, возвращаетесь в кемпинг вскоре после Раймонда. Если Раймонд нашел свою мать живой, значит, вполне вероятно, именно вы ввели ей смертельную дозу, зная, что миссис Бойнтон причина всех бед своей семьи. Вы, возможно, смотрели на себя как на спасителя. Этим легко объяснить вашу ложь относительно времени смерти.

Сара сильно побледнела, однако сказала твердым голосом:

— Я, правда, говорила, что иногда целесообразно пожертвовать жизнью одного человека во имя спасения многих. Эта мысль пришла мне в голову, когда я была около жертвенника. Но я никогда не причиняла вреда этой ужасной женщине. Мне такая идея даже в голову не могла придти.

— И все же,— сказал Пуаро,— кто-то из вас двоих говорит неправду.

— Вы выиграли, месье Пуаро!— с отчаяньем крикнул Раймонд.— Я солгал! Мачеха была уже мертва, когда я к ней подошел. Это меня ошеломило. Я помню, что решил ей сказать, что больше не хочу ей подчиняться. Я был настроен решительно. И вдруг она мертва! Ее руки — как лед! Я подумал: может, это Кэрол? И вдруг заметил на ее руке след . . .

Пуаро быстро его перебил.

— Это как раз то, что мне не совсем ясно. Каким способом вы хотели убить свою мачеху? Используя шприц?

— В какой-то книге я прочел, что если сделать укол пустым шприцем, человек тут же умирает. Там этому было еще какое-то научное объяснение.

— Я понимаю. Поэтому вы купили шприц?

— Нет. Мы его взяли у Надин.

Пуаро бросил на миссис Леннокс Бойнтон быстрый взгляд.

— Вы имеете в виду тот, который остался у вас в багаже в Иерусалиме?

Лицо Надин покрылось легким румянцем.

— Я . . .я точно не знала, где он был.

Пуаро улыбнулся.

— Вы очень сообразительны, мадам.

ГЛАВА XXIII

Наступила пауза. Слегка откашлявшись, Пуаро продолжал:

— Как вы видите, мы разобрались с тайной второго шприца. Он принадлежал миссис Леннокс Бойнтон, был взят у нее еще в Иерусалиме Раймондом Бойнтоном, затем Кэрол Бойнтон забрала его у Раймонда, когда миссис Бойнтон была найдена мертвой, и выбросила. Мисс Пирс его обнаружила, но Сара Кинг объявила его своим. Предполагаю, что он сейчас у нее.

— Вы правы,— спокойно сказала Сара.

— Значит, когда вы сказали, что этот шприц принадлежит вам, вы сказали неправду, хотя совсем недавно утверждали, что никогда не лжете.

— Да. Но это совсем другая ложь. Она не связана с моей профессией.

— Я вас прекрасно понимаю.

— Благодарю вас.

Пуаро снова откашлялся.

— Давайте снова вернемся к моим записям. Таким образом:

Бойнтон и Джефферсон Копп вышли из кемпинга 3.05
Доктор Жерар и Сара Кинг вышли из кемпинга 3.15
Леди Вестхолм и мисс Пирс вышли из кемпинга 4.15
Доктор Жерар возвращается в кемпинг 4.20

Леннокс Бойнтон возвращается в кемпинг	4.35
Надин Бойнтон возвращается в кемпинг и разговаривает с миссис Бойнтон	4.40
Надин Бойнтон отходит от свекрови и идет к тенту	4.50
Кэрол Бойнтон возвращается в кемпинг	5.10
Леди Вестхолм, мисс Пиерс и мистер Копп возвращаются в кемпинг	5.40
Раймонд Бойнтон возвращается в кемпинг	5.50
Сара Кинг возвращается в кемпинг	6.00
Обнаружено тело	6.30

Обратите внимание на интервал времени между 4.50, когда Надин Бойнтон отошла от своей свекрови, и 5.10, когда вернулась Кэрол. Если Кэрол говорит правду, миссис Бойнтон была убита именно в этот промежуток времени. Встает вопрос: кто мог ее убить?

В это время Раймонд Бойнтон был вместе с мисс Кинг. У мистера Коппа тоже имеется алиби (кроме того, у него нет никакого мотива для убийства). Он был с леди Вестхолм и мисс Пиерс. Леннокс Бойнтон и его жена сидели вдвоем под тентом. Доктор Жерар лежал у себя в палатке с приступом малярии. Кемпинг вымер. Все слуги спят. Очень удобный момент для совершения преступления! Находился ли в это время там человек, который мог его совершить?

Глаза Пуаро остановились на лице Жиневры Бойнтон.

— Да, там был еще один человек. Жиневра Бойнтон отдыхала после ленча в своей палатке. Во всяком случае, так говорили, но на самом деле она не находилась там все время. Жиневра сказала, что в забытьи доктор Жерар повторял ее имя. И доктор Жерар также сообщил, что он во сне видел лицо Жиневры Бойнтон. Но это было не во сне! Он видел ее наяву, стоявшую около его кровати в палатке. Может быть, она зашла туда, чтобы положить на место шприц, который она только что использовала?

Жиневра подняла голову. Ее широко открытые глаза смотрели на Пуаро без всякого выражения.

— Это невозможно!— воскликнул доктор Жерар.

— С точки зрения психологии?— спросил Пуаро.

Жерар опустил глаза.

— Это абсолютно невозможно!— резко сказала Надин.

— Почему вы так считаете, мадам?— быстро повернувшись к ней спросил Пуаро.

Она прикусила губу.

— Я не хочу даже слышать об этом. Мы все прекрасно понимаем, что это невозможно.

Жиневра беспокойно шевельнулась. На ее лице появилась трогательная, бессознательная улыбка.

Надин повторила:

— Это невозможно.

Пуаро слегка поклонился.

— Мадам, вы очень умны.

— Почему вы так говорите, месье Пуаро?— спокойно спросила Надин.

— У меня давно уже создалось впечатление, что у вас прекрасная голова.

— Вы мне льстите.

— Думаю, что нет. Вы все время очень спокойно и трезво наблюдали за происходящим. Вы были внешне в очень хороших отношениях с вашей свекровью, в то же время внутренне осуждая и ненавидя ее. Мне кажется, вы уже давно поняли, что единственный способ для вашего мужа обрести счастье – это уйти из дома, стать самостоятельным, несмотря на все трудности, какие могут встретиться на этом пути. Вы согласны были идти на любой риск и пытались повлиять на своего мужа. Но вам не удалось это сделать. У Леннокса Бойнтона не было больше стремления к свободе.

Я ни на минуту не сомневаюсь, мадам, в том, что вы любите вашего мужа. Ваше желание уйти от него не было продиктовано большим чувством к другому мужчине. Это была последняя попытка отчаянья. У женщины в вашем положении только три возможности: умолять, убеждать — но это, как я уже сказал, эффекта не дало — угрожать разводом — думаю, что и эта угроза не произвела никакого действия на Леннокса Бойнтона, она могла вызвать у него только новый приступ отчаяния, но не побудить к борьбе. Тогда оставалось последнее средство — уйти с другим. Ревность и инстинкт собственника — это самые сильные инстинкты любого мужчины. Вы еще раз доказали свою мудрость, попытавшись сыграть на этих древних инстинктах. Если бы Леннокс спокойно согласился вас отпустить, не попытавшись удержать, значит, ему уже ничто не в силах помочь, и вам оставалось только начать новую жизнь без него.

Давайте допустим, что даже эта ваша попытка провалилась. Ваш муж в отчаянье, но тем не менее он ведет себя не так, как вы рассчитывали и спокойно соглашается с вашим

уходом. Что в такой ситуации могло бы спасти вашего мужа от умственной деградации? Только одно — смерть его мачехи. Тогда у него появилась бы возможность начать жизнь сначала свободным человеком, обретя независимость и самоуважение.

Надин не сводила глаз с Пуаро.

— Вы предполагаете,— спокойно сказала она,— что я способствовала тому, что произошло? Вы неправы. После того, как я сообщила миссис Бойнтон о своем решении, я пошла к тенту, там уже находился Леннокс. Оттуда я никуда не отлучалась до того самого момента, когда нам сообщили о ее смерти. Возможно, потрясение, которое она испытала, могло стать причиной естественной смерти. Но если вы утверждаете (хотя у вас нет никаких доказательств), что она была убита, тогда меня в ее смерти обвинить нельзя.

— Вы сказали, что все время находились под тентом и никуда не отлучались, пока вам не сообщили о смерти вашей сверкови? Именно это и показалось мне странным.

— Что вы имеете в виду?

— Посмотрите. Пункт 9— в 6.30, когда ужин был готов, за миссис Бойнтон послали слугу.

— Я вас не понимаю,— с удивлением воскликнул Раймонд.

— И я тоже,— поддержала его Кэрол.

Пуаро внимательно на них посмотрел.

— Так значит, вы не поняли? Послали с л у г у. Почему слугу? Вы всегда так усердно ухаживали за миссис Бойнтон. Обычно вы всегда сами сопровождали ее к столу? Разве я не прав? Ей было трудно идти, трудно подняться с кресла без вашей помощи. Всегда кто-нибудь из вас был возле нее. Мне кажется, что в такой ситуации самое естественное было бы кому-нибудь из вас пойти и помочь ей. Однако никто из вас не сдвинулся с места и не предложил это сделать.

— Это абсурд!— резко сказала Надин.— В тот вечер мы все очень устали. Конечно, нам следовало бы пойти.

— Именно в тот вечер!— подчеркнул Пуаро,— а ведь вы, мадам, больше чем кто-либо другой ухаживали за ней. Вы считали это своей прямой обязанностью. Но в тот вечер вы не вызвались ей помочь. Почему? Я несколько раз задавал себе этот вопрос. И я, наконец, нашел ответ. Нет, нет, не прерывайте меня, мадам,— Пуаро поднял руку.— Нашлись свидетели, которые видели, как вы разговарива-

ли с миссис Бойнтон. Видели, но не могли слышать, о чем вы говорили. Леди Вестхолм и мисс Пиерс издалека видели, как вы подошли к миссис Бойнтон и, очевидно, с ней говорили. Мне хочется высказать вам свою точку зрения. Вы умны, мадам, и если бы вы решили избавиться от своей свекрови, вы бы заранее, не спеша, все продумали. Пока доктор Жерар был на прогулке, вы беспрепятственно заходите в его палатку. Вы уверены, что у него найдется необходимое лекарство. В этом вам помогает ваш медицинский опыт. Вы выбираете дигитоксин — лекарство одного рода с дигиталисом, который принимает миссис Бойнтон. Заодно вы берете у него шприц, так как ваш куда-то пропал. Вы надеетесь, что успеете вернуть его на место, и доктор ничего не заметит. Прежде чем приступить к осуществлению вашего плана, вы еще раз пытаетесь уговорить вашего мужа уйти из дома. Вы говорите ему, что собираетесь выйти замуж за Джефферсона Коппа. Но, хотя мистер Бойнтон очень огорчен, он ничего не предпринимает, не реагирует так, как вы хотите, поэтому вы вынуждены начать осуществление своего плана убийства. Вы возвращаетесь в кемпинг, остановившись по дороге поболтать с леди Вестхолм и мисс Пиерс. Затем вы подходите к миссис Бойнтон, держа наготове шприц (для вас не составляет труда схватить ее за руку) и с профессиональной ловкостью втыкаете иглу. Все происходит настолько быстро, что ваша свекровь не успевает опомниться. Со стороны видно только, что вы наклонились над миссис Бойнтон и что-то ей говорте. Затем вы приносите стул и садитесь около нее, продолжая что-то говорить. Смерть наступает мгновенно, так что вы разговариваете уже с трупом, но кто может это предположить? Потом вы относите обратно свой стул и идете к тенту, где уже сидит ваш муж. Вы очень осторожны и никуда не отлучаетесь. Естественно, смерть миссис Бойнтон будет объяснена сердечным приступом. Единственное, что вы не можете сделать, это сразу вернуть доктору Жерару его шприц, так что доктор лежит в палатке с приступом малярии, и вы не можете предположить, что он уже обнаружил пропажу своего шприца. И это — единственное слабое место в вашем прекрасно организованном преступлении.

В комнате воцарилась мертвая тишина. Леннокс резко поднялся с места.

— Нет!— воскликнул он,— это ложь! Надин ничего не делала. Она ничего не могла сделать. Моя мачеха уже была мертвой!

— Ах, даже так?— Пуаро внимательно на него посмотрел,— значит, это вы ее убили, мистер Бойнтон?

Снова наступило молчание. Леннокс бессильно опустился в кресло и закрыл лицо дрожащими руками.

— Да, вы правы. Это я ее убил.

— И вы взяли дигитоксин у доктора Жерара?

— Да.

— Когда вы это сделали?

— Как... как вы уже сказали — утром.

— А шприц?

— Шприц? Тоже я взял.

— Почему вы ее убили?

— Вы можете еще спрашивать?

— Да, мистер Бойнтон, меня это интересует.

— Но вы же знаете. Жена хотела уйти от меня к мистеру Коппу.

— Но вы об этом узнали значительно позднее?

— Да. Конечно. Когда мы были на прогулке...

— А яд и шприц вы взяли утром, еще до того, как узнали...

— Что вы меня мучаете вопросами,— Леннокс провел дрожащей рукой по лбу,— какое это теперь имеет значение?

— Очень большое, мистер Леннокс. Я настоятельно советую вам сказать правду.

— Правду?— Леннокс посмотрел на Пуаро с удивлением.

Надин быстро повернулась к мужу.

— Правда то, что я сказала.

— Боже мой, я скажу,— прервал ее Леннокс,— но я не уверен, что вы мне поверите.

Он глубоко вздохнул.

— В тот день после разговора с Надин я чувствовал себя совсем разбитым. Мне не верилось, что она когда-нибудь сможет от меня уйти. Я был на грани сумасшествия, и у меня было такое ощущение, как будто земля уходит из-под ног. Я шел, как пьяный, или как после тяжелой болезни.

Пуаро кивнул.

— Я на это обратил внимание, когда леди Вестхолм описывала встречу с вами. Поэтому я не поверил вашей

жене, сказавшей, что разговор на эту тему у вас произойдет только под тентом, незадолго до ужина. Продолжайте, мистер Бойнтон.

— Я шел как во сне, с трудом сознавая, что я делаю. Но по мере того, как я приближался к кемпингу, я мало-помалу приходил в себя. Мне не давала покоя мысль, что во всем я должен винить только самого себя. Несчастный слизняк! Я должен был давно уже уйти из дома, освободиться от влияния мачехи. Неожиданно мне показалось, что еще не все потеряно, и тут я увидел ее — этого дьявола, сидевшего, как идол, около красной скалы. Я подошел к ней, решив высказать ей все немедленно и заявить, что я ухожу. У меня появилась дикая идея уехать с Надин сейчас же, в тот же вечер.

— О, Леннокс, дорогой,— как вздох прозвучал голос Надин.

— Я подошел к ней . . . Мой Бог, она была мертва! Я не знал, что сделать. Я стоял ошеломленный. Все, что я хотел ей сказать, застыло у меня комом в горле. Не соображая, я взял у нее с колен часы и надел ей на руку,— он вздрогнул,— это было ужасно. Потом я буквально заставил себя пойти к тенту. Конечно, мне надо было кого-то позвать, но я не мог. Я сидел и перелистывал страницы.

Леннокс на минуту замолчал и потом сказал:

— Вы мне, конечно, не верите. Почему я никого не позвал? Почему не сказал ничего Надин? Я не знаю.

Доктор Жерар откашлялся.

— Все очень легко объяснимо, мистер Бойнтон. У вас было два очень сильных нервных потрясения. Они и привели вас в такое состояние. В медицине оно классифицируется как реакция Вайсенхолтера. Я постараюсь вам объяснить на примере птицы, ударившейся об оконное стекло. Она некоторое время воздерживается от каких-либо движений, инстинктивно стремясь привести в порядок нервные центры. К сожалению, я недостаточно владею английским, чтобы иметь возможность вам объяснить, что происходит в организме с научной точки зрения. Единственное, что я хочу вам сказать: иначе вы вести себя не могли. Принять какое-либо решение вы тоже не могли. У вас был период умственного паралича.

Повернувшись к Пуаро, он сказал:

— Я уверяю вас, мой друг, что это именно так.

— О, я не сомневаюсь. Я обратил внимание на то, что мистер Бойнтон надел часы на руку миссис Бойнтон. Этот

факт может иметь два объяснения: первое — за этим жестом может скрываться сам акт убийства; второе — миссис Леннокс Бойнтон его неверно истолковала, хотя она его и заметила. Она вернулась через пять минут после своего мужа, поэтому вполне естественно предположить, что она видела эту сцену. Когда она затем подошла к своей свекрови и обнаружила ее мертвой, заметив след от иглы у нее на руке, то решила, что убийство совершил ее муж, и на это его подтолкнул недавний разговор и ее решение с ним расстаться. Короче говоря, Надин Бойнтон пришла к заключению, что она воодушевила его на убийство.

— Это так, мадам?

Наклонив голову, она спросила:

— Вы меня подозреваете, месье Пуаро?

— Я не исключал такой возможности.

Надин подалась вперед.

— А сейчас? Что же в действительности произошло, месье Пуаро?

ГЛАВА XXIV

— Что же в действительности произошло?— повторил Пуаро.

Он подвинул к себе стул и сел.

— В этом весь вопрос, не так ли? Дигитоксин и шприц похищены, на руке миссис Бойнтон обнаружен след от иглы. Через несколько дней вскрытие даст нам точный ответ, умерла ли миссис Бойнтон от передозировки дигиталиса или нет. Но тогда, возможно, будет слишком поздно! Будет лучше, если мы узнаем правду сегодня, когда убийца находится в пределах досягаемости.

Надин резко выпрямилась.

— Вы все еще думаете, что это сделал кто-то из нас?

Не ответив на ее вопрос, Пуаро продолжал:

— Вернемся опять к тем двум фактам, на которые я уже обратил внимание. Факт первый: миссис Бойнтон принимала микстуру, содержащую дигиталис. Факт второй. У доктора Жерара пропал шприц. Сопоставьте эти факты с тем, что поведение семьи Бойнтонов подтверждало их вину. Из этого можно сделать один вывод: преступление совершил один из членов этой семьи. И все же все факты в отдельности говорили против такого предположения. А теперь давайте немного порассуждаем. Взять концентри-

рованный раствор дигиталиса — очень умная мысль, потому что миссис Бойнтон принимала это лекарство уже давно. Но что бы тогда сделал член ее семьи? Он налил бы дигиталис в пузырек с микстурой. Это сделал бы любой здравомыслящий человек, любой, кто имел доступ к ее лекарству. Рано или поздно миссис Бойнтон примет этот препарат и неизбежно умрет. И если даже в микстуре будет обнаружен дигитоксин, в этом обвинят провизора и ничего не смогут доказать.

— Но к чему тут пропажа шприца?

— Здесь могут быть два объяснения: или доктор Жерар ошибся и просто не заметил шприц, или шприц взяли потому, что убийца не смог добраться до микстуры, а значит, убийца не из этой семьи. Убийца кто-то посторонний! Я обратил на это внимание, хотя меня поставило в тупик поведение Бойнтонов. Возможно ли при таком поведении (а они вели себя с сознанием вины) быть непричастным к убийству? Я решил доказать, что они не виноваты. Убийство совершено посторонним человеком, человеком, который не настолько близок с миссис Бойнтон, чтобы зайти к ней в палатку или дать ей лекарство.

Он помедлил.

— В этой комнате находятся три человека, которые, хотя и являются чужими для этой семьи, однако имеют с ней определенные связи. Мистер Коп знаком с семьей уже несколько лет. Был ли он заинтересован в этом убийстве? По-видимому, нет. Более того, смерть миссис Бойнтон разрушила все его планы и надежды на счастье. И, так как мистера Коппа обуревало фанатичное стремление творить добро, у него не было причины желать смерти миссис Бойнтон, если у него нет какого-либо неизвестного нам мотива.

— Вы должны знать,— с достоинством сказал мистер Копп,— у меня не было никакой возможности совершить это преступление, кроме того, я считаю человеческую жизнь священной.

— Ваша позиция безупречна,— торжественно сказал Пуаро и, повернувшись, посмотрел на Сару Кинг.

— Теперь поговорим о мисс Кинг. У мисс Кинг есть определенный мотив, у нее имеются необходимые медицинские познания, и она человек с решительным характером, но, так как она ушла из лагеря вместе с другими до

3.30 и вернулась только в шесть часов, совершенно ясно, что у нее не было возможности убить миссис Бойнтон.

— Следующий у нас доктор Жерар. Здесь мы должны принять во внимание время совершения преступления. В соответствии с показаниями мистера Леннокса Бойнтона его мачеха была мертва уже в 4.35, а по показаниям леди Вестхолм и мисс Пиерс она была жива в 4.15, когда они уходили на прогулку и по дороге встретили идущего в кемпинг доктора Жерара. Но куда направился доктор Жерар, никто не мог видеть, потому что эти две леди не оборачивались. Поэтому вполне можно допустить, что убийство совершил доктор Жерар. Так как он врач, он мог прекрасно симулировать приступ малярии. Кроме того, имеется вполне допустимый мотив. Доктор Жерар, возможно, хотел спасти одного человека, за рассудок которого он опасался, и решил пожертвовать жизнью миссис Бойнтон, чтобы спасти другую жизнь.

— Это чистой воды фантастика,— воскликнул доктор Жерар.

Не обратив внимания на его слова, Пуаро продолжал:

— Но если это так, почему доктор Жерар первый заподозрил преступление? Посмотрим дальше: только что миссис Леннокс Бойнтон категорически отрицала возможность совершения преступления Жиневрой Бойнтон. Ее точка зрения основывалась на том, что, когда она подошла к своей свекрови, та уже была мертва. Но вспомните: Жиневра Бойнтон находилась в кемпинге все время после ленча, когда все ушли.

Жиневра вздрогнула. Подавшись вперед, она пристально посмотрела на Пуаро и спросила:

— Вы думаете это сделала я?

Девушка внезапно вскочила и, подбежав к тому месту, где сидел Жерар, опустилась перед ним на колени. Все ее движения привлекали необычайной грациозностью. Она схватила его за руки и, умоляюще глядя на него, воскликнула:

— Нет! Нет! Не разрешайте им так говорить! Это неправда! Я ничего не сделала! Это — мои враги, они хотят меня посадить в тюрьму! Вы должны мне помочь!

— Успокойтесь, дитя мое.— Доктор Жерар нежно погладил ее по голове и, обращаясь к Пуаро, сказал:

— Все, что вы сказали, абсурдно.

— Мания преследования,— тихо пробормотал Пуаро.

— Да, но этого она сделать не могла. Я имею в виду — таким способом. Если бы она это сделала, она выбрала бы какой-нибудь эффектный ход, а не действовала бы так хладнокровно и продуманно. Это было хорошо обдуманное преступление, в основе которого лежали глубокие мотивы.

Пуаро улыбнулся.

— Я полностью с вами согласен.

ГЛАВА XXV

— Доктор Жерар сделал акцент на психологии. Так что давайте рассмотрим психологическую сторону этого преступления. Мы обсудили факты, установили хронологическую последовательность событий и выслушали свидетельские показания. Теперь нас прежде всего должна интересовать психология самой миссис Бойнтон.

Давайте рассмотрим пункты 3 и 4.

«Миссис Бойнтон доставляет удовольствие не давать детям общаться с другими людьми».

«Миссис Бойнтон отправила свою семью на прогулку именно в этот день».

Эти два факта явно противоречат один другому. Почему именно в этот день миссис Бойнтон отступает от своей обычной политики? Может быть в ней проснулась благожелательность? Или у нее смягчилось сердце? Лично для меня, после того, что я о ней узнал, это кажется неприемлемым. Здесь должна быть очень серьезная причина. Но что за причина?

Что мы знаем о характере миссис Бойнтон? Существует несколько точек зрения. Она была приверженцем тирании; она была моральным садистом; она была олицетворением зла; она была ненормальна психически. Кто же была она на самом деле? Какая точка зрения наиболее верна? Мне кажется, что наиболее точно это определила мисс Кинг, когда в минуту озарения она увидела миссис Бойнтон жалкой. И не только жалкой, но и беспомощной. Попытаемся теперь понять ее моральное состояние. Она родилась с безмерным честолюбием, с жаждой власти, с желанием производить впечатление на окружающих, и она всеми силами старалась осуществить свои желания. Но каков был результат? Она имела власть только над небольшой группой людей — она не была всесильна! Она не могла

внушать страх каждому, кого бы ни встретила! Она была всю жизнь всего-навсего маленьким домашним тираном. И, как сказал мне доктор Жерар, ей стало скучно, ей надо было расширить арену своего влияния, ей требовались новые острые ощущения. Но, оказавшись за границей, она поняла свою незначительность, даже ничтожность.

А теперь мы остановимся на тех словах миссис Бойнтон, которые слышала мисс Кинг в Иерусалиме и приняла на свой счет. Послушайте очень внимательно, что было сказано: «Я никогда не забываю ничего: ни поступка, ни имени, ни лица». Миссис Бойнтон произнесла эти слова очень злобно, не глядя на мисс Кинг. Они произвели огромное впечатление на мисс Кинг. Особенно то напряжение, с каким они были произнесены, и сам тон. Но, заметьте, мои друзья, это не мог быть ответ Саре Кинг: «Я никогда ничего не забываю, ни поступка, ни имени, ни лица». В этих словах не виден смысл. Если бы она сказала: «Я никогда не забываю оскорбления», но она сказала: «лица». Значит, эти слова, якобы предназначавшиеся мисс Кинг, были адресованы другому лицу. Человеку, который стоял за спиной мисс Кинг.

Он замолчал, наблюдая, какое впечатление это произвело на окружающих.

— Это был психологически страшный момент в жизни миссис Бойнтон. Молодая и умная женщина показала миссис Бойнтон, как она выглядит со стороны. Она была полна ярости, и в этот момент она кого-то узнала — человека из своего прошлого.

Теперь вернемся к нашему предположения о постороннем! Тогда становится понятным то неожиданное благодушие, с каким миссис Бойнтон отправила свою семью на прогулку. Она хотела отделаться от своей семьи, чтобы поймать на свой крючок еще одну рыбку. Ей нужно было свободное поле деятельности для разговора с новой жертвой. А теперь посмотрим на события с этой точки зрения. Семья уходит на прогулку, и миссис Бойнтон остается одна. Рассмотрим внимательно показания леди Вестхолм и мисс Пиерс. К сожалению, мисс Пиерс очень ненаблюдательна и легко внушаема. Но обе леди подтверждают один и тот же факт: какой-то араб приблизился к миссис Бойнтон, вызвал у нее раздражение и поспешно удалился. Более того, леди Вестхолм утверждает, что этот араб вышел из палатки Женевры Бойнтон. Однако ее палатка

0017—5

находится рядом с палаткой доктора Жерара. Возможно араб заходил в палатку доктора Жерара?

Полковник Кэрбери резко прервал Пуаро:

— Не хотите ли вы сказать, что один из бедуинов сделал инъекцию старой леди и убил ее? Это же ерунда! Фантастика!

— Подождите, полковник, я еще не закончил. Давайте предположим, что араб мог выйти из палатки доктора Жерара, а не Жиневры Бойнтон. Что из этого следует? Обе дамы подтверждают, что не могли видеть его лица и не слышали, что он говорил. Это легко объяснить. Расстояние между ними было около двухсот ярдов. Леди Вестхолм дала четкое описание его внешности.

Пуаро подался вперед.

— Именно это очень странно. Если леди Вестхолм не могла рассмотреть его лица, то как тогда она могла заметить, что у него рваные брюки! В этом была ошибка, и она подсказала мне интересную мысль. С какой целью так настаивать на рваных брюках? Возможно, потому, что брюки не были рваными? Леди Вестхолм и мисс Пиерс обе видели араба, но они не могли видеть друг друга. Это ясно из того факта, что леди Вестхолм специально пошла посмотреть, встала ли мисс Пиерс, и нашла ее сидящей у палатки.

— Боже мой!— воскликнул полковник Кэрбери,— неужели вы предполагаете...

— Я предполагаю, что убедившись в том, что мисс Пиерс (а ей нужен был свидетель) сидит у палатки, леди Вестхолм вернулась к себе, надела свои брюки, пиджак, сделала чалму из пряжи и направилась к палатке доктора Жерара. Там она нашла подходящее лекарство и шприц. Затем она подошла к своей жертве. Возможно, миссис Бойнтон дремала. Леди Вестхолм действовала быстро. Она схватила ее руку и моментально сделала укол. Миссис Бойнтон попыталась встать, но упала обратно в кресло, а «араб», приняв виноватый вид, быстро ретировался. Миссис Бойнтон погрозила ему вслед палкой, попыталась снова встать, но не смогла.

Спустя пять минут леди Вестхолм уже присоединилась к мисс Пиерс, и они с негодованием обсуждали сцену с арабом, притом леди Вестхолм внушила мисс Пиерс версию увиденного. Затем они идут на прогулку, задержавшись около уступа, где сидит уже мертвая миссис Бойнтон

и леди Вестхолм замечает: «Какая грубость! Фыркнуть в ответ на наши слова!»

Мисс Пиерс немедленно соглашается с этим, и впоследствии она может поклясться в том, что она действительно это слышала. Леди Вестхолм очень часто в своей жизни встречалась с таким типом женщин, как мисс Пиерс, и хорошо знает, насколько они внушаемы. Единственное, что ей не удалось сделать, это вернуть доктору Жерару шприц, но она надеялась сделать это ночью.

Пуаро замолчал.

— Но почему? Почему леди Вестхолм хотела убить миссис Бойнтон?— воскликнула Сара.

— Помните, вы мне рассказали, что во время вашего разговора с миссис Бойнтон леди Вестхолм стояла очень близко от вас? Так вот, именно к леди Вестхолм и относились слова миссис Бойнтон: «Я никогда ничего не забываю...» Сопоставьте это с тем, что миссис Бойнтон работала надзирательницей в тюрьме, и вы сможете догадаться, в чем тут дело. Лорд Вестхолм познакомился со своей будущей женой, когда возвращался на лайнере из Америки. Леди Вестхолм до своего замужества сидела в тюрьме. Теперь вы понимаете, в каком затруднительном положении она оказалась. Ставкой была вся ее жизнь: ее карьера, честолюбие, положение в обществе. К сожалению, мы не знаем, за какое преступление она отбывала наказание (хотя скоро это выяснится). Но какое бы оно ни было, оно начисто разрушало ее политическую карьеру, выплыви оно наружу. Примите во внимание и то, что миссис Бойнтон не была обычной шантажисткой. Ей не нужны были деньги. Ей доставляло наслаждение сначала помучить свою жертву, а потом в любом случае раскрыть правду и притом самым эффектным образом. Нет, пока миссис Бойнтон была жива, леди Вестхолм не могла чувствовать себя в безопасности. Она выполнила указание миссис Бойнтон и последовала за ней в Петру. В душе она противилась убийству, однако тут предоставлялся единственный шанс, и она воспользовалась им с присущей ей решительностью.

Тем не менее, она допустила два просчета: первый — слишком подробное описание рваных брюк, что и привлекло мое внимание; второй — она спутала палатку доктора Жерара и сначала зашла в палатку Жиневры Бойнтон, где та лежала в полудреме. Вот оттуда и рассказ девушки о переодетом шейхе.

Он замолчал.

— Вскоре мы узнаем все подробности. Я получил сегодня отпечатки пальцев леди Вестхолм. Когда их отправят в ту тюрьму, где она отбывала наказание и где миссис Бойнтон была надзирательницей, мы получим ответ на все наши вопросы.

В наступившей тишине послышался выстрел.

— Что это?— спросил доктор Жерар.

— Выстрел. В соседней комнате,— ответил полковник,— между прочим, кто занимает тот номер?

Пуаро тихо произнес:

— Мне кажется, там жила леди Вестхолм.

ГЛАВА XXVI

Сообщение в вечерней газете:

«С глубоким прискорбием сообщаем о внезапной трагической кончине леди Вестхолм. Леди Вестхолм, будучи страстной поклонницей путешествий по экзотическим странам, всегда возила с собой небольшой револьвер. Однажды, собираясь почистить оружие, она случайно нажала на спусковой курок. Последовал выстрел, которым леди Вестхолм была убита наповал.

Выражаем глубокое соболезнование лорду Вестхолму по поводу постигшей его тяжелой утраты».

* * *

Пять лет спустя, в теплый июньский вечер, Сара Бойнтон с мужем смотрели «Гамлета» на сцене Лондонского театра.

Сжав руку Раймонда, Сара вслушивалась в звуки мелодичного, прекрасно поставленного голоса.

Когда занавес упал, Сара сказала:

— Джинни — великая актриса!

Позднее, когда они сидели за ужином в «Савое», Жиневра с улыбкой повернулась к своему спутнику:

— Как я сегодня играла, Теодор? Тебе понравилось?

— Ты была великолепна, дорогая.

Ее лицо озарилось счастливой улыбкой, и она прошептала:

— Ты всегда в меня верил. Ты знал, что я стану великой актрисой . . .

Надин, сидящая напротив Жиневры, заметила:

— Как чудесно видеть такой успех Джинни в Лондоне!

Все еще улыбаясь, Джинни ответила:

— Чудесно, что вы приехали, дорогие.

Надин окинула взглядом сидящих за столом — обычная семейная вечеринка — и, повернувшись к Ленноксу, спросила:

— Может, мы позволим детям сходить на утреннее представление? Они мечтают увидеть тетю Джинни на сцене.

Леннокс, спокойный и счастливый, кивнул и поднял бокал.

— Давайте выпьем за молодоженов, мистера и миссис Копп.

— Я согласна,— смеясь, воскликнула Кэрол,— только пусть Джефф сначала выпьет за свою первую любовь. Она же сидит как раз напротив!

Раймонд весело заметил:

— Посмотрите только на Джеффа! Он покраснел! Ему не нравится вспоминать о прошлом!

Голос его дрогнул, и он замолчал. Сара ласково погладила мужа по руке.

— Это был всего лишь страшный сон.

Возле их стола появился необыкновенно модно одетый джентельмен с роскошными, гордо закрученными кверху усами. Джентльмен вежливо поклонился.

— Мадемуазель,— обратился он к Жиневре,— вы были верхом совершенства!

Все сидевшие за столом радостно приветствовали Эркюля Пуаро.

Его усадили рядом с Сарой и, когда начался общий разговор, он наклонился к ней и тихо спросил:

— Кажется, у семьи Бойнтонов все идет хорошо?

— Благодаря вам.

— Ваш муж становится знаменитым. Я сегодня прочел отзыв на его последнюю книгу.

— По-моему, он того заслуживает. Вы знаете, Кэрол и Джефферсон Копп наконец поженились? А у Леннокса и Надин пара чудеснейших ребятишек. Ну, а что касается Джинни — я считаю, она гениальна,— и Сара посмотрела на прелестное лицо в ореоле золотистых волос. Вздрогнув, она поднесла бокал к губам.

— Вы хотите предложить тост, мадам?— спросил Пуаро.

Сара покачала головой.

— Я вдруг вспомнила о Ней. Когда я посмотрела на Джинни, я впервые заметила, как они похожи!

— Только Джинни — воплощение света, а Она была порождением Тьмы.

Неожиданно послышался голос Жиневры.

— Бедная мама, какая она была странная. И сейчас, когда мы все так счастливы, мне ее стало очень жаль. Она ничего не добилась в своей жизни! Ей было так тяжело!

АГАТА КРИСТИ

Разбитое зеркало

Глава I

Вся комната была обставлена современной мебелью, за исключением составляли огромные старинные кресла с высокими прямыми спинками. В одном из них сидел пожилой мужчина с яйцеподобной головой. Месье Пуаро внимательно читал только что полученное письмо:

«Месье Эркюлю Пуаро.

Дорогой Сэр!

Дело необычайной важности побудило меня написать это письмо. В связи с тем, что я слышал о Вас очень хорошие отзывы, я счел возможным довериться Вам. У меня есть причины думать, что я оказался жертвой обмана, но по сугубо личным причинам я не могу обратиться в полицию. Я пытаюсь сам разобраться в сложившейся ситуации, но Вы должны быть готовы прибыть ко мне в любое время по получении моей телеграммы. На мое письмо Вы можете не отвечать.

С уважением

Жерве Шевени-Гор.»

Месье Пуаро с удивлением поднял брови.

— Кто же этот Жерве Шевени-Гор?

Он подошел к книжному шкафу и вынул большой, довольно потрепанный фолиант.

«Шевени-Гор, сэр Жерве Франсуа Ксавье, родился 18 мая 1878 года, старший сын сэра Ги Шевени-Гор и леди Клод Бретертон (вторая дочь графа Уоллингфирд). Женат в 1912 году на Ванде Элизабет, старшей дочери полковника Фредерика Арбатнот; окончил Итон; участвовал в войне 1914—1918 гг.; любимые занятия: путешествия, большая охота. Адрес: Хамборо, Вестшир; клубы: путешественников, кавалеристов ».

Написанное не удовлетворило Пуаро, и он, покачав головой, подошел к письменному столу и, выдвинув ящик, достал оттуда пачку приглашений.

— Это то, что мне надо! Он должен обязательно там быть.

* * *

— Чудесно, что Вы смогли меня посетить, месье Пуаро!— воскликнула герцогиня.

— Мадам, счастлив видеть вас,— склонился в поклоне Пуаро.

После того как он был представлен известному дипломату и популярной актрисе, ему, наконец, удалось найти человека, ради которого он сюда пришел,— мистера Саттертвейта.

— Герцогиня просто великолепна,— щебетал мистер Саттертвейт. — Я в восторге от ее приемов... Мы очень часто виделись с ней на Корсике.

Дальше мистер Саттертвейт принялся перечислять всех титулованных особ, с которыми он встречался во время своих путешествий. Ему, ярко выраженному сноб, тем не менее нельзя было отказать в наблюдательности, он прекрасно разбирался в человеческой натуре.

— Мой дорогой Пуаро, мне кажется, мы не виделись целую вечность. До сих пор не могу забыть то дело, когда мне посчастливилось наблюдать вас за работой. Между прочим, я видел леди Мэри на прошлой неделе. Очаровательная женщина!

Поболтав еще немного о скандальных происшествиях в высшем обществе, Пуаро удалось упомянуть, как бы между прочим, имя Жерве Шевени-Гор.

Саттертвейт молниеносно среагировал:

— Вот это характер! Вы знаете его прозвище? Последний Баронет!

— Извините, я не совсем вас понимаю.

— Это, конечно, шутка. Он не последний баронет в Англии. Он последний баронет своей эпохи. Он представляет тип баронета прошлого столетия, столь популярного в литературе того времени,— человека, который заключал немыслимые, фантастические пари и притом всегда их выигрывал. В молодые годы барон совершил кругосветное

путешествие на своей яхте, участвовал в экспедициях на Северный полюс и был завзятым дуэлянтом. Кроме того, его имя связывалось с экстраординарными шутками: однажды он верхом на лошади въехал по лестнице во дворец к герцогу, а как-то в театре в середине акта выпрыгнул из своей ложи прямо на сцену и унес на руках примадонну. О нем ходили бесчисленные анекдоты.

— Он принадлежит к очень древнему роду,— продолжал мистер Саттертвейт.— Один из его предков участвовал в Первом Крестовом походе. Сейчас этот род угасает, и Жерве — последний его представитель.

— Барон обнищал?

— Нет. Он сказочно богат. Ему принадлежат богатейшие угольные копи где-то в Южной Америке, где он жил в юности. Удивительный человек. Ему всегда и во всем чертовски везло.

— Сейчас он, наверное, в преклонном возрасте?

— Да,— вздохнул мистер Саттертвейт,— многие считают, что он сошел с ума. Не верьте. Это не так. Просто он необычный, оригинальный человек.

— И его оригинальность с годами перешла в эксцентричность?

— Вы совершенно правы. Именно это с ним и произошло.

— Не страдает ли он манией величия?

— Именно так. Я думаю, для него весь мир делится на две категории: члены его семьи и все остальные.

— Преувеличенное чувство значимости своего рода?

— Да. Все они чертовски высокомерны, и для них существуют только их собственные законы. Послушали бы вы, как он говорит! Так, словно он — сам Господь Бог.

Пуаро понимающе кивнул.

— Я это понял, прочитав его письмо. Он не просил, он требовал исполнения своего желания.

— Королевский приказ,— усмехнулся мистер Саттертвейт.

— Вы очень точно определили. Он даже не допускает мысли о том, что я, Эркюль Пуаро, могу быть занят, что мне не удастся отложить свои дела и что я, в конце концов, не должен, как послушная собака, бежать по первому его зову.

Мистер Саттертвейт закусил губу, чтобы сдержать улыбку.

— Но если у него что-нибудь срочное?

— Не думаю. Он просто хочет иметь меня всегда рядом в своем распоряжении на тот случай, если что-нибудь с ним случится,— с возмущением возразил Пуаро.

— Значит, вы отказались?

— Пока у меня не было такой возможности.

— Но вы собираетесь отказаться?

— Трудно сказать,— Пуаро задумчиво произнес,— первой моей мыслью было отказаться. Но что-то меня удержало. Мне трудно вам это объяснить.

Казалось, мистер Саттертвейт не удивился, услышав подобное объяснение, и только заметил:

— Это интересно.

— Мне кажется, — продолжал Пуаро,— барон принадлежит к легко ранимым людям.

— Уязвимым,— уточнил мистер Саттертвейт.

На какой-то момент он задумался и затем медленно произнес:

— Мне кажется, я понимаю, что вы имеете в виду. Барон одет в броню своей гордости, и она мешает ему видеть существующую опасность.

Пуаро кивнул головой.

— У него большая семья?

— Его жена, Ванда — дочь сэра Арбатнота. Красавица. Она предана Жерве душой и телом. К сожалению, очень увлечена оккультными науками. Носит различные амулеты, искренне верит в реинкарнацию и уверяет, что в прошлой жизни была царицей Египта.

Руфь — приемная дочь. У Жерве и Ванды своих детей нет. Руфь очень привлекательная, современная девушка. Вот и вся их семья, если не считать Гуго Трента, племянника Жерве. Полина Шевени-Гор вышла замуж за Реги Трента, и Гуго их единственный ребенок. Он сирота. Титул наследовать он не может, но, я думаю, ему перейдет большая часть наследства. Очень приятный юноша. Он служит в морских войсках.

Внимательно выслушав, Пуаро спросил:

— Думаю, сэр Жерве очень переживает, что у него нет наследника?

— Да. Это его больное место.

— Честь его семьи имеет для него громадное значение?

— Да.

Помолчав, мистер Саттертвейт с интересом спросил:

— Значит, вы считаете, у вас есть серьезная причина ехать к сэру Жерве?

— Нет,— медленно покачал головой Пуаро,— явных причин нет. Но, тем не менее, я поеду.

Глава II

Эркюль Пуаро сидел в углу купе скорого поезда. Задумчиво он вынул из кармана аккуратно сложенную телеграмму, развернул и снова перечитал:

«Садитесь на скорый шестнадцать тридцать. Потребуйте остановить экспресс в Уимперли. Шевени-Гор».

Пуаро сложил телеграмму и спрятал ее в карман. Когда же проводник услышал о его желании сойти в Уимперли, то принял это как должное.

— Джентльмен едет в Хамборо Клоз? О, гости сэра Жерве всегда останавливают экспресс в Уимперли.

После этого разговора проводник два раза наведывался в купе Пуаро: первый раз — подтвердить, что поезд обязательно будет остановлен, и второй раз — извиниться, что поезд опаздывает на десять минут

Выйдя на платформу, Пуаро увидел шофера в зеленой ливрее.

— Мистер Пуаро? Машина ждет вас.

Он принял у Пуаро его саквояж и пошел вперед к выходу из вокзала. На улице стоял огромный «роллс-ройс». Шофер распахнул дверцу и, когда Пуаро сел, укрыл его ноги меховым покрывалом.

Поездка заняла около десяти минут. Машина через огромные ворота, украшенные каменными грифонами, въехала в парк и вскоре остановилась у дома. Дверь открыл дворецкий.

— Мистер Пуаро? Прошу вас сюда.

Он провел Пуаро через огромный холл и открыл дверь в комнату, где находилось несколько человек, одетых в вечерние костюмы и платья. Пуаро заметил, что его появление оказалось для всех неожиданностью. Глаза присутствующих были с удивлением обращены на него. Наконец высокая черноволосая женщина сделала шаг в его сторону.

Пуаро поклонился.

— Примите мои извинения, мадам, но поезд немного опоздал.

— Нет, нет...— неуверенно произнесла леди Шевени-Гор, в замешательстве глядя на Пуаро.— Нет, мистер... Извините, я не расслышала ваше имя.

— Эркюль Пуаро,— отчетливо произнес он.

Очевидно хозяина среди собравшихся не было.

— Мадам, вы знали, что я должен был приехать?— спросил Пуаро.

— О! Да... конечно... Но я так невнимательна. Все, что я слышу, проходит мимо меня.

Затем, обведя глазами присутствующих, она сказала:

— Я надеюсь, вы со всеми уже знакомы?

Этой фразой леди Шевени-Гор избавила себя от утомительной процедуры представления всех гостей. Помедлив, она добавила:

— Моя дочь — Руфь.

Девушка, стоявшая рядом, была тоже высокой и темноволосой, но совершенно другого типа. Ее волосы, зачесанные назад, падали на спину пышными локонами. Она имела прекрасный цвет лица и напоминала чудесный цветок. Но кроме красоты она обладала, по-видимому, и незаурядным умом.

— Как интересно! Отец приготовил нам такой сюрприз!

— Значит, вы ничего не знали о моем приезде, мадемуазель?— быстро спросил Пуаро.

— Абсолютно ничего.

Раздался удар гонга, и, открыв дверь, дворецкий сообщил, что обед подан.

Наблюдая за дворецким, Пуаро заметил, как на мгновение маска вышколенного слуги слетела с его лица и уступила место удивлению, свойственному обычному человеку. Но это продолжалось какую-то долю секунды.

Леди Шевени-Гор произнесла:

— Бог мой! Я ничего не могу понять!

Руфь повернулась к Пуаро.

— Дело в том, месье Пуаро, что за последние двадцать лет мой отец никогда не опаздывал к обеду.

— Это удивительно!— леди Шевени-Гор никак не могла успокоиться.— Жерве никогда...

Пожилой мужчина с военной выправкой, улыбаясь, направился в ее сторону.

— Наконец-то он тоже стал опаздывать! Даю слово, ему это так не пройдет!

Понизив голос, леди Шевени-Гор с тревогой призналась:

— Но ведь он никогда не опаздывал! Никогда!

За сдержанностью ее тона Пуаро почувствовал искреннее беспокойство, и хотя он был в этом доме впервые, ему показалось странным, что хозяин дома, ожидавший его приезда, не появился, чтобы встретить своего гостя.

Тем временем стало совершенно очевидно: оказавшись в необычной ситуации, никто не знал, что предпринять.

Наконец, леди Шевени-Гор нарушила воцарившееся молчание:

— Снэлл,— обратилась она к дворецкому,— где ваш хозяин?

— Сэр Жерве без пяти пять спустился по лестнице и пошел в свой кабинет.

— Может быть, он не слышал гонга?

— Это невозможно, миледи. Гонг — рядом с кабинетом. Правда, я не уверен, что хозяин до сих пор в кабинете. Если вы не возражаете, я схожу туда.

— Конечно, конечно, Снэлл. Благодарю вас.

Когда дворецкий вышел, она сказала:

— Снэлл — просто находка. Я могу во всем на него положиться. Не представляю, что бы я без него делала!

Попытка разрядить обстановку оказалась тщетной: собравшиеся молчали. Эркюль Пуаро внимательно оглядел находившихся в комнате людей: все были в каком-то странном напряжении. Двое пожилых мужчин, один из которых имел выправку военного; двое юношей, разительно отличающихся друг от друга по типу. Один — высокомерный — был, очевидно, племянником сэра Жерве. Другой явно относился к более низкому классу, чем все собравшиеся. Две дамы. Одна — среднего возраста, маленькая в очках. Другая — совсем юная девушка с пышными рыжими волосами.

В дверях появился Снэлл.

— Извините, миледи, но кабинет заперт.

— Почему заперт?— раздался взволнованный мужской голос, принадлежавший высокомерному юноше с зачесанными назад волосами. Он поспешно подошел у дворецкому и, обращаясь к леди Шевени-Гор, предложил:

— Может быть, мне пойти посмотреть?

Неожиданно, Эркюль Пуаро выступил вперед:

— Проводите меня, пожалуйста, в кабинет,— обратился он к Снэллу.

— Он произнес это очень спокойно, никто из присутствующих даже не удивился тому, что едва прибывший человек вмешивается в создавшуюся ситуацию. Снэлл направился к дверям холла в сопровождении Пуаро, а за ними, как послушное стадо овец, потянулись цепочкой все остальные. Остановившись у дверей кабинета, Пуаро попытался повернуть ручку. Дверь оказалась запертой. Он тихо постучал. Ответа не последовало. Тогда он стал стучать все громче и вдруг, опустившись на колени, заглянул в замочную скважину.

Медленно поднявшись с колен, он обратился к присутствующим:

— Джентльмены, надо немедленно открыть дверь. Попытаемся взломать ее.

Двое молодых людей молча последовали его указаниям. Однако это оказалось делом непростым. Двери были сделаны прочно. Наконец, замок поддался, и дверь распахнулась. В первый момент все стояли у порога, как вкопанные, не решаясь войти в комнату. Кабинет был ярко освещен. Слева у стены стоял массивный письменный стол из красного дерева. В кресле рядом со столом виднелась фигура человека, сидевшего спиной к двери. Его голова и вся верхняя часть тела свесилась через подлокотник, рядом на ковре лежал маленький пистолет. Картина была ясна: сэр Жерве Шевени-Гор застрелился.

Глава III

Какое-то время все стояли, окаменев. Неожиданно Гуго Трент воскликнул:

— Боже мой, он застрелился!

Раздался раздирающий душу стон леди Шевени-Гор:

— О! Жерве! Жерве!

— Отведите леди Шевени-Гор в ее комнату,— быстро сказал Пуаро,— ей здесь нечего делать.

Пожилой мужчина с военной выправкой подошел к хозяйке дома.

— Пойдемте, Ванда. Пойдемте, моя дорогая. Вы тут ничем не можете помочь. Руфь, идите вместе с матерью.

Но Руфь, протиснувшись в комнату, приблизилась к Пуаро, склонившемуся над скрюченным телом. Понизив голос, она спросила:

— Вы совершенно уверены, что он мертв?

Пуаро с любопытством посмотрел на девушку. Выражение ее лица поразило его. Он не увидел горя. Нет! Скорее испуг и возбуждение.

Маленькая женщина в очках пробормотала, обращаясь к Руфи:

— Ваша матушка, дорогая. Не лучше бы вам...

Ее прервал истеричный крик рыжеволосой девушки:

— Так это была не машина и не шампанское! Мы слышали звук выстрела!

Пуаро быстро повернулся к остальным:

— Срочно позвоните в полицию.

— Нет! Нет!— воскликнула Руфь.

— Боюсь, это неизбежно,— вмешался пожилой мужчина, похожий на юриста,— займитесь этим, Гуго.

— Вы — Гуго Трент?— спросил Пуаро, обращаясь к молодому человеку с усиками.— Желательно, чтобы все, кроме вас, покинули эту комнату.

Через минуту комната опустела. Остались только Пуаро и Гуго Трент. Молодой человек с удивлением посмотрел на Пуаро.

— Скажите, пожалуйста, кто вы? Я не имею ни малейшего представления. Что вы здесь делаете?

Пуаро протянул ему свою визитную карточку. Взглянув на нее, Гуго Трент спросил с еще большим удивлением:

— Частный детектив? Я о вас, конечно, слышал. Но не понимаю, почему вы оказались здесь?

— Вы не знали, что ваш дядя пригласил меня?

Гуго покачал головой. Его лицо напоминало маску.

— Мне кажется,— продолжал Пуаро,— я знаком с вашим главным констеблем — майором Риддлем.

— Да. Он живет поблизости. Вероятно, он придет сюда сам.

— Прекрасно.

Во время разговора Пуаро ходил по кабинету. Раздвинув занавеси, он внимательно осмотрел балконные двери. Они были заперты. На стене за письменным столом висело зеркало в овальной раме. Оно было разбито. Наклонившись, Пуаро поднял с пола какой-то предмет.

— Что это?— поинтересовался Гуго Трент.

— Всего навсего пуля.

— Значит она прошла навылет через голову и разбила зеркало?

— Выходит, что так.

Пуаро осторожно положил пулю на то же место, где она лежала.

Подойдя к столу, он внимательно посмотрел на разбросанные в беспорядке бумаги. Его внимание привлек лист, на котором большими буквами было написано всего одно слово: ПРОСТИТЕ.

— Возможно, он написал это как раз перед тем, как . . .— предположил Гуго.

Пуаро задумчиво кивнул. Он снова бросил взгляд на разбитое зеркало и затем на убитого. Нахмурившись, как бы недоумевая, он подошел к сорванной с петель двери. Ключа в двери не было. Пуаро вернулся к письменному столу и, нагнувшись, осмотрел карманы убитого.

— А вот и ключ.

Закуривая сигару, Пуаро сказал слегка охрипшим голосом:

— Кажется, все ясно. Дядя написал свое последнее слово на этом листе и потом застрелился.

Задумавшись, Пуаро смотрел на молодого человека, а тот продолжал:

— Но я не понимаю одного: зачем он пригласил вас? Что за всем этим кроется?

— Трудно сказать. Пока не приехала полиция, мистер Трент, прошу вас, вкратце расскажите, кто эти люди, которых я видел здесь.

— Да-да, конечно. Только давайте присядем,— и он направился к кушетке, стоявшей в углу комнаты.

— Начнем с Ванды — она моя тетя. Руфь — моя кузина. Это вы знаете. Другая рыжеволосая девушка — Сусанна Кардвелл. Она сейчас здесь живет. Пожилой мужчина — полковник Бэрри. Он старый друг семьи. Другой — мистер Форбс — семейный адвокат и поверенный. Когда-то они оба были влюблены в Ванду и до сих пор являются ее преданными и верными поклонниками. Возможно, это выглядит смешно, но в то же время очень трогательно. Там были еще секретарь моего дяди — Годфри Бэрроуз и мисс Лингард. Ее пригласили, чтобы она помогла дяде писать историю семьи Шевени-Гор. Вот и все, что я могу рассказать.

Пуаро кивнул головой.

— Значит вы слышали звук выстрела?

— Да, мы все слышали. Но подумали, что открывают шампанское. Во всяком случае, так подумал я. Сусанна и мисс Лингард решили, что это машина: дорога проходит рядом с домом.

— Когда это произошло?

— Примерно в десять минут девятого. Снэлл только что первый раз ударил в гонг.

— А где все в этот момент находились?

— В холле. Мы как раз спорили — откуда шел этот звук. Я предположил, что из столовой, Сусанна утверждала, что со стороны гостиной, мисс Лингард считала, что откуда-то сверху, а Снэллу показалось, будто звук проник с улицы через окна наверху. Потом Сусанна спросила, нет ли еще каких-нибудь предположений, и мы все засмеялись, а я сказал, что это мог быть выстрел убийцы. Сейчас мне жутко вспоминать тот разговор.

Лицо его передернулось.

— И никому не пришло в голову, что сэр Жерве мог покончить с собой?

— Конечно, нет.

— И вы не имеете ни малейшего представления, почему он это сделал?

— Дело в том . . .— в замешательстве медленно произнес Гуго.

— Значит, у вас есть какое-то предположение?

— Это трудно объяснить. Я, естественно, не мог даже предположить, что он способен на самоубийство. Но, тем не менее, я не очень поражен. Дело в том, что мой дядюшка был сумасшедшим, месье Пуаро, и все об этом знали.

— И вы считаете, что это полностью объясняет случившееся?

— Мне кажется, что стреляются только ненормальные.

— Вы подходите ко всему с завидной простотой.

Гуго с удивлением посмотрел на Пуаро.

Пуаро встал и прошелся по кабинету. Он был обставлен в викторианском стиле: массивные книжные шкафы, огромные кресла, несколько стульев с прямыми спинками — настоящий «чиппендейл». Красивые бронзовые статуэтки на каминной доске привлекли внимание Пуаро. Он взял одну из них в руки и, внимательно осмотрев, заметил на ней маленький блестящий осколок. Осторожно подцепив ногтем, он стал его внимательно рассматривать.

— Что это?— с любопытством спросил Гуго.

— Всего навсего осколок зеркала.

— Странно, куда отлетел осколок,— удивленно произнес Гуго.— Бедный старик Жерве. Разбитое зеркало — плохая примета. Говорят, это — к несчастью, однако ему и так везло слишком долго.

— Ваш дядя был удачливым человеком?

— Необыкновенно. Все, к чему бы он не прикасался, превращалось в золото! Если он вкладывал деньги в сомнительное предприятие, оно тут же начинало приносить буквально баснословные доходы. Кроме того, он чудом избегал всех опасностей. Даже тех, которые угрожали его жизни. Вообще он был славным человеком.

— Вы были привязаны к нему, мистер Трент?

Казалось, вопрос поставил Гуго в тупик.

— О, да . . . конечно,— неуверенно произнес он.— Дело в том, что временами с ним бывало очень трудно. К счастью, мне редко приходилось с ним общаться.

— А он вас любил?

— Если да, то это трудно было заметить! Скорее, он терпел мое присутствие.

— Я не совсем вас понимаю, мистер Трент.

— Дело в том, что у него не было своего собственного сына и он очень из-за этого переживал. Он был помешан на чести семьи, продолжении рода и всяком таком. Думаю, ему было больно сознавать, что с его смертью род Шевени-Гор прекратит свое существование, а ведь этот род основан еще при завоевании норманнами.

— Вы сами не разделяли его чувств по этому поводу?

Гуго пожал плечами.

— Мне кажется, это слишком старомодно.

— А что теперь будет с поместьем?

— Я не знаю. Возможно, оно перейдет ко мне или его получит Руфь, а может быть, оно достанется Ванде.

— Значит, ваш дядя не посвящал вас в свои планы?

— Видите ли, у него была одна идея фикс.

— В чем она заключалась?

— Он мечтал, чтобы мы с Руфью поженились.

— Я думаю, он видел в этом определенный смысл?

— Возможно. Но Руфь имеет свою точку зрения на жизнь. Она очень привлекательная девушка и хорошо знает себе цену. Она не спешит выйти замуж.

— А вы сами, мистер Трент, не против этого союза?

Гуго ответил безразличным тоном:

— Мне кажется, в наше время не имеет значения на ком жениться. Разводы стали теперь легким делом. Если вы видите, что жизнь не складывается, лучше все сразу разорвать и начать заново.

Открылась дверь, и вошел Форбс в сопровождении высокого мужчины. Последний кивнул Тренту.

— Привет, Гуго. Я очень огорчен всем, что произошло.

Пуаро выступил вперед.

— Добрый вечер, майор Риддль. Вы помните меня?

— Конечно, — протянул руку майор.— Значит, вы тоже здесь?

Полицейский с любопытством посмотрел на Эркюля Пуаро.

Глава IV

— Ваше мнение?— обратился майор Риддль к врачу, который только что закончил осмотр тела.

— Смерть наступила примерно тридцать минут назад, но не более часа. Выстрел произведен в голову, пистолет держали на расстоянии нескольких дюймов от правого виска. Пуля прошла через голову.

— Похоже на самоубийство?

— Да. Тело осело в кресле, и пистолет выпал из руки.

— Вы нашли пулю?

— Да.

— Прекрасно. Мы отдаем ее и пистолет на экспертизу. Рад, что дело оказалось простым, и никаких трудностей не предвидится.

— Вы в этом абсолютно уверены, доктор?— тихо спросил Пуаро.

Помедлив, доктор неуверенно проговорил:

— Правда, имеется одно странное обстоятельство. Когда он стрелялся, он должен был слегка отклониться вправо. В противном случае пуля не попала бы в зеркало.

— Странная поза для самоубийства,— заметил Пуаро.

Доктор пожал плечами.

— Искать удобную позу, когда вы собираетесь покончить...

Доктор не закончил фразу.

— Можно убирать тело, доктор?— спросил майор Риддль.

— Да, я свое дело сделал.

— А как вы считаете, инспектор?— майор Риддль обратился к полицейскому в штатском.

— Да. Осталось только снять отпечатки пальцев с пистолета.

Когда тело унесли, Пуаро и начальник полиции остались вдвоем в комнате.

Ну что ж,— сказал Риддль,— здесь все ясно. Запертая дверь, закрытые окна, ключ от двери в кармане убитого. Все, как по учебнику. Неясен только один факт: как вы оказались здесь?

Вместо ответа Пуаро протянул майору письмо, которое он получил от убитого неделю назад, и телеграмму.

— Интересно. Значит, мы должны сделать все возможное, чтобы докопаться до сути. Я думаю, это имеет прямую связь с самоубийством.

— Я с вами полностью согласен,— кивнул Пуаро.

— Мы должны проверить всех, кто есть в доме.

— Я могу вам их всех назвать. Я только что поинтересовался этим вопросом.— Пуаро перечислил майору всех присутствующих. – Возможно, вы, майор, знаете что-нибудь об этих людях?

— Естественно. Леди Шевени-Гор тоже не совсем нормальна — на свой манер, как и ее покойный муж. Они были очень преданы друг другу. Люди смеются над ее странностями, она об этом знает, но не обращает внимания, она напрочь лишена чувства юмора.

— Мисс Шевени-Гор их единственная приемная дочь?

— Да.

— Очень красивая девушка.

— Да. Кружит голову всем юношам. Прекрасная наездница: твердая рука и хорошая посадка.

— Думаю, этот вопрос нас сейчас мало интересует.

— Вы правы. Ну, а что касается остальных. Я хорошо знаю Бэрри. Он старый друг семьи и бывает здесь очень часто. Думаю, они с сэром Жерве были связаны делами в одной из компаний, где Бэрри был директором.

— А что вы скажете об Освальде Форбсе?

— Я с ним встречался только один раз.

— Мисс Лингард?

— Никогда о ней не слышал.

— Мисс Сусанна Кардвелл?

— Та хорошенькая рыжеволосая девушка? Я видел ее с Руфью несколько дней назад.

— Мистер Бэрроуз?

— Я его знаю. Он секретарь сэра Жерве. Между нами, мне он мало симпатичен. Довольно смазливый и слишком самоуверенный.

— Он долго работал у сэра Жерве?

— Около двух лет.

— Кого вы еще знаете из окружения сэра Жерве?

Разговор был прерван приходом высокого светловолосого молодого человека, быстро вошедшего в кабинет.

— Добрый вечер, майор Риддль. Мне сказали, что сэр Жерве застрелился, и я сразу поспешил сюда. Это невозможно! Я просто не могу поверить.

— Да. Это правда, Лейк. Позвольте мне вас представить. Месье Пуаро, это — капитан Лейк. Агент по недвижимости сэра Жерве. Месье Эркюль Пуаро, о ком вы, наверное, слышали.

На лице Лейка отразилось восхищение.

— Месье Пуаро? Я очень рад познакомиться с вами. Наконец...— он резко оборвал фразу и с тревогой спросил:

— Разве в его самоубийстве есть что-то подозрительное?

— Нет, нет,— поспешно сказал Пуаро,— я приехал сюда не по поводу самоубийства. Я уже был здесь, когда это случилось.

— Странно, он мне ничего не сказал о том, что ждет вашего приезда.

— Скажите, почему вас так поразил факт самоубийства сэра Жерве?

— Конечно, он был не совсем нормальным, но, я думаю, он считал, что без него мир просто перестанет существовать.

— Я вас понимаю,— Пуаро внимательно посмотрел на честное лицо молодого человека.

Майор Риддль откашлялся:

— Поскольку вы здесь, капитан Лейк, не могли бы вы присесть и ответить на некоторые вопросы?

— Конечно, сэр.

— Когда вы видели сэра Жерве в последний раз?

— Сегодня. Около трех часов. Нужно было обсудить некоторые счета. Кроме того, он решал вопрос о новом арендаторе для одной из ферм.

— Как долго вы у него пробыли?

— Около получаса.

— А теперь внимательно подумайте и скажите: не заметили ли вы что-нибудь необычное в его поведении?

Помолчав, молодой человек сказал:

— Нет. Ничего. Возможно, он был немного возбужден — но в таком состоянии я видел его довольно часто.

— Он не выглядел подавленным?

— Нет. У него было прекрасное настроение. Он писал историю своего рода.

— И когда он приступил к этой работе?

— Шесть месяцев назад.

— Мисс Лингард приехала как раз в то время?

— Нет. Она приехала два месяца назад, когда ему понадобилась помощь в работе с архивами.

— Итак, вы считаете, он находился в хорошем расположении духа?

— Да. Он был доволен собой. Ничто в жизни не имело для него никакого значения, кроме его собственной семьи, его рода,— с горечью произнес Лейк.

— Значит, сэра Жерве больше ничего не волновало?

— Нет,— помедлив ответил капитан.

— А как вы думаете,— неожиданно спросил Пуаро,— не беспокоился ли он о своей дочери?

— О дочери?

— Да.

— Насколько я знаю, нет,— сдержанно ответил Лейк.

— Спасибо. Больше у меня нет к вам никаких вопросов.

— А я бы вас попросил, Лейк,— вмешался в разговор майор Риддль,— пока никуда не отлучаться. Кроме того, у меня к вам еще одна просьба.

— Слушаю вас, сэр.

— Не могли бы вы пригласить сюда дворецкого? И узнайте, пожалуйста, как себя чувствует леди Шевени-Гор.

Когда капитан Лейк вышел, Пуаро сказал:

— Какой приятный молодой человек!

— Да, славный парень и притом отличный работник. Его все любят.

Глава V

— Садитесь, Снэлл,— дружеским тоном предложил майор Ридлль,— мне нужно задать вам несколько вопросов. Думаю, случившееся явилось для вас сильным ударом?

— Вы правы, сэр.

— Вы давно служите в этом доме?

— Шестнадцать лет. С тех пор, как сэр Жерве поселился здесь.

— Да, да, конечно. Ведь ваш хозяин любил путешествовать.

— Вы правы, сэр. Он был даже на Северном полюсе.

— Скажите, Снэлл, когда вы в последний раз видели своего хозяина живым?

— Я находился в столовой. Дверь в холл оставалась открытой, и я видел, как сэр Жерве спустился по лестнице, прошел через холл и направился по коридору в кабинет.

— В котором часу это было?

— Около восьми. Примерно без пяти восемь.

— А выстрел вы слышали?

— Да, сэр. Но мне тогда и в голову не пришло, что это был выстрел.

— А что вы подумали?

— Я подумал, что проехала машина, ведь дорога проходит рядом с домом. Или этот выстрел раздался из леса. Я никогда бы не подумал . . .

— Когда вы услышали этот звук?

— Ровно в восемь минут девятого, сэр.

— Как вам удалось установить время с такой точностью?

— Очень легко объяснить, сэр. Я только что ударил первый раз в гонг.

— Не понимаю вас.

— Дело в том, что сэр Жерве приказал давать первый гонг за семь минут до гонга к обеду. В восемь ровно я должен был ударить второй раз. Сэр Жерве отличался

большой точностью и требовал, чтобы ко второму гонгу все собирались в гостиной. После второго гонга я шел в гостиную и объявлял, что обед подан. Только после этого все отправлялись в столовую.

— Теперь я понимаю,— сказал Пуаро,— почему вы выглядели таким удивленным, появившись в гостиной. Ведь там не было сэра Жерве.

— Вы правы, сэр. Я был поражен. Он никогда не опаздывал.

Майор Риддль резко прервал дворецкого:

— А остальные тоже всегда собирались в гостиной?

— Да, сэр. Тех, кто опаздывал, никогда больше не приглашали.

— А члены его семьи тоже никогда не опаздывали?

— Леди Шевени-Гор была также очень точна, чтобы не огорчать сэра Жерве, ну, а мисс Руфь не осмелилась бы опоздать.

— Интересно, — пробормотал Пуаро.— Значит, обед всегда начинался пятнадцать минут девятого, и вы ударили первый раз в гонг в восемь минут девятого, как обычно?

— Не совсем так, сэр. Обычно обед начинался в восемь. Сегодня сэр Жерве отодвинул время обеда на пятнадцать минут, так как ожидал приезда одного джентльмена.

С этими словами дворецкий посмотрел на Пуаро и слегка поклонился в его сторону.

— Скажите, а когда ваш хозяин шел в кабинет, он не выглядел расстроенным или удрученным?

— Не могу сказать, сэр. Я не видел его лица.

— В кабинет он шел один?

— Да, сэр.

— После него никто больше не проходил в кабинет?

— Не знаю, сэр. Я сразу же пошел в свою комнату, и только в восемь минут девятого дал первый гонг.

— Тогда вы и услышали выстрел?

— Да, сэр.

— Там же находились и остальные,— вмешался в разговор Пуаро,— те, кто слышал этот выстрел?

— Да, сэр. Там были мистер Гуго, мисс Кардвелл и мисс Лингард.

— Все эти люди были в холле?

— Мисс Лингард только что вошла из гостиной, а мисс Кардвелл и мистер Гуго спускались по лестнице.

— Они обсуждали этот выстрел?

— Да. Мистер Гуго еще спросил, не открывали ли шампанское к обеду. Я ответил, что к обеду подали шерри и бургундское.

— А мистер Гуго решил, что это вылетела пробка от шампанского?

— Да, сэр.

— Но никто не отнесся к этому серьезно?

— Никто, сэр. Они, смеясь, пошли в гостиную.

— А где были все остальные?

— Я не знаю, сэр.

— Вы видели пистолет раньше?— спросил Риддль, показывая оружие.

— Да. Это пистолет сэра Жерве. Он всегда лежал в ящике его письменного стола.

— Он был обычно заряжен?

— Не знаю, сэр.

Майор Риддль отложил пистолет в сторону и откашлялся.

— Я хочу задать вам, Спэлл, очень важный вопрос, и, надеюсь, вы ответите на него правдиво. Знаете ли вы причину, из-за которой ваш хозяин покончил с собой?

— Нет, сэр.

— Может быть, вы заметили что-нибудь странное в поведении вашего хозяина в последнее время?

Замявшись, дворецкий ответил извиняющимся тоном:

— Простите, сэр, но поведение сэра Жерве казалось всегда странным. Он был в высшей степени своеобразным джентльменом.

— Да, да, я знаю.

— Малознакомые люди не всегда правильно понимали сэра Жерве.

— Я знаю. Но, может, все-таки что-нибудь в его поведении показалось вам странным?

Казалось, дворецкий колебался. Наконец он сказал:

— Думаю, сэр Жерве был чем-то озабочен.

— Он находился в подавленном состоянии?

— Я бы не сказал, сэр. Он был чем-то встревожен.

— У него были на то основания.

— Не знаю, сэр.

— Может, он беспокоился о ком-нибудь из своих близких?

— Ничего не могу вам сказать, сэр. Возможно, это всего лишь мои домыслы.

— Его самоубийство явилось для вас неожиданностью?— снова спросил Пуаро.

— Да, сэр. Для меня это было большим ударом. Я даже представить себе такое не мог.

Пуаро задумчиво кивнул головой. Посмотрев на него, Риддль сказал:

— Хорошо, Снэлл. Это, пожалуй, все, о чем мы хотели с вами поговорить. Кстати, вы совершенно уверены, что за последние несколько дней в доме не произошло ничего необычного?

Поднявшись со стула, дворецкий покачал головой.

— Ничего, сэр. Я уверен в этом.

— Тогда вы можете идти.

— Благодарю вас, сэр.

Подойдя к двери, дворецкий посторонился, пропуская входившую в комнату леди Шевени-Гор.

Она была одета в яркое, оранжевое с пурпурным рисунком, платье восточного покроя, плотно облегающее фигуру. На ее лице как будто застыла маска, движения были скупы и спокойны.

— Мне сказали, вы хотите поговорить со мной?— тихо спросила она.

— Может, мы перейдем в другую комнату?

Леди Шевени-Гор печально покачала головой и села на один из чиппендейловских стульев.

— Очень хорошо, что вы нашли в себе силы справиться со своим горем,— начал майор Риддль, но леди Шевени-Гор сразу же прервала его:

— Сначала это меня потрясло. Но ведь в действительности смерти не существует. Я сейчас совершенно отчетливо вижу Жерве, стоящего за вами, как раз за вашим левым плечом.

Майор Риддль испуганно оглянулся и с сомнением посмотрел на хозяйку дома. Она улыбнулась ему счастливой улыбкой.

— Конечно, вы не верите! Мало, кто в это верит. Для меня астральный мир так же реален, как и этот. Вы можете спрашивать меня обо всем, не боясь расстроить. Поверьте мне, я не переживаю. Это — Судьба. Никто не избежит своей Кармы. Посмотрите на разбитое зеркало. Это — знак свыше.

— При чем тут зеркало?— с любопытством спросил Пуаро.

— Вы видите — оно разбито. Это — знак! Вы читали поэму Теннисона? Там тоже было разбитое зеркало. Поэтому, леди Шеллот говорит, что это — Проклятье! То же случилось и с Жерве. На нем лежало Проклятье, как это часто бывает в древних родах. Зеркало разбилось, и он понял, что обречен. Проклятье сбылось!

— Мадам, но не проклятье разбило зеркало, а пуля!

— Не все ли равно,— мягко произнесла леди Шевени-Гор.— Это была рука Судьбы.

— Но ведь ваш муж застрелился сам.

— Кончено, он не должен был этого делать,— улыбнулась леди Шевени-Гор.— Но Жерве был слишком нетерпелив. Он никогда не умел ждать. Его час пробил — и он пошел навстречу судьбе. Все это очень просто понять. Во всяком случае мне.

Майор Риддль резко сказал:

— Значит, вас не удивило самоубийство вашего мужа? Вы ждали, что оно произойдет?

— О, нет,— ее глаза широко открылись.— Свою судьбу нельзя предугадать. Жерве был, конечно, необыкновенным человеком. Он не походил ни на кого. Такие, как он, рождаются на свет раз в тысячу лет. Это был — Великий Человек! Я это знала и, думаю, он тоже это чувствовал. Жерве не вписывался в рамки современной жизни . . . Вот сейчас он улыбается,— добавила она, посмотрев в сторону майора.— Ему, видимо, кажется очень глупым все, что здесь происходит. А ведь действительно это так. Мы все, как дети. Притворяемся, что жизнь наша — реальность и что она имеет большое значение . . . Жизнь — это одна из Великих Иллюзий.

Видя, что в этом разговоре он проигрывает, майор Риддль предпринял последнюю отчаянную попытку.

— Не могли бы вы нам объяснить, почему ваш муж решил покончить с собой?

Она пожала своими хрупкими плечами.

— Нами управляют невидимые силы. Вы этого не сможете понять. Для вас существует только материальный мир.

— Говоря о материальном мире, мадам,— вмешался в разговор Пуаро,— не могли бы вы нам сказать, кому ваш муж завещал свое состояние, свои деньги?

— Деньги?— она с удивлением посмотрела на него.— Я никогда не думала о деньгах.— В ее голосе прозвучала брезгливость.

Пуаро быстро переменил тему разговора:

— В какое время вы спустились к обеду?

— Время? Это очень неопределенное понятие.

Пуаро озадаченно пробормотал:

— Я слышал, ваш муж был очень пунктуальным человеком. Особенно когда это касалось времени обеда.

— Милый, милый Жерве,— улыбнулась она,— это была такая глупость с его стороны, но она доставляла ему удовольствие, поэтому мы никогда не опаздывали.

— Значит, когда прозвучал первый гонг, вы были в гостиной?

— Нет. В своей комнате.

— Не помните ли вы, кто был в гостиной, когда вы туда вошли?

— Почти все. А разве это имеет значение?

— Возможно, что нет. Тогда я хочу задать вам еще один вопрос. Ваш муж думал, что его обкрадывали?

Этот вопрос ни в какой мере не заинтересовал леди Шевени-Гор.

— Обкрадывали? Он бы очень возмутился, если бы узнал, что кто-то посмел его обмануть.

— Во всяком случае, вам он ничего не говорил?

— Нет, нет. Я бы это запомнила.

— Когда вы в последний раз видели вашего мужа живым?

— Он заглянул ко мне перед тем, как спуститься к обеду и сказал, что идет в столовую.

— О чем он в основном говорил в последнее время?

— Об истории своего рода. Он нашел эту смешную мисс Лингард, и она оказалась бесценной помощницей. Она просматривала для него архивы в Британском музее. Если вы знаете, она раньше работала над книгой лорда Малпастера. В своих изысканиях она очень тактична и выбирает из архива только то, что не может задеть честь рода Шевени-Гор. Мне она тоже помогла. Она нашла очень ценную информацию о египетской царице Хатшепсут. Вы знаете, в одной из своих прошлых жизней я была этой царицей,— произнесла очень спокойным голосом леди Шевени-Гор.— А до этого я была жрицей в Атлантиде.

Майор Риддль заерзал в кресле.

— Э... Это, конечно, все очень интересно... Спасибо, леди Шевени-Гор. Я думаю, у нас к вам больше вопросов нет. Вы были очень любезны.

— До свидания, джентльмены,— поднимаясь, произнесла хозяйка дома. Бросив взгляд через плечо майора Риддля, она улыбнулась:— До свидания, Жерве, дорогой. Мне бы так хотелось, чтобы ты пошел со мной, но я знаю, ты должен остаться здесь.

Она посмотрела на стоявших в смущении мужчин и добавила, как будто пытаясь им объяснить:

— В течение двадцати четырех часов душа умершего пребывает там, где человек умер, и только сутки спустя она может свободно перемещаться в пространстве и общаться с живыми людьми.

С этими словами леди Шевени-Гор выплыла из комнаты.

Майор Риддль вытер со лба пот.

— Ух! Ненормальна более, чем я предполагал. Неужели она действительно верит во всю эту чепуху?

Пуаро задумчиво покачал головой.

— Возможно,— сказал он,— эта вера ей помогает. Сейчас ей необходимо создать для себя мир иллюзий, чтобы смягчить тот удар, который ей нанесла смерть мужа.

— Мне она показалась просто сумасшедшей,— сказал майор Риддль.— Все, что она тут наговорила, лишено всякого смысла.

— Вы ошибаетесь, мой друг. Она дала нам очень ценную информацию о мисс Лингард. И поверьте, леди Шевени-Гор далеко не глупая женщина.

Он прошелся по комнате и продолжал:

— В этом деле есть некоторые нюансы, которые мне очень не нравятся.

Риддль с любопытством взглянул на Пуаро.

— Вы имеете в виду мотив самоубийства?

— Самоубийства! Ерунда все это. Уверяю вас, самоубийства не было. Оно невозможно психологически. Вспомните гипертрофированное самомнение сэра Жерве. Он ведь считал себя Колоссом, центром Вселенной. Разве такой человек способен на самоубийство? Конечно, нет. Он скорее уничтожит любого, кто посмеет встать на его пути, этакое ничтожное насекомое, и такой акт он воспринял бы как необходимый, более того, как благословенный свыше! Но уничтожить себя?! Великого, Единственного и неповторимого!

— Все это очень хорошо, Пуаро, но что делать с существующими, неоспоримыми доказательствами? Запертые двери, ключ — в его кармане, закрытые окна. Я знаю,

что в книгах такое случается, но в жизни я никогда с этим не сталкивался. Что вы на это можете ответить?

— Давайте вместе попытаемся разобраться.— Пуаро удобно расположился в кресле.

— Предположим, я — Шевени-Гор. Я сижу вот здесь, за письменным столом. Я решил застрелиться. Потому что, ну, например, потому что узнал кое-что порочащее честь семьи. Для меня это достаточно важно. Что я делаю? Я пишу на клочке бумаги слово «ПРОСТИТЕ». Такое возможно? Вполне. Затем я открываю ящик письменного стола, где хранится пистолет, вынимаю его, заряжаю, если он не заряжен, и — стреляюсь. Так? Не совсем. Я сначала поворачиваю кресло, затем наклоняюсь вправо и только после этого приставляю пистолет к виску и стреляюсь!

Пуаро вскочил и, повернувшись к майору, спросил:

— Теперь вы понимаете, как все это неестественно выглядит? Зачем надо было поворачивать кресло? Если бы, например, на стене висел чей-нибудь портрет, на который человек хотел бы посмотреть в последний раз перед смертью, тогда это имело бы хоть какой-то смысл. Но в данном случае у него перед глазами были только оконные шторы. Так что никакого смысла я в этом не вижу.

— Может быть, он хотел увидеть что-нибудь за окном?— высказал предположение майор.

— Мой друг, вы сами не верите в сказанное. В это время уже темно, и шторы задернуты. Нет-нет, здесь кроется нечто иное.

— Тогда я должен сказать, что существует одно единственное объяснение случившемуся — Жерве Шевени-Гор был просто сумасшедшим.

Пуаро медленно покачал головой.

Майор поднялся.

— Пойдемте и поговорим с остальными. Может быть, мы от них что-нибудь узнаем.

Глава VI

После трудного разговора с леди Шевени-Гор общение с мистером Форбсом доставило майору истинное удовольствие. И, хотя адвокат был человеком весьма осторожным, отвечал на вопросы лаконично и точно.

Он сказал, что самоубийство сэра Жерве явилось для него сильным ударом. Он никогда не считал возможным, чтобы такой человек, как сэр Жерве, мог лишить себя жизни. Причин, подтолкнувших его к этому, он не видит.

— Сэр Жерве был не только моим клиентом, но и старым другом. Я знал его с детства. Он отличался редким жизнелюбием.

— Может быть, вы знали о чем-нибудь, что омрачило жизнь сэра Жерве? Прошу ответить мне совершенно откровенно.

— Нет. Думаю, ничего серьезного у него не было.

— Может быть, он страдал какой-нибудь болезнью? Или не ладил с женой?

— О, нет. Они очень любили друг друга.

Майор Риддль осторожно сказал:

— Я заметил, у леди Шевени-Гор очень своеобразное представление о жизни.

Мистер Форбс улыбнулся:

— Дамы имеют право на фантазию.

Майор продолжал:

— Вы вели дела сэра Жерве?

— Да, моя фирма была связана с родом Шевени-Гор вот уже более ста лет.

— Не случались ли в их роду какие-нибудь скандальные истории?

Мистер Форбс с удивлением поднял брови:

— Я отказываюсь понимать вас, сэр.

— Месье Пуаро, будьте любезны, покажите мистеру Форбсу письмо, которое вы получили от сэра Жерве.

Пуаро молча протянул адвокату письмо.

Мистер Форбс внимательно прочитал, и его брови поднялись еще выше.

— Очень интересно. Теперь мне понятны ваши вопросы. К сожалению, я ничем вам помочь не смогу: мне не известно, что имел в виду сэр Жерве, когда писал это письмо.

— Сэр Жерве вам ничего не говорил о письме?

— Абсолютно ничего и, откровенно говоря, это меня удивляет.

— Обычно он с вами советовался?

— Да. Он считался с моим мнением.

— Значит, вы не имеете ни малейшего представления о том, что подразумевал сэр Жерве?

— Мне не хотелось бы делать поспешные заключения.

Майор Риддль оценил осторожность ответа.

— Мистер Форбс, скажите, пожалуйста, как сэр Жерве распорядился своим состоянием?

— Своей жене сэр Жерве оставил годовой доход в шесть тысяч фунтов и один из домов по ее выбору. Все остальное переходит его приемной дочери, Руфи, но при условии, если она выйдет замуж, и ее муж возьмет фамилию Шевени-Гор.

— А что достанется мистеру Тренту?

— Пять тысяч фунтов.

— Значит, сэр Жерве был богатым человеком.

— Да, очень богатым. Конечно, раньше он был еще богаче, но много потерял из-за одной компании, которую возглавлял полковник Бэрри. Он убедил сэра Жерве вложить в дело огромную сумму денег.

— Не очень умный совет,— сказал майор Риддль.

— Да,— вздохнув, согласился мистер Форбс.— К сожалению, отставные военные мало смыслят в финансовых операциях и часто оказываются банкротами.

— Это серьезно повлияло на состояние Жерве?

— Нет. Он остался чрезвычайно богатым человеком.

— Когда составлено завещание?

— Два года назад.

— Мне кажется, это все немного несправедливо по отношению к мистеру Тренту. Ведь он ближайший кровный родственник сэра Жерве,— пробормотал Пуаро.

— Не подумайте, что мы хотим копаться в грязном белье семьи Шевени-Гор,— сказал мистер Риддль.— Но мы должны понять смысл письма сэра Жерве.

— Я думаю, что ничего таинственного в отношениях сэра Жерве с племянником не существовало,— быстро сказал мистер Форбс.— Просто сэр Жерве считал себя главой семьи и относился к этому очень серьезно. У него были еще младший брат и сестра. Брат, Энтони Шевени-Гор, погиб во время войны. Сестра Полина вышла замуж, но сэр Жерве очень противился этому браку. Он считал, что сестра должна была испросить его согласия на брак. Семья капитана Трента не относилась к знатному роду, и сэру Жерве этот брак казался мезальянсом. Свою нелюбовь к капитану Тренту он перенес в какой-то мере и на племянника. Думаю, отчасти неприязнь толкнула его и на то, чтобы удочерить Руфь.

— Значит, у них не было надежды иметь своего ребенка?

— Не было. Через год после женитьбы у леди Шевени-Гор родился мертвый ребенок, и доктора сказали, что больше у нее детей не будет. Через два года они удочерили Руфь.

Пуаро спросил:

— А как к ним попала Руфь? Кто она?

— Думаю, какая-нибудь дальняя родственница.

— Я тоже так предположил,— Пуаро посмотрел на семейные портреты на стене.— Сразу видны фамильные черты — форма носа, линия подбородка. Посмотрите только на эти портреты.

— Она унаследовала и характер тоже,— сухо заметил мистер Форбс.

— Представляю себе. И какие у них были отношения с ее приемным отцом?

— Соответствующие. Но несмотря на ссоры, у них было взаимопонимание.

— Тем не менее она причиняла ему беспокойство?

— Постоянно. Однако, я уверяю вас, это не довело бы его до самоубийства.

— Совершенно с вами согласен,— заметил Пуаро,— из-за упрямой дочери еще никто не стрелялся. А скажите, сэр Жерве никогда не хотел изменить свое завещание?

Мистер Форбс откашлялся, чтобы скрыть смущение:

— Дело в том, что два дня назад сэр Жерве попросил меня составить новое завещание.

— Ах так?— майор Риддль пододвинул свое кресло ближе. Вы нам ничего об этом не сказали.

— Вы же меня спросили только об условиях завещания сэра Жерве. Я вам такую информацию дал. А новое завещание не было даже подписано.

— Чем оно отличалось от предыдущего? Может, это даст ключ к разгадке письма?

— В основном все осталось по-прежнему, за одним маленьким исключением: мисс Шевени-Гор могла получить причитающуюся ей долю наследства только в случае ее брака с мистером Гуго Трентом.

— О, очень серьезная поправка,— воскликнул Пуаро.

— Я был против этого пункта,— сказал мистер Форбс.— Более того, я предупредил сэра Жерве, что такое условие можно легко опротестовать в суде, однако он не прислушался к моему совету.

— А если мисс Шевени-Гор или мистер Трент откажутся бы выполнить это требование?

— Если бы отказался мистер Трент, то оговоренное состояние переходило бы к мисс Шевени-Гор. Но если бы отказ исходил от нее, то тогда все состояние перешло бы ему.

— Странное условие, — заметил майор Риддль.

Наклонившись вперед, Пуаро положил руку на колено адвоката.

— Что за всем этим кроется? Что было на уме у сэра Жерве, когда он оговаривал такое условие? Должно быть, что-то совершенно определенное. Может, тут появился другой мужчина, и сэр Жерве не одобрял выбор Руфи? в таком случае, Я думаю, мистер Форбс, вы должны знать этого мужчину.

— К сожалению, месье Пуаро я ничего не знаю.

— Но вы можете догадываться.

— Я никогда не строю догадок,— оскорбленным тоном сказал адвокат. Сняв очки, он тщательно протер их своим шелковым платком и спросил:

— У вас есть ко мне еще вопросы?

— У меня в данный момент нет,— ответил Пуаро.

Мистер Форбс перевел взгляд на майора.

— Благодарю вас, мистер Форбс. Я думаю, все ясно. Мне бы хотелось сейчас поговорить с мисс Шевени-Гор.

— Она сейчас у леди Шевени-Гор.

— Тогда я бы побеседовал с этим . . . Бэрроуз, кажется, так его зовут, а потом дамой, которая занимается историей их рода.

— Они оба в библиотеке. Я их сейчас же позову.

Глава VII

— Ух, и трудно же вытаскивать информацию из таких старых законников!— сказал майор Риддль, когда адвокат вышел из комнаты.

— Да, вы правы.

— А вот и Бэрроуз.

При этих словах в кабинет вошел молодой человек, всем своим видом показывающий, что он готов быть полезен обоим находящимся в кабинете джентльменам. Годфри Бэрроуз улыбался заученной улыбкой, которая казалась приклеенной к его лицу.

— Мистер Бэрроуз, у нас к вам есть несколько вопросов.

— Буду рад ответить на все.

— Во-первых, нас интересует ваше личное мнение о причинах самоубийства сэра Жерве.

— К сожалению, не могу даже ничего предположить. Я был потрясен.

— Вы слышали звук выстрела?

— Нет. Видимо, в это время я работал в библиотеке, а она расположена в другом конце дома.

— С вами там был еще кто-нибудь?

— Нет. Я там был один.

— А где находились остальные?

— Думаю, наверху. Переодевались к обеду.

— Когда вы пришли в гостиную?

— Как раз перед приездом месье Пуаро. Там уже собрались все, кроме сэра Жерве.

— Вас не удивило его отсутствие?

— Удивило: обычно он появлялся в гостиной уже до первого гонга.

— Вы не заметили ничего странного в поведении сэра Жерве в последнее время? Возможно, он был взволнован? Или подавлен?

Годфри Бэрроуз задумался.

— Нет. Пожалуй, нет. Он много работал.

— Не выглядел ли он расстроенным или огорченным?

— Нет. Правда, его волновали дела одной компании, которую возглавлял полковник Бэрри.

— Что он говорил по этому поводу?

Годфри Бэрроуз снова улыбнулся своей заученной улыбкой.

— Он говорил, что старый Бэрри или дурак, или рыцарь. Скорее всего — дурак, но придется с ним иметь дело ради Ванды.

— А почему «ради Ванды»?— поинтересовался Пуаро.

— Дело в том, что леди Шевени-Гор очень хорошо относится к полковнику, а он ее просто боготворит, ходит за ней, как верный пес.

— И сэр Жерве не ревновал?

— Ревновал?— Бэрроуз с удивлением посмотрел на обоих мужчин и рассмеялся.— Сэр Жерве — и ревность! Для него это понятие было неизвестно! Ему и в голову не приходило, что другого мужчину могут предпочесть ему. Нет, абсолютно невозможно!

Пуаро мягко сказал:

— Мне кажется, вы очень не любили сэра Жерве?

Бэрроуз покраснел.

— Вы совершенно правы. Его поведение и образ мыслей меня раздражали.

— А каков он, этот образ мыслей?

— Феодальный! Он буквально преклонялся перед своими предками, и сам был невыносимо надменный. Хотя и очень способным человеком. Он провел интересную жизнь, и если бы не его самовлюбленность, был бы интересным и приятным человеком.

— Его дочь тоже так считает?

Бэрроуз побагровел.

— Я думаю, мисс Шевени-Гор — девушка современная, тем не менее я не стал бы с ней обсуждать ее отца.

— Однако, современные дети очень часто обсуждают поведение своих родителей,— сказал Пуаро,— критика — как раз в духе современности.

Бэрроуз пожал плечами.

— Скажите,— спросил майор,— а вам никогда не приходилось слышать от сэра Жерве, что он является жертвой чего-либо?

— Жертвой?— удивленно переспросил Бэрроуз.— Нет. Не слышал.

— У вас с сэром Жерве были хорошие отношения?

— Конечно.

— Вы знали, что сэр Жерве написал письмо месье Пуаро и пригласил его приехать сюда?

— Нет.

— Сэр Жерве обычно сам писал письма?

— Нет, он почти всегда диктовал их мне.

— Но в данном случае он этого не сделал. Почему?

— Я не знаю.

— Любопытно. Когда вы в последний раз видели сэра Жерве?

— Как раз перед тем, как пойти переодеться к обеду. Я принес к нему на подпись несколько писем.

— Как он себя вел?

— Как обычно. Выглядел очень довольным.

— Ах, даже так!— Пуаро приподнялся и внимательно посмотрел на молодого человека.— У вас, значит, создалось впечатление, будто он был чем-то очень доволен. И все же вскоре он застрелился. Вам не кажется это странным?

Годфри Бэрроуз пожал плечами.

— Я высказал лишь свое мнение.

— Да-да, спасибо. Это для нас важно. Между прочим, вы один из последних, кто видел сэра Жерве живым.

— Последним был Снэлл.

— Возможно, он видел, но не разговаривал с ним.

На это замечание Бэрроуз ничего не ответил.

— В какое время вы пошли переодеваться к обеду?— спросил майор Риддль.

— Приблизительно в пять минут восьмого.

— Что в это время делал сэр Жерве?

— Я оставил его в кабинете.

— Сколько времени ему требовалось, чтобы переодеться?

— Около сорока пяти минут.

— Значит, если обед должен был начаться в пятнадцать минут девятого, то сэру Жерве следовало приступить к переодеванию по крайней мере в половине восьмого.

— Вероятно, так.

— А вы сами пошли рано переодеваться?

— Да. Я решил так: переоденусь и потом еще немного поработаю в библиотеке.

Пуаро задумчиво кивнул, а майор Риддль сказал:

— Благодарю вас. Теперь, если вас не затруднит, попросите зайти сюда мисс Лингард.

Мисс Лингард появилась почти сразу же. Под звон многочисленных цепочек, обвивавших ее шею, она уселась в кресло и вопросительно посмотрела на обоих мужчин.

— Все это очень печально, мисс Лингард . . .— начал майор Риддль.

— Действительно, печально,— вежливо подтвердила мисс Лингард.

— Когда вы приехали сюда?

— Около двух месяцев назад. Сэр Жерве написал письмо своему другу, работающему в Британском музее, подполковнику Фотерингу, и подполковник рекомендовал ему меня. Я провела довольно большую исследовательскую работу.

— Не трудно ли вам было работать с сэром Жерве?

— Надо на все уметь смотреть с юмором, особенно когда имеешь дело с мужчинами,— с улыбкой ответила мисс Лингард.

Опасаясь, что мисс Лингард в данный момент воспринимает его тоже с юмором, майор Риддль осторожно продолжил:

— Вы помогали сэру Жерве писать книгу?

— Да.

— В чем заключалась ваша помощь?

— Я подыскивала в архивах материал, обрабатывала его и передавала сэру Жерве.

— Вы должны были, видимо, проявлять при этом большой такт, мадемуазель?— сказал Пуаро.

— Такт и одновременно твердость. В работе эти два качества должны идти рука об руку. Работать с сэром Жерве было легко, стоило лишь найти к нему ключик.

— Я надеюсь, именно вы, мисс Лингард, можете пролить свет на причину самоубийства.

— Боюсь, что я ничем не смогу вам помочь. Сэр Жерве никогда со мной не откровенничал. Практически я для него являлась посторонним человеком. Кроме того, он был слишком горд, чтобы делиться с кем бы то ни было заботами и бедами своей семьи.

— Значит, вы думаете, что именно семейные неприятности стали причиной его самоубийства?

Мисс Лингард с удивлением посмотрела на майора:

— Конечно! А разве есть другие предположения?

— Вы абсолютно уверены, что его беспокоили семейные неурядицы?

— Я знаю, что он был очень расстроен.

— А скажите, он с вами говорил об этом?

— Он дал мне это понять.

— Каким образом? Что он вам сказал?

— Сейчас постараюсь вспомнить. Когда я с ним разговаривала, я заметила, что в мыслях он где-то далеко; сэр Жерве невнимательно слушал, о чем я говорю...

— Извините, что я вас прерываю. Когда это было?

— Сегодня днем. Обычно мы с ним работали с трех до пяти.

— Пожалуйста, продолжайте.

— Как я уже сказала, сэру Жерве было трудно сконцентрироваться, и он сказал, что его тревожат мысли. Еще он сказал — я точно не могу припомнить слова — но это было что-то вроде: «Ужасно, когда на один из старейших, благороднейших родов ложится пятно бесчестия»...

— Что вы на это ему сказали?

— Что-то успокаивающее. Кажется, сказала так: «Поколение, расплачиваясь за свое величие, может допускать маленькие слабости. Однако эти слабости не всегда становятся достоянием потомков».

— Ваши слова его успокоили?

— Более-менее. Мы снова занялись сэром Роджером Шевени-Гор. В древнем манускрипте я нашла очень интересные высказывания о нем, но сэр Жерве почти не слушал меня. В конце концов он сказал, что не может больше работать, и добавил, что сегодня у него произошли большие неприятности.

— Неприятности?

— Да, так он сказал. Конечно, я никаких вопросов не задавала. Я только сказала: «Мне очень горько слышать это, сэр Жерве». Потом он попросил меня предупредить Снэлла, что сегодня вечером приезжает месье Пуаро, и поэтому обед будет в восемь пятнадцать. Кроме того, он попросил послать к поезду машину.

— Он всегда с такими просьбами обращался к вам?

— Нет. Этим занимался мистер Бэрроуз. Я выполняла только свою работу, а ее нельзя было назвать работой секретаря в полном смысле этого слова.

— Как вы считаете, — спросил Пуаро, — у сэра Жерве, возможно, была определенная причина обратиться именно к вам с таким поручением, а не к мистеру Берроузу?

Мисс Лингард на минуту задумалась.

— Я не придала этому значения. Возможно, в тот момент ему было так удобнее. Однако сейчас я припоминаю, что он попросил меня никому не говорить о приезде месье Пуаро. Он сказал, что хочет сделать сюрприз.

— Ах, он так сказал? Очень, очень любопытно. И вы никому не сказали?

— Конечно, месье Пуаро. Я передала Сиэллу указания сэра Жерве отложить обед на восемь пятнадцать и послать машину к поезду, чтобы встретить приезжающего джентльмена.

— Больше сэр Жерве ничего не говорил?

— Когда я выходила из комнаты, он сказал: «Его приезд уже не поможет. Слишком поздно».

— Вы не знаете, что он имел в виду?

— Нет.

Почувствовав неуверенность ответа, Пуаро, нахмурившись, повторил:

—«Слишком поздно!» Значит, он сказал: «Слишком поздно».

— А вы не можете хотя бы предположить, какие обстоятельства так взволновали сэра Жерве?— спросил майор Риддль.

Помедлив, мисс Лингард сказала:

— Я думаю, это в какой-то мере связано с мистером Гуго Трентом.

— Гуго Трент? Почему вы так думаете?

— Это только мое предположение. Но вчера, когда мы во время своей работы обсуждали одного из предков сэра Жерве — сэра Гуго де Шевени, участвовавшего в войне Алой и Белой Розы и сохранившего о себе недобрую память,— сэр Жерве произнес: «Надо же было моей сестре выбрать для своего сына имя Гуго! В нашей семье оно еще никому не приносило счастья, и она должна была об этом подумать».

— Я понимаю, все, что вы нам сейчас сказали,— это ваши предположения,— сказал Пуаро,— однако они натолкнули меня на одну мысль.

— Более определенно сэр Жерве не высказывался?— спросил майор Риддль.

Мисс Лингард покачала головой.

— Он говорил как будто сам с собой, не обращаясь ко мне.

— Я вас понимаю.

— Мадемуазель, вы в этом доме человек посторонний и живете здесь около двух месяцев. Нам очень важно узнать ваше мнение об этой семье и вообще о доме,— задушевным тоном произнес Пуаро.

Мисс Лингард сняла очки.

— Ну, что ж... Откровенно говоря, первое впечатление у меня было такое, будто я попала в сумасшедший дом! Леди Шевени-Гор все время видела то, что никому не дано видеть, а сэр Жерве вел себя, как король. В самом деле, более странных людей я никогда не встречала. Правда, мисс Шевени-Гор совершенно нормальна. А вскоре я поняла, что леди Шевени-Гор — необычайно добрый и приятный человек. Никто так ко мне хорошо не относился, как она. Что же касается сэра Жерве, то его мания величия переходила все допустимые пределы. Мне кажется, он действительно был сумасшедшим.

— А что вы можете сказать об остальных?

— Думаю, мистеру Бэрроузу приходилось несладко, и он был рад сделать передышку, когда сэр Жерве работал со мной над книгой. Полковник Бэрри — очаровательный человек. Он очень предан леди Шевени-Гор, и с сэром Жерве у него были прекрасные отношения. Что касается мистера Трента, мистера Форбса и мисс Кардвелл, они пробыли здесь всего несколько дней, и мне трудно о них что-либо сказать.

— Благодарю вас, мадемуазель. А что вы можете сказать о капитане Лейке?

— О, он весьма приятный человек. Его все очень любят.

— И сэр Жерве тоже его любил?

— Да. Я сама слышала, как сэр Жерве говорил, что такого хорошего работника у него никогда не было. Конечно, капитану Лейку было тоже очень трудно работать с сэром Жерве, однако он умел прекрасно с ним ладить. А это, поверьте мне, нелегко.

Пуаро задумчиво кивнул и пробормотал:

— Что-то... Что-то я хотел у вас еще спросить...

Мисс Лингард терпеливо ждала.

— Вот прямо на кончике языка, а не могу вспомнить.

Подождав минуту, майор Риддль решился сам задать вопрос:

— Когда вы в последний раз видели сэра Жерве?

— Во время чая.

— Как он себя вел?

— Как обычно.

— Вы не заметили никакого напряжения у присутствующих?

— Нет. Все вели себя, как всегда.

— Куда пошел сэр Жерве после чая?

— Они вместе с Бэрроузом пошли в кабинет.

— Больше вы его не видели?

— Нет. Я пошла перепечатать главу и работала до семи. Потом пошла к себе немного отдохнуть и переодеться к обеду.

— И вы слышали, я думаю, выстрел?

— Да. И когда я вышла в холл, там уже находились мистер Трент и мисс Кардвелл. Мистер Трент спросил Сиэлла, не открывают ли шампанское, и пошутил по этому поводу. Нам никому и в голову не пришло отнестись к этому серьезно. Мы все были уверены, что это просто машина.

Пуаро спросил:

— Вы не слышали, как мистер Трент говорил что-нибудь об убийстве?

— Кажется, он действительно что-то сказал. В шутку, конечно.

— А что потом произошло?

— Мы все направились в столовую.

— Не помните ли вы, в каком порядке все шли?

— Первой шла мисс Шевени-Гор, потом мистер Форбс, потом полковник Бэрри с леди Шевени-Гор, за ними сразу мистер Бэрроуз. Мне кажется, что они шли именно так, но скорее всего, они шли все вместе.

— Они собрались после первого гонга?

— Да. Обычно все спешат, как только слышат гонг. Сэр Жерве был очень пунктуален в этом вопросе.

— А когда он обычно приходил?

— Обычно был уже в комнате, когда звучал гонг.

— Всех удивило его опоздание?

— Очень.

— Наконец-то я вспомнил!— воскликнул Пуаро.

Мисс Лингард и майор Риддль посмотрели на него вопросительно.

— Я вспомнил то, о чем хотел спросить. Сегодня вечером, когда мы все шли в кабинет, вы нагнулись и что-то подняли с пола.

— Я?— мисс Лингард, казалось, была очень удивлена.

— Да. Когда мы повернули в коридор, ведущий к кабинету. Это было что-то маленькое и блестящее.

— Удивительно! Я не помню. Ах, да. Я не придала этому значения. Подождите минутку, я, конечно, положила сюда.

Она открыла свою черную шелковую сумочку и высыпала все ее содержимое на стол.

Майор Риддль и Пуаро с любопытством смотрели на эту коллекцию: там были два платка, пудреница, маленькая связка ключей, футляр для очков и маленький блестящий предмет, который сразу привлек внимание Пуаро.

— Клянусь, это пуля!— воскликнул майор Риддль.

По форме предмет действительно очень напоминал пулю, однако это был всего-навсего маленький карандаш.

— Вот что я подняла,— сказала мисс Лингард,— но я совсем об этом забыла.

— Мисс Лингард, вы знаете, чей он?

— О, да, полковника Бэрри. Он сделал карандаш из пули, которой был ранен или которая пролетела мимо — точно не помню, во время Южно-Африканской войны.

— Когда вы у него видели этот карандаш в последний раз?

— Сегодня днем, во время игры в бридж. Когда я вошла, он этим карандашом что-то писал.

— А кто еще играл в бридж?

— Полковник Бэрри, леди Шевени-Гор, мистер Трент и мисс Кардвелл.

— Я думаю,— мягко сказал Пуаро,— мы сами вернем его полковнику.

— Пожалуйста. У меня такая плохая память, что я могу об этом забыть.

— Будьте так любезны, мадемуазель, пригласите сюда полковника Бэрри.

— С удовольствием. Я сейчас его найду.

Она поспешно вышла, а Пуаро, поднявшись, стал бесцельно прохаживаться по комнате.

— Теперь у нас вырисовывается ясная картина этого дня,— обратился он к майору Ридлю.— Очень интересно! В половине третьего сэр Жерве работает с капитаном Лейком и выглядит слегка озабоченным. В три часа, когда он обсуждает книгу с мисс Лингард, он ужасно расстроен. Мисс Лингард полагает, что в такое состояние его повергла мысль о Гуго Тренте, чье имя ассоциируется с именем их «неудачного» предка. За чаем — ведет себя как обычно. После чая, по словам Годфри Бэрроуза, сэр Жерве пребывает в очень хорошем расположении духа. Без пяти минут

восемь он идет к себе в кабинет, пишет одно только слово «Простите» и стреляется!

Я понимаю, что вы хотите этим сказать,— медленно произнес Риддль. Все выглядит очень нелогично.

Странная смена настроений сэра Жерве Шевени-Гор! Он озабочен — он ужасно расстроен — он в своем обычном настроении — он в очень хорошем расположении духа! За всем этим кроется что-то любопытное! А потом его фраза «Слишком поздно», относящаяся к моему приезду. Это истинная правда. Я действительно опоздал увидеть его живым.

— И вы думаете?..

— Теперь я уже никогда не узнаю, с какой целью пригласил меня сэр Жерве.

Пуаро продолжал прохаживаться по комнате: внимательно осмотрел карточный стол, стоявший у окна, открыл один из его ящиков; подошел к камину и переставил там статуэтки; затем вдруг нагнулся над корзиной для бумаг. В ней лежал только пустой бумажный пакет. Пуаро вынул его, понюхал — апельсины — потом аккуратно расправил и прочел название фирмы: «Карпентер энд Сан» — Гамбург. Когда он начал его складывать, в комнату вошел полковник Бэрри.

Глава VIII

Полковник тяжело опустился в кресло, покачал головой и вздохнул.

— Все это ужасно, Риддль! Леди Шевени-Гор потрясающая женщина! Женщина с большой буквы! Столько самообладания и выдержки!

Пуаро, бесшумно подойдя к своему креслу, сказал:

— Мне кажется, вы знаете ее уже много лет?

— Да. Я был еще на ее первом балу. До сих пор помню: у нее в волосах — бутоны роз, а сама она — в пышном белом платье. К ней просто страшно было прикоснуться!

Пуаро протянул ему карандаш.

— Это ваш?

— Благодарю вас. Я всегда им пользуюсь, когда играю в бридж.

— Вы играли в бридж до чая? В каком настроении пребывал сэр Жерве?

— Как обычно. Никогда бы не подумал, что он помышлял о самоубийстве. Сейчас, правда, мне кажется, он был немного возбужден.

— Когда вы видели сэра Жерве последний раз?

— За чаем. Больше я уже беднягу не видел.

— И вы не заходили в кабинет после чая?

— Нет.

— Когда вы спустились к обеду?

— Как только услышал первый гонг.

— Вы и леди Шевени-Гор спустились вместе?

— Нет, мы встретились в холле. Я думаю, она перед этим была в столовой, проверяла, как там расставлены цветы.

— Вы не будете возражать, полковник, если я задам вопрос, касающийся вас лично? Скажите, не возникали ли у вас недоразумения с сэром Жерве из-за вашей компании?

Лицо полковника стало пунцовым, и он быстро сказал:

— Вовсе нет. Вовсе нет. Старина Жерве был просто очень безрассудным человеком. Вы должны об этом помнить. Он ожидал, что все его поступки должны вызывать хвалебные гимны! Не понимал, что мир находится в кризисе.

— Значит, все-таки у вас были недоразумения?

— Да, нет же! Это только его проклятое безрассудство!

— Он вас винил в каких-то своих неудачах, потерях?

— Жерве был ненормальным! Ванда знала это, но всегда умела с ним договориться, и я предпочитал доверять ей во всем.

Пуаро кашлянул и посмотрел на него, майор Риддль сменил тему разговора.

— Вы старый друг семьи, полковник Бэрри, поэтому вам, вероятно, известно, как сэр Жерве распорядился своим состоянием?

— Я думаю, большая часть должна достаться Руфи.

— Вы не считаете, что это несправедливо по отношению к Гуго Тренту?

— Жерве не любил Гуго. Просто терпеть его не мог!

— Но у него было сильно развито чувство клана, а мисс Шевени-Гор — всего навсего его приемная дочь.

Поколебавшись, полковник Бэрри сказал:

— Послушайте, пожалуй будет лучше, если я вам кое-что расскажу. Только это строго между нами.

— Безусловно.

— Руфь — приемная дочь, но тем не менее она все равно принадлежит к роду Шевени-Гор. Она — дочь брата Жерве, Энтони, который погиб во время войны. У него был роман с какой-то машинисткой. Когда Энтони погиб, она написала Ванде. Ванда поехала с ней познакомиться — девушка ждала ребенка. Ванде как раз в это время врачи сказали, что она не сможет больше иметь детей. Ванда поговорила с Жерве, и вопрос был решен: когда девочка родилась, они ее удочерили официально. Мать отказалась от всех прав на нее, и они воспитали Руфь как свою собственную дочь. Посмотрите только на нее: она истая Шевени-Гор!

— Ах, так!— воскликнул Пуаро.— Теперь это проясняет поступок сэра Жерве. Но если он так не любил мистера Гуго Трента, почему же он настаивал на браке между ним и мадемуазель Руфью?

— Чтобы упорядочить семейные дела.

— Даже несмотря на то, что не любил и не доверял этому молодому человеку?

Полковник Бэрри фыркнул:

— Тогда вы совсем не имеете представления о Жерве! Для него люди были пешками. Он считал, что Руфь и Гуго должны пожениться, чтобы Гуго смог взять фамилию Шевени-Гор, а чувства Руфи и Гуго для него не имели никакого значения. Важно лишь то, что он считал этот союз подходящим.

— И мадемуазель Руфь дала согласие?

— Она?! Она же бешеная!

— А вам было известно, что незадолго до своей смерти сэр Жерве написал новое завещание, по которому мисс Шевени-Гор могла получить свою часть наследства только в том случае, если она выйдет замуж за мистера Трента?

От удивления полковник присвистнул.

— Значит, он действительно что-то учуял о ее связи с Бэрроузом?

Как только эта фраза слетела с его языка, он понял, что сказал лишнее, но было уже поздно.

— Так, значит, у мадемуазель Руфи и месье Бэрроуза какие-то личные отношения?

— Не уверен, что . . . Возможно, ничего такого и нет.

Майор Риддль откашлялся и сказал:

— Я думаю, полковник, вы должны рассказать нам все, абсолютно все, что вы знаете. Может, мы тогда поймем, что повлияло на настроение сэра Жерве.

— Возможно,— с сожалением произнес полковник Бэрри,— Бэрроуз парень довольно смазливый, во всяком случае, по мнению некоторых женщин. Так вот, они слишком подружились с Руфью, и это не нравилось Жерве. Уволить Бэрроуза он боялся: это повлияло был на его дела. В то же время он хорошо знал характер Руфи, знал, что она не управляема и не признает никакого диктата. Поэтому, я думаю, он и изменил свое завещание. Руфь не из той породы девушек, которые все пожертвуют ради любви. Она достаточно практична.

— А каково ваше личное мнение о мистере Бэрроузе?

Полковник, не задумываясь, заявил, что Годфри Бэрроуз напоминает ему плохо объезженного жеребенка. Это поставило Пуаро в тупик, а майор Риддль улыбнулся в усы.

Ответив еще на несколько незначительных вопросов, полковник Бэрри отбыл.

Риддль взглянул на Пуаро, поглощенного своими мыслями.

— Как вы на это смотрите, месье Пуаро?

Маленький человечек развел руками.

— Мне кажется, я вижу какую-то продуманную схему.

— Трудно вас понять.

— Это действительно трудно. Все больше и больше фраз, которые я услышал, начинают обретать важный смысл.

— Например?

— Вы помните, как Гуго Трент, смеясь, говорил об убийстве?

— Ваши мысли все время направлены в одну сторону! — резко сказал Риддль.

— Разве вы не согласны со мной, мой друг, что чем больше мы узнаём, тем меньше мы видим мотивов для самоубийства? Что же касается убийства, то как раз для него мотивов набралось предостаточно.

— Но вы не должны забывать и тот факт, что дверь оказалась заперта, а ключ обнаружен в кармане сэра Жерве! Я, конечно, понимаю, что существует множество способов закрыть дверь. Но в данном случае мне это кажется весьма проблематичным.

— Тем не менее, давайте будем рассматривать происшедшее как убийство, а не самоубийство.

— Ну, что ж, согласен; если появились вы, то это действительно может быть убийство!

Пуаро улыбнулся.

— Мне не особенно по душе ваш вывод, — и он погасил мимолетную улыбку.

— Подойдем к случившемуся как к убийству. В таком случае — что мы имеем? Выстрел в голову. В это время в холле находились четверо: мисс Лингард, Гуго Трент, мисс Кардвелл и Сноэлл. Где были остальные? Бэрроуз, как он сам заявил, работал в библиотеке, однако подтвердить его слова никто не может. Остальные были в своих комнатах, но кто знает, так ли это в действительности! В холл спустились каждый сам по себе. Даже леди Шевени-Гор и Бэрри встретились в холле, куда леди Шевени-Гор пришла из столовой. А откуда туда пришел Бэрри? Вполне возможно, что он пришел не из своей комнаты, а именно из кабинета. А история с его карандашом?

— Это все очень интересно,— заметил Пуаро.— Однако, он отреагировал совершенно спокойно, когда я вернул ему карандаш. Возможно, потому, что он не знал, где я его нашел, и не помнил, где его потерял? А теперь вспомним, с кем он играл в бридж? Гуго Трент и мисс Кардвелл. Четвертой была леди Шевени-Гор.

— И вы вполне серьезно можете ее подозревать?

— А почему бы и нет, мой друг? Что касается меня, то я вправе подозревать всех! Предположим, что несмотря на всю очевидную преданность своему мужу, она по-настоящему любит верного Бэрри?

Риддль хмыкнул.

— В таком случае, мы имеем дело с пресловутым любовным треугольником.

— И в этом треугольнике между сэром Жерве и полковником Бэрри были какие-то недоразумения. Возможно, что сэр Жерве становился опасным. К сожалению, мы досконально ничего не знаем. Тем не менее, в этом случае все хорошо укладывается в вашу схему: сэр Жерве подозревает, что Бэрри его обманывает, но не хочет предавать огласке свои семейные неурядицы, потому что тут замешана его жена. Да, такое вполне возможно, и у одного из этих двоих появляется определенный мотив. Но что странно, так это отношение леди Шевени-Гор к известию о смерти мужа: она восприняла его слишком спокойно. Правда, этому могла способствовать ее вера в загробную жизнь!

— Есть еще одна проблема,— сказал Пуаро,— это касается мисс Шевени-Гор и Бэрроуза. В их интересах не допустить, чтобы новое завещание было подписано.

— Да, и описанное им хорошее настроение сэра Жерве выглядит неправдоподобно. Это не соответствует тому, что мы слышали от остальных.

— А мистер Форбс? Корректен, серьезен, представитель старой и известной фирмы. Но бывали случаи, что и самые респектабельные адвокаты запускали руку в карман своих клиентов, когда сами оказывались на мели.

— Я думаю, Пуаро, вы ищете в этом деле что-то сенсационное.

— Вижу, вы считаете, что такое случается только в кино? Дело в том, майор Риддль, что жизнь очень часто удивительно схожа с синематографом.

— Вы правы, именно так и было в Вестшире,— ответил майор.— Давайте лучше закончим допрос остальных. Вы

не против? Уже становится поздно. Мы еще не разговарива-
ли с мисс Шевени-Гор, а она, возможно, самое важное
действующее лицо, так мне кажется.

— Вы правы. Надо поговорить и с мисс Кардвелл.
Давайте начнем с нее. Думаю, это не займет много времени,
а потом уже побеседуем с мисс Шевени-Гор.

Глава IX

Когда Пуаро впервые увидел Сусанну Кардвелл, он не обратил на нее особого внимания. Теперь он внимательно ее рассмотрел. «Умное лицо,— подумал он,— довольно привлекательна и обладает тем шармом, которому позавидовала бы любая красавица. Великолепные волосы. Искусный макияж. Живой взгляд».

После нескольких малозначащих вопросов майор Рідль спросил:

— Я не знаю, насколько вы, мисс Кардвелл, близки с этой семьей?

— Я вообще не была с ними знакома. Это Гуго сделал так, чтобы меня сюда пригласили.

— Вы друг Гуго Трента?

— Да. Я его девушка.

Произнося эти слова, Сусанна улыбнулась.

— Вы давно с ним знакомы?

— Нет. Около месяца.

Она замолчала и добавила:

— Мы помолвлены.

— И он привел вас сюда, чтобы представить своим родственникам?

— Боже мой, да ничего подобного! Мы всё держали под большим секретом. Я просто хотела выяснить обстановку. Гуго сказал мне, будто здесь настоящий сумасшедший дом, и я подумала, что должна увидеть все собственными глазами. Гуго, бедняжка, ни в чем не может разобраться, у него голова не варит. Мы с Гуго находимся в затруднительном положении: у нас нет ни гроша, а сэр Жерве, на которого Гуго в основном рассчитывал, решил женить его на своей дочери. Гуго по своей слабости не ровен час решился бы на эту женитьбу, думая, что потом сможет развязаться.

— Вас такая идея не привлекала, мадемуазель?— мягко спросил Пуаро.

— Ни в коей мере! Руфь могла отказаться дать развод или случилось бы что-нибудь еще. Я решительно воспротивилась!

— Значит, вы приехали сюда, чтобы оценить обстановку?

— Да. Гуго оказался прав! Вся семейка оказалась чокнутой, за исключением Руфи, у которой с головой все в порядке. Она сама против этой женитьбы,— у нее есть свой собственный парень.

— Вы имеете в виду месье Бэрроуза?

— Бэрроуза? При чем тут он! Руфь никогда бы не выбрала такого фальшивого парня, как этот.

— Кто же тогда предмет ее любви?

Сусанна Кардвелл помолчала, достала сигарету, закурила и спокойно сказала:

— Вам лучше спросить об этом у нее. В конце концов, это не мое дело.

Майор Риддль спросил:

— Когда вы в последний раз видели сэра Жерве?

— За чаем.

— Вы не заметили в его поведении чего-либо странного?

Девушка пожала плечами.

— Не более, чем обычно.

— Чем вы занимались после чая?

— Играли в биллиард с Гуго.

— Больше вы сэра Жерве не видели?

— Нет.

— Что вы можете сказать о выстреле?

— Это было довольно странно. Видите ли, мне показалось, что прозвучал первый гонг, я поспешно оделась, выбежала из комнаты — и тут услышала гонг. Решила, что это уже второй, и сломя голову помчалась по лестнице. В день приезда я всего на одну минуту опоздала к обеду, и Гуго сказал мне, что это может расстроить все наши планы, поэтому я очень боялась опоздать. Гуго шел впереди меня, и вот тогда мы и услышали этот звук — как пробка от шампанского. Снэлл сказал, что мы ошиблись, к тому же звук шел не из столовой. Мисс Лингард подумала, что это где-то наверху, потом мы решили: автомобиль проехал, и пошли в столовую.

— И у вас не промелькнула мысль, что сэр Жерве мог застрелиться?

— Разве мне могло такое придти в голову, позвольте вас спросить?! Старик казался этаким самодовольным . . .

Никогда бы не подумала, что он на это способен! Не могу представить, почему он застрелился. Думаю, он был просто псих.

— Несчастный случай?— спросил Пуаро.

— Да. Особенно для нас с Гуго. Боюсь, что он ничего не завещал Гуго. Или почти ничего.

— Кто вам это сказал?

— Гуго вытянул из Форбса.

— Мисс Кардвелл . . .— начал майор Риддль и, помолчав, продолжал,— у нас к вам больше нет вопросов. Как вы думаете, мисс Шевени-Гор в состоянии побеседовать с нами?

— Конечно. Я ей передам.

— Одну минуту, мадемуазель,— неожиданно вмешался Пуаро.— Вы раньше где-нибудь это видели?

И он протянул девушке карандаш полковника.

— О, да. Сегодня днем, когда мы играли в бридж. Эта штуковина принадлежит полковнику Бэрри.

— Скажите, а когда закончилась игра, он взял этот карандаш с собой?

— Не имею представления.

— Благодарю вас, мадемуазель. У меня — все.

— Чудесно. Пойду позову Руфь.

Мисс Шевени-Гор вошла в комнату походкой королевы, с высоко поднятой головой, однако в ее глазах, как и у Сусанны Кардвелл, сквозила настороженность. Руфь была одета в то же платье бледно-абрикосового цвета, которое Пуаро видел на ней при первом знакомстве в холле. К плечу она прикрепила темно-красную розу. Час назад цветок был еще свежим, но сейчас его головка печально поникла.

— Я слушаю.

— Извините, что вынуждены побеспокоить вас,— начал майор Риддль.

— Естественно,— резко оборвала его Руфь,— вы должны были побеспокоить меня, и не только меня. Вы должны побеспокоить всех. Но чтобы облегчить вашу задачу, я могу вам сразу сказать, что не имею ни малейшего представления, почему Старец покончил с собой. Кроме того, этот поступок ни в коей мере не увязывается с его характером.

— Вы не заметили никаких странностей в его поведении сегодня? Может быть, он был в подавленном состоя-

ции или, наоборот, излишне возбужден? Короче говоря, было ли в его поведении что-либо необычное?

— Не думаю. Я не заметила.

— Когда вы видели его в последний раз?

— За чаем.

— А позднее вы не заходили в кабинет?— спросил Пуаро.

— Нет.

— Хорошо. Мадемуазель, вам знаком этот карандаш?

— Да. Это полковника Бэрри.

— Вы видели у него этот карандаш сегодня?

— Не помню.

— Вы слышали о недоразумениях между полковником и вашим отцом из-за компании?

— Да. Он был из-за этого в бешенстве.

— Возможно, он считал, что его обманули?

Руфь пожала плечами.

— Он совершенно не разбирался в финансовых вопросах.

— Могу я, мадемуазель, взять на себя смелость задать вам нескромный вопрос?— спросил Пуаро.

— Пожалуйста, если это вам необходимо.

— Вы огорчены смертью отца?

Она с удивлением посмотрела на Пуаро.

— Конечно. Только я не вижу смысла в слезах. Мне будет недоставать его. Я любила Старца — так мы с Гуго всегда его называли. «Старец», вы понимаете, что мы имели в виду: что-то древнее, типа «патриарх», старейшина рода. Возможно, звучит непочтительно, но за этим в действительности скрываются любовь и уважение. В то же время он был очень сложным и самым упрямым старым ослом, который когда-либо жил на земле.

— Все это очень интересно, мадемуазель.

— У него были куриные мозги! Прошу прощения за эти слова, но он действительно не был способен ни на какую умственную работу, и в то же время он — Личность. Фантастически храбрый! Добрался до полюса, участвовал в дуэлях. Я думаю, он так неистовствовал, ибо прекрасно понимал, что ему недостает ума. Любой мог его обмануть.

Пуаро вынул из кармана письмо и протянул его девушке.

— Прочитайте, мадемуазель.

— Так вот почему вы приехали,— сказала Руфь, возвращая письмо.

— Это письмо вам ни о чем не говорит?

Она покачала головой.

— Нет. Но вполне возможно, он был прав. Каждый мог ограбить его. Бедняга. Джон говорил: «Человек, работавший на этом месте до меня, тащил все, что только мог». Видите ли, Старец был благороден настолько, что никогда не снисходил до того, чтобы мелочиться. Он представлял собой прекрасную добычу для мошенников.

— Мадемуазель, вы полностью изменили наше представление о сэре Жерве.

— Он просто хорошо маскировался. Ванда во всем его поддерживала. Он был счастлив выступать в роли всемогущего Бога. Вот почему в какой-то степени я даже рада, что он умер. Для него это явилось сейчас лучшим выходом.

— Я не совсем вас понимаю, мадемуазель.

Руфь задумчиво сказала:

— Мания величия овладевала им все сильнее и сильнее, и, в конце концов, его бы отправили в лечебницу. Люди вокруг уже поговаривали об этом.

— Вы знали, мадемуазель, что он предполагал в своем завещании оговорить условие, по которому вы могли бы получить свою часть наследства только в том случае, если выйдете замуж за мистера Трента?

— Какой абсурд!— воскликнула Руфь.— Любой суд может это опротестовать! Я совершенно уверена, что никто не имеет права диктовать людям, с кем им следует вступать в брак.

— Значит, будь завещание подписано, вы согласились бы с его условиями, мадемуазель?

Она с удивлением посмотрела на Пуаро.

— Я . . . я . . .

Замолчав, она какое-то время сидела в нерешительности, опустив глаза на свою покачивающуюся туфельку. Маленький комочек земли слетел с каблука и упал на ковер.

— Подождите!— неожиданно воскликнула она.

Вскочив, Руфь выбежала из комнаты. Скоро она вернулась в сопровождении капитана Лейка.

— В конце концов, это все равно скоро обнаружится,— тяжело дыша, проговорила она.— Вы должны узнать об этом сейчас. Три недели назад в Лондоне мы с Джоном обвенчались.

Глава X

Капитан Лейк выглядел очень смущенным.

— Вот это сюрприз, мисс Шевени-Гор... я хотел сказать, миссис Лейк,— произнес майор Риддль.— И об этом никто не знал?

— Нет. Мы все держали в тайне. Джону, правда, такое положение вещей не нравилось.

Слегка заикаясь, Лейк сказал:

— Я...я знаю, все это отвратительно. Я должен был сразу пойти к сэру Жерве.

В разговор вмешалась Руфь.

— Сказать ему, что ты хотел жениться на его дочери и получить по голове? А потом он мог лишить меня наследства, поднять черт знает какой шум в доме, а нам оставалось только умиляться тому, как честно мы поступили! Поверь мне, мой путь был более правильным. Что сделано, то сделано! Все равно, конечно, разразился бы скандал, но в конце концов, все бы образовалось.

Лейк выглядел очень несчастным, и Пуаро спросил:

— Когда вы собирались сообщить эту новость сэру Жерве?

— Я подготовила почву,— ответила Руфь,— он с таким подозрением смотрел на нас с Джоном, что мне пришлось притвориться, будто меня интересует Годфри. Естественно, отец пришел в ярость. Тогда я подумала, что новость о моем замужестве с Джоном явится для него почти облегчением!

— И все-таки: кто знал о вашем замужестве?

— Я сказала Ванде. Мне было необходимо перетянуть ее на свою сторону.

— Вам удалось?

— Да. Видите ли, она не очень стремилась к моему браку с Гуго, я думаю, потому что он был моим кузеном. Мне кажется, она считала, что семья и без того ненормаль-

шая, а тут еще могут пойти сумасшедшие дети. Конечно, это абсурд. Я — всего-навсего приемная дочь, как вы знаете. Думаю, что я — ребенок какого-нибудь дальнего родственника.

— Вы считаете, сэр Жерве ничего не подозревал?

— О, нет!

— Это — так, капитан Лейк?— спросил Пуаро.— Вы твердо помните, что в вашем разговоре с сэром Жерве сегодня днем ни слова об этом не говорилось?

— Совершенно в этом уверен, сэр.

— Дело в том, капитан Лейк, что мы имеем показания о том, что после разговора с вами сэр Жерве был сильно взволнован. Кроме того, он несколько раз повторил о бесчестии семьи.

Побледнев, Лейк твердо сказал:

— Об этом не говорилось ни слова.

— И когда вы в последний раз видели сэра Жерве?

— Я уже сказал вам, что после разговора я его больше не видел.

— Где вы были в восемь минут девятого?

— Как, где? У себя дома. Это — в конце деревни в полумиле отсюда.

— И вы не подходили близко к этому дому в это время?

— Нет.

Пуаро повернулся к девушке.

— А где были вы, мадемуазель, в то время, когда ваш отец застрелился?

— В саду.

— В саду? И вы слышали выстрел?

— Да. Но я не придала ему никакого значения. Я подумала, что кто-то охотится на кроликов, однако сейчас я припоминаю, что мне он послышался как отдаленный.

— И вы вернулись домой... через какие двери?

— Через двери в гостиную.

— Кто в это время находился в гостиной?

— Никого. Правда, очень скоро туда из хола вошли Гуго, Сусанна и мисс Лингард. Они болтали что-то о выстрелах, убийствах и о чем-то еще.

— Понимаю. Да, теперь я, кажется, понимаю,— произнес задумчиво Пуаро.

Майор Риддль посмотрел на него с сомнением.

— Благодарю вас. Думаю, больше вопросов у нас нет.

Руффь с мужем вышли из комнаты.

— Какого черта,— начал майор Риддль и затем с безнадежностью в голосе продолжал:

— Мне становится все труднее и труднее разобраться в этом деле.

Пуаро кувшул. Наклонившись, он подобрал комочек земли, упавший с каблука Руфи, и задумчиво стал его рассматривать.

— Это — как то разбитое зеркало на стене. Каждый новый факт дает возможность нам увидеть убитого под разным углом зрения. Он отражается в этом зеркале со всех сторон. Скоро у нас будет полная картина происшедшего.

Пуаро поднялся и аккуратно положил комочек земли в корзину для бумаг.

— Я скажу вам одну вещь, мой друг. Ключ к разгадке — в разбитом зеркале, поверьте мне.

Майор Риддль решительно сказал:

— Если это убийство, вы обязаны его раскрыть, но если вы спросите мое мнение, я вам скажу, что это определенное самоубийство. Вы помните, девушка говорила о бывшем агенте по недвижимости? Будто он обманывал сэра Жерве. Бьюсь об заклад, Лейк тоже рассказывал нам сказки в свою пользу. Вероятно, он тоже клал в карман, сэр Жерве заподозрил его и послал вам письмо, не зная, как далеко зашли у Лейка отношения с его дочерью. А сегодня днем Лейк заявил, что женился на Руфи. Это довело сэра Жерве до крайности, и он решил покончить с собой. «Слишком поздно» было что-то предпринимать. У него и до этого была неуравновешенная психика, а эта новость его добила. Вот моя точка зрения. Вы можете меня опровергнуть?

Пуаро молча стоял посредине комнаты.

— Что мне вам ответить? Ваша теория не учитывает многие факты.

— Какие?

— Несоответствия в показаниях о настроении сэра Жерве сегодня; найденный карандаш полковника Берри; показания мисс Кардвелл — а они очень важны; показания мисс Лингард, касающиеся порядка, в котором все спустились к обеду; положение кресла сэра Жерве, в котором он был обнаружен мертвым; корзина для бумаг,

где лежал пустой пакет из-под апельсинов и, наконец, самое важное — разбитое зеркало.

Майор Риддль с удивлением спросил:

— Вы хотите сказать, что вся эта пустая болтовня имеет смысл?

— Надеюсь,— тихо ответил Эркюль Пуаро,— завтра я смогу вам это доказать.

Глава XI

На следующий день Эркюль Пуаро проснулся на рассвете. Его поместили в комнате, находящейся в восточном крыле дома. Поднявшись, он отдернул штору и увидел, что солнце уже встало, и утро обещает быть чудесным.

Он начал одеваться с обычной своей тщательностью. Закончив туалет, Пуаро надел теплое пальто и закутал шею шарфом. Затем он на цыпочках вышел из комнаты и через спящий дом прошел в гостиную. Там он осторожно открыл дверь и вышел в сад.

Солнце только что встало над горизонтом. В воздухе витал туман, как обычно бывает перед ясным днем. Эркюль Пуаро прошел по террасе до окон кабинета. Здесь он остановился. Под окном была полоса газона, тянувшаяся вдоль дома, затем шел широкий цветочный бордюр, засаженный астрами, живописно окаймляющий выложенную плитками дорожку, на которую вышел Пуаро. Полоска газона тянулась до самой террасы. Пуаро тщательно осмотрел ее и покачал головой. Все его внимание было привлечено к цветочному бордюру: с правой стороны на нем виднелись отчетливые следы. Пока он, нахмурившись, их рассматривал, послышался какой-то звук, и Пуаро резко выпрямился. Над ним находилось распахнутое окно, в котором он увидел ореол золотых волос и умное лицо Сусанны Кардвелл.

— Что вы здесь делаете в такой ранний час, месье Пуаро? Идете по следу?

Пуаро почтительно поклонился.

— Доброе утро, мадемуазель. Вы правы. Перед вами детектив — великий детектив, могу вас уверить, занимающийся расследованием.

Сусанна выслушала эту цветистую тираду, склонив к плечу голову.

— Я, видимо, должна запомнить ваши слова для своих мемуаров. Может быть, я могу вам помочь?—спросила она.

— Буду счастлив, мадемуазель.

— Сначала я приняла вас за взломщика. Как вы выбрались из дома?

— Через дверь гостиной.

— Подождите минутку, я сейчас к вам выйду.

Через минуту она была уже рядом с Пуаро, который продолжал исследовать бордюр.

— Вы рано просыпаетесь, мадемуазель?

— Я не могла спать. Меня преследовало ощущение, будто я должна встать в пять часов утра.

— Но сейчас уже не пять часов.

— И тем не менее такое чувство у меня было. Ну, а теперь, мой супер-сыщик, что мы намереваемся искать?

— Посмотрите на эти следы, мадемуазель.

— Вижу.

— Их всего четыре,— продолжал Пуаро,— я вам сейчас покажу. Два следа — по направлению к окну, два — от окна.

— Чьи они? Садовника?

— Мадемуазель, мадемуазель! Эти следы оставлены маленькой дамской туфелькой на высоком каблуке. Убедитесь сами: встаньте рядом с этими отпечатками.

Поколебавшись, Сусанна встала туда, куда ей показал Пуаро. На ней были маленькие коричневые туфли на высоком каблуке.

— Посмотрите, почти тот же размер. Почти, но не совсем. У той, которая оставила этот отпечаток, размер немного больше. Возможно, следы принадлежат мисс Шевени-Гор, или мисс Лингард, или леди Шевени-Гор.

— Нет, у леди Шевени-Гор очень маленький размер. Не понимаю, как в ее время женщинам удавалось иметь такие ноги. А мисс Лингард носит туфли на сплошной подошве.

— Значит, эти следы оставила мисс Шевени-Гор. Ах, да, я помню, она упомянула, что вчера вечером выходила в сад.

Пуаро направился к дверям.

— Мы все еще занимаемся расследованием?— спросила Сусанна.

— Конечно. Мы идем в кабинет сэра Жерве.

Сусанна последовала за Пуаро.

Дверь кабинета все так же висела на петлях. Внутри комнаты все оставалось по-прежнему. Пуаро раздвинул шторы и в течение нескольких минут стоял, рассматривая бордюр из цветов, затем обернулся к Сусанне и сказал:

— Мадемуазель, я думаю, у вас нет большого опыта знакомства с грабителями?

Сусанна с сожалением покачала золотистой головкой.

— Боюсь, что нет, месье Пуаро.

— Майор Риддль тоже не поддерживает с ними дружеских отношений и ограничивается строго официальными. У меня же все по-другому. Однажды у меня был очень приятный разговор с взломщиком. Он рассказал мне интересную вещь о таких вот двустворчатых дверях — трюк, с помощью которого можно их открыть, если запор достаточно свободный.

Говоря это, он повернул ручку левой створки двери и потянул обе створки на себя. Широко распахнув, он снова ее открыл, не поворачивая ручку. Выпустив ее, он резко ударил по замку — замок защелкнулся, ручка повернулась.

— Вы видите, мадемуазель?

— Да.— Сусанна побледнела.

— Теперь дверь закрыта. Невозможно войти в комнату, когда дверь закрыта, но вполне возможно выйти из нее и таким образом запереть снаружи. Дверь будет заперта, и каждый, кто посмотрит на нее, решит, что она заперта изнутри.

— Это . . . это и произошло вчера вечером?— спросила Сусанна. Ее голос слегка дрожал.

— Думаю, что так, мадемуазель.

— Не могу в это поверить!— с отчаянием воскликнула девушка.

Пуаро не ответил. Он подошел к камину и вдруг резко повернулся к Сусанне.

— Мадемуазель, вы мне нужны, как свидетель. Один свидетель у меня есть. Это — мистер Трент. Он видел, как я нашел вчера этот крошечный кусочек зеркала. Я сказал ему об этом и оставил на том же месте, чтобы показать полиции. Кроме того, я сказал майору, что разбитое зеркало — очень важная улика, но он не понял моего намека. Теперь я беру вас, мадемуазель, в свидетели тому, что я кладу этот кусочек зеркала в конверт и запечатываю его. Вы свидетельствуете это, мадемуазель?

— Да. Но . . . но я не понимаю, что все это значит?

Пуаро подошел к письменному столу и посмотрел на разбитое зеркало.

— Я сейчас объясню вам, что это значит. Если бы вы вчера были здесь и посмотрели в это зеркало, вы бы смогли увидеть, что совершается убийство.

Глава XII

Впервые в жизни Руфь Шевени-Гор — теперь Руфь Дейк — спустилась к завтраку вовремя. Находившийся в холле Эркюль Пуаро воспользовался удобным случаем и отвел ее в сторону до того, как она прошла в столовую.

— У меня к вам один вопрос, мадам.

— Я вас слушаю.

— Когда вы вчера выходили в сад, вы, случайно, не наступили на цветы под окном кабинета сэра Жерве?

Руфь удивленно на него посмотрела.

— Да. Два раза.

— Два раза? Как так?

— Первый раз, когда срывала астры. Это было около семи вечера.

— Мне кажется, вы выбрали неподходящее время.

— Конечно. Но дело в том, что утром я поставила во все вазы цветы, а после чая Ванда сказала, что к обеду нужно поставить свежие цветы. Поэтому около семи я пошла в сад. Я решила рвать астры около окон кабинета, потому что это место не бросается в глаза.

— Я понял. А когда вы выходили в сад второй раз?

— Перед самым обедом. Я поставила пятно на платье, как раз на плечо. Мне не хотелось снова переодеваться, и тут я вспомнила, что когда рвала астры, то заметила одну розу, поэтому я выбежала за ней в сад и приколола ее к плечу.

Пуаро кивнул.

— Да, я помню эту розу на вашем платье. Сколько было времени, мадам, когда вы рвали эту розу?

— Я точно не помню.

— Но это очень, очень важно, мадам. Постарайтесь вспомнить.

Руфь нахмурилась. Бросив мимолетный взгляд на Пуаро, она отвела глаза.

— Я точно не помню,— наконец сказала она.— Где-то

около пяти минут девятого. Когда я возвращалась, я услышала звук гонга, а потом этот непонятный хлопок. Я очень спешила, так как решила, что это уже второй удар гонга; а не первый.

— Почему тогда вы не вошли через двери в кабинет? Ведь так было ближе.

— Я хотела, но двери оказались запертыми.

— Я вас поздравляю, мадам. Теперь вы все объяснили.

Она с удивлением посмотрела на Пуаро.

— Что вы имеете в виду?

— У вас есть объяснения на все: откуда на вашем каблучке оказался комочек земли, почему ваши следы были на бордюре и, наконец, почему на дверях в кабинет остались отпечатки ваших пальцев. Все очень хорошо объясняется.

Руфь не успела ответить — по лестнице торопливо спускалась мисс Лингард. На ее щеках горели красные пятна. Увидев стоящих рядом Руфь и Пуаро, она немного опешила.

— Извините. Что здесь происходит?

— Мне кажется, месье Пуаро сошел с ума!— зло сказала Руфь.

Она резко повернулась и пошла в столовую. Мисс Лингард удивленно посмотрела на Пуаро.

Пуаро покачал головой.

— Я все объясню после завтрака. Мне бы хотелось, чтобы все собрались в десять часов в кабинете сэра Жерве.

Когда он вошел в столовую, он снова повторил свою просьбу всем присутствующим.

Бросив на него быстрый взгляд, Сусанна Кардвелл посмотрела на Руфь.

— А в чем дело?— спросил Гуго, но, получив сильный толчок в бок, послушно замолчал.

Закончив завтрак, Пуаро достал свои большие старомодные часы и сказал:

— Сейчас без пяти десять. Жду вас всех через пять минут в кабинете.

* * *

Пуаро оглянулся. На него со всех сторон смотрели полные любопытства глаза. Он не увидел только одного лица, но в этот момент оно появилось в дверях. Леди Шевени-Гор вошла своей легкой, скользящей походкой.

Она выглядела измученной и больной. Пуаро подвинул ей кресло, и она села. Бросив взгляд на разбитое зеркало, она вздрогнула.

— Жерве еще здесь,— спокойно сказала она.— Бедняга, скоро он будет свободен.

Откашлявшись, Пуаро сказал:

— Я попросил вас здесь собраться, чтобы вы узнали о некоторых фактах самоубийства сэра Жерве.

— Это — Судьба,— сказала леди Шевени-Гор.— Жерве был сильным человеком, но его Судьба оказалась сильнее.

Полковник Бэрри наклонился к ней.

— Ванда, дорогая . . .

Улыбнувшись, она протянула ему руку и тихо произнесла:

— Нед, ты умеешь чудесно успокаивать.

— Значит, мы должны понимать, месье Пуаро,— резко сказала Руфь,— что вы установили причину самоубийства моего отца?

Пуаро покачал головой.

— Нет, мадам.

— Тогда к чему вся эта болтовня?

— Я не знаю причину самоубийства сэра Жерве Шевени-Гор,— спокойно ответил Пуаро,— потому что сэр Жерве Шевени-Гор не совершал самоубийства. Он не застрелился. Его застрелили.

— Застрелили?!— повторило эхо голосов со всех сторон.

Недоумевающие лица смотрели на Пуаро.

Леди Шевени-Гор покачала головой.

— Застрелили? О, нет!

— Вы сказали, его застрелили?!— воскликнул Гуго.— Невозможно! Ведь когда мы вчера вошли, никого в комнате не было, и окна были закрыты. Кроме того, дверь оказалась запертой изнутри, а ключ лежал у дяди в кармане. Как же он мог быть убит?

— Тем не менее он был убит.

— И убийца сбежал через замочную скважину,— скептически заметил полковник Бэрри,— или, может быть, вылетел через каминную трубу?

— Убийца вышел через двери в сад,— сказал Пуаро,— я сейчас вам покажу.

Показав, каким образом можно закрыть двери, Пуаро вернулся к присутствующим.

— Теперь вы видите, как это было сделано! С самого начала я не верил, что сэр Жерве способен на самоубийство. Человек с манией величия никогда не способен убить себя. Кроме того, имеются и другие факты. Очевидно то, что перед самой смертью он написал на листе бумаги слово «Простите», затем почему-то повернул кресло боком к столу. Почему? Видимо, была какая-то причина. Для меня стало все проясняться, когда я нашел на камине маленький кусочек зеркала, прилипший к основанию тяжелой бронзовой статуэтки. Тогда я спросил самого себя, как мог кусочек зеркала оказаться на статуэтке? Ответ оказался прост: зеркало было разбито не пулей, оно было разбито этой статуэткой. И разбито с определенной целью. Но зачем? Я подошел к столу и посмотрел на кресло. Ни один самоубийца не будет переставлять кресло, перегибаться через подлокотник и затем . . . стреляться. Здесь все было переставлено для инсценирования самоубийства.

А теперь я подхожу к очень важному моменту: свидетельские показания мисс Кардвелл. Мисс Кардвелл сообщила, что когда она спускалась по лестнице, она услышала звук гонга и решила, что это уже второй гонг, так как первый, как ей показалось, она уже слышала. Подумайте, куда бы отскочила пуля, если бы при выстреле сэр Жерве сидел в нормальном положении за письменным столом? Она прошла бы по прямой через дверь, если бы дверь была открыта, и попала в гонг! Теперь вы понимаете, насколько важны показания мисс Кардвелл? Никто, кроме нее, не слышал этот первый гонг, но ее комната находится как раз над помещением, где висит гонг, поэтому она и услышала этот звук. Он был очень тихий.

Я считаю, что утверждать, будто сэр Жерве покончил с собой, нет никакого смысла. Мертвый не смог бы встать, закрыть и запереть дверь, а затем сесть в кресло! Во всем этом был замешан кто-то еще, поэтому я и считаю, что произошло не самоубийство, а убийство. Некто, чье присутствие вполне естественно для сэра Жерве, стоит рядом с ним. Возможно, сэр Жерве что-то пишет. Убийца подносит пистолет справа и стреляет в голову. Все кончено! Теперь быстро за работу! Убийца надевает перчатки. Дверь заперта, ключ положен в карман сэра Жерве. Но предположим, что звук гонга, в который ударила пуля, был услышан. Тогда станет ясно, что дверь была открыта, а не заперта, когда прозвучал выстрел. Поэтому тело повернуто в такое положение, и намеренно разбито зеркало. После этого

убийца выходит через двери в сад, закрывает их и, выходя, наступает на цветочный бордюр, где следы легко уничтожаются, затем направляется в гостиную.

Помолчав, Пуаро продолжал:

— Когда прозвучал выстрел, в саду находился только один человек. Этот человек и оставил следы на бордюре и отпечатки пальцев на дверях.

С этими словами он приблизился к Руфи.

— Кроме того, существовал определенный мотив, разве не так? Ваш отец узнал о тайном браке и собирался лишить вас наследства.

— Это ложь!— в голосе Руфи звучало презрение.— В вашем предположении нет ни слова правды. От начала и до конца это ложь!

— Все свидетельствует против вас, мадам. Может быть, суд вам и поверит, а может, и нет.

— Она не предстанет перед судом.

Все с удивлением повернули голову. Мисс Лингард поднялась со своего места. Ее лицо исказилось. Она вся дрожала.

— Я убила его. Признаюсь. У меня были на то причины. Я... я долго ждала. Месье Пуаро совершенно прав. Я пошла за Жерве в кабинет. Заранее я вынула из ящика стола пистолет. Я стояла рядом с ним, говорила о книге — потом я выстрелила. Это произошло после восьми. Пуля ударила по гонгу. Я не могла даже предположить, что она пройдет сквозь голову. У меня не было времени выйти и поискать ее. Я заперла дверь и положила ключ ему в карман. Потом я повернула кресло боком к столу, разбила зеркало и, написав на листе слово «Простите», вышла в сад, заперев снаружи двери точно таким же способом, как показал вам месье Пуаро. Я шагнула прямо на цветы, но сразу же сравняла следы граблями, которые приготовила заранее. Затем я обошла дом и вошла в гостиную. Я не встретила Руфи, так как огибала дом с другой стороны. Я подождала в гостиной, пока не услышала, что кто-то спускается по лестнице, а Снэлл направился к гонгу, и тогда я...

Она посмотрела на Пуаро.

— Вы не догадываетесь, что я потом сделала?

— Почему же? Я нашел в гостиной в корзине для бумаг пустой пакет. Вы очень хорошо все продумали. Так любят делать дети. Вы надули пакет и потом стукнули им. Звук был достаточно сильным. Вы выбросили этот пакет в

корзину и выбежали в холл. Вы сфальсифицировали точное время самоубийства и создали себе прекрасное алиби. Вас теперь волновало только одно: у вас не оставалось времени, чтобы найти пулю. Она должна была находиться где-то в районе гонга. Было очень важно, чтобы пуля была обнаружена в кабинете, около разбитого зеркала. Я не знаю, что за идея пришла вам в голову, когда вы подобрали карандаш полковника Бэрри.

— А было так,— сказала мисс Лингард,— когда мы все вошли из холла в гостиную, я была поражена, увидев там Руфь. Я поняла, что она, вероятно, вошла в гостиную через двери из сада. Потом я увидела карандаш полковника на столе. Я взяла его и положила в сумку. Если бы потом кто-нибудь заметил, как я поднимаю пулю, я бы сделала вид, что поднимаю этот карандаш. Однако я не думаю, что кто-нибудь видел, как я взяла пулю. Я уронила ее возле зеркала, когда вы осматривали тело, и во время нашего с вами разговора я очень обрадовалась, что вспомнила о карандаше.

— Да, все было сделано очень умно. Это меня сбило с толку окончательно.

— Я очень боялась, что кто-нибудь услышит выстрел, но все переодевались к обеду в своих комнатах, а слуги находились на своей половине. Единственной, кто мог слышать выстрел, была Кардвелл, но она бы приняла его за звук проходящей машины. А вот звук гонга она действительно слышала. Я думала ... я думала, все шло без помех.

— Необыкновенная история,— сказал своим неторопливым педантичным тоном мистер Форбс.— Но кажется, нет никакого мотива ...

— Мотив есть,— перебила его мисс Лингард и яростно добавила,— а теперь звоните в полицию! Чего вы ждете?

— Будьте любезны, оставьте нас двоих,— обратился Пуаро к окружающим,— мистер Форбс, позвоните майору Риддлю. Я побуду здесь до его прихода.

Медленно, по одному все выходили из комнаты. Озадаченные, ничего не понимающие, потрясенные услышанным, они бросали смущенные взгляды на аккуратную, держащуюся прямо седую женщину.

Последней выходила Руфь. Она задержалась в дверях.

— Я не понимаю,— с вызовом обратилась она к Пуаро,— только что вы говорили, будто это сделала я.

— Нет, нет,— Пуаро отрицательно покачал головой.— Я никогда так не думал.

Руфь медленно вышла.

Пуаро остался вдвоем с маленькой аккуратной женщиной средних лет, которая только что призналась в хорошо запланированном хладнокровном убийстве.

— Конечно,— сказала мисс Лингард.— Вы и не думали, что убийство совершила она. Вы специально обвинили ее, чтобы заставить признаться меня. Разве не так?

Пуаро кивнул.

— Пока мы ждем,— сказала мисс Лингард тоном обычной беседы,— вы могли бы мне рассказать, что заставило вас подозревать меня.

— Во-первых, ваши слова о сэре Жерве. Такой гордый человек, как сэр Жерве, никогда не будет пренебрежительно говорить о своем племяннике с посторонним человеком, особенно занимающим в его доме такое положение, как ваше. Вы хотели упрочить вашу теорию о самоубийстве. Более того, вы рискнули предположить, что причиной самоубийства был бесчестный поступок Гуго Трента. Об этом сэр Жерве тоже никогда бы не сказал чужому человеку. Кроме того, был еще предмет, который вы подняли в холле, и тот важный факт, что вы даже не упомянули, как Руфь вошла в гостиную именно из сада. Потом я нашел бумажный пакет — совсем неподходящий предмет для гостиной такого дома, как этот! Только вы были в гостиной, когда раздался «выстрел», который все слышали. Трюк с пакетом мог придти в голову только женщине. Все сходилось: попытка бросить тень вины на Гуго и отвести подозрение от Руфи. Механизм преступления — и его мотив.

Маленькая женщина вздохнула:

— Так вы знаете мотив?

— Думаю, что да. Мотив — счастье Руфи! Я могу предположить, что вы видели ее с Джоном Лейком и обо всем догадывались. Имея доступ к документам и бумагам сэра Жерве, вы могли увидеть его новое завещание — Руфь лишается наследства в случае отказа выйти замуж за Гуго Трента. Это заставило вас выступить в роли олицетворения закона, используя тот факт, что сэр Жерве написал мне письмо. Возможно, вы видели копию письма ко мне. Какие чувства подтолкнули его написать это письмо, я не знаю. Вероятно, у него были подозрения, что Бэрроуз или Лейк систематически его обкрадывали. Его сомнения относительно симпатий Руфи заставили его прибегнуть к частному расследованию. Вы использовали

этот факт и инсценировали самоубийство, утверждая, что сэр Жерве был необычайно встревожен и подавлен из-за Гуго Трента. Вы послали мне телеграмму, а потом заявили, что сэр Жерве, узнав о моем приезде, сказал «слишком поздно».

Мисс Лингард зло сказала:

— Жерве Шевени-Гор был хвастун, сноб и пустозвон! Я не хотела допустить, чтобы он разрушил счастье Руфи.

Пуаро тихо спросил:

— Руфь — ваша дочь?

— Да. Она — моя дочь. Я часто думала о ней. Когда я узнала, что сэр Жерве Шевени-Гор ищет человека, чтобы помочь ему написать семейную хронику, я ухватилась за этот шанс. Мне очень хотелось увидеть мою... мою девочку. Я была совершенно уверена, что леди Шевени-Гор меня не узнает: прошло уже много лет, я тогда была молодой и довольно привлекательной, к тому же я переменила фамилию. Кроме того, леди Шевени-Гор — очень рассеянный человек. Мне она всегда нравилась, но семью Шевени-Гор я ненавидела. Они все считали меня ничтожеством. И вот я узнала, что Жерве собирается разрушить жизнь Руфи из-за своей гордости и снобизма. Тогда я решила, что она должна быть счастлива. И она будет счастлива, если только никогда не узнает обо мне!

В ее голосе прозвучала мольба. Пуаро наклонил голову и тихо сказал:

— От меня никто ничего не узнает.

— Благодарю вас,— спокойно сказала мисс Лингард.

* * *

Позднее, когда приехала полиция, Пуаро увидел Руфь Лейк с мужем в саду. Она с вызовом обратилась к Пуаро:

— Вы действительно думали, месье Пуаро, что это сделала я?

— Я был уверен, мадам, что вы не могли этого сделать... из-за астр.

— Из-за астр? Я вас не понимаю.

— Мадам, на бордюре было только четыре следа, и если вы там рвали цветы, следов должно было быть значительно больше. Это значит, что между вашим первым и вторым выходом в сад кто-то разровнял землю. Это мог сделать только убийца, а так как ваши следы остались, значит этим

человеком были не вы. С вас автоматически снималось подозрение.

Лицо Руфи просветлело.

— Я понимаю. Но это все ужасно, хотя мне очень жаль бедную женщину. Она призналась, чтобы не допустить моего ареста, во всяком случае, она так думала. Это очень благородно с ее стороны. Мне очень неприятно думать, что она предстанет перед судом за убийство.

— Не тревожьтесь,— мягко сказал Пуаро,— до этого не дойдет. Врач сказал, что у нее очень плохое сердце, и она не доживет до суда.

— Я рада, — Руфь сорвала осенний крокус и коснулась им щеки, бедная женщина, зачем она это сделала? . .

СОДЕРЖАНИЕ

СВИДАНИЕ СО СМЕРТЬЮ
3

РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛО
135

Агата Кристи

СВИДАНИЕ СО СМЕРТЬЮ
РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛО

Сдано в набор 19.12.90.
Подписано в печать 18.01.91.
ЛД—00024. Формат 84×108¹/₃₂. Типографская бумага. Гарнитура «Таймс».
Высокая печать. 10,92 усл. печ. л. 11,23 усл. кр.-отт., 12,35 уч. изд. л.
Тираж 250000 экз. (1—100 000).
Заказ № 0017. Цена 8 руб. Издательство «Авотс». 226050, Рига, бульвар Аспазияс, 24. Изд. 207/РІ—30/90. СП «Либра».
Отпечатано в типографии издательства обкома КПСС, 426000, г. Ижевск, Воткинское шоссе, 10-й км.

Кристи А.
К 825 Свидание со смертью. Разбитое зеркало/Пер. с англ. Винтер Г.— Рига: Авотс, 1991—204 с.

«Свидание со смертью», «Разбитое зеркало»— остросюжетные психологические детективы, ранние произведения замечательной английской писательницы А. Кристи, чье столетие со дня рождения широко отмечается в нынешнем году. Советскому читателю известны такие ее романы, как «Восточный экспресс», «Отель Бертрам», «Убийство в замке» и другие.

4703010100—5
К ————————91 84.4
М 803(11)—91

JSNB 5—401—00678— X

В издательстве «Авотс» в 1991 году выйдут книги:

Пентекост

«ЛЮБИТЕЛЬ ШАМПАНСКОГО»

С. Шелдон

«ЛИЦО БЕЗ МАСКИ»

СОВЕТЫ МОЛОДОЙ ХОЗЯЙКЕ

Сост. Е. Коссе

Ван-де-Вельде

«СУПРУЖЕСТВО И ТЕХНИКА ИДЕАЛЬНОГО БРАКА»

АГАТА КРИСТИ

Свидание со смертью

— Неужели ты не понимаешь, что ее нужно убить?

Вопрос разорвал ночную тишину. Эркюль Пуаро подождал у окна, но разговор не возобновился...

Это были первые услышанные им в Иерусалиме слова.

8,00